

ИСТОРИЯ РОССИИ

ВЪ РАСКАЗАХЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Роднаго неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнить?
О родина святая!
Какое сердце не дрожить,
Тебя благословляя?

Жуковскій.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорской Россійской Академіи.

1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ , чтобы по напечатаніи, представлены
были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпля-
ра. С. Петербургъ Декабря 17 дня 1836 года.

Ценсоръ *А. Никитенко.*

ИСТОРИЯ РОССИИ

ВЪ РАСКАЗАХЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

КОНЧИНА СВ. МУЧЕНИКА и ВЕЛ. КНЯЗЯ
МИХАИЛА I-го.

Отъ 1304 до 1319 года.

(Пер. 15 лѣтъ.)

Съ смертію Андрея Александровича не кончились тѣ новыя несчастія, какія навлекъ онъ на Россію: примѣру его послѣдовали многіе другіе Князья, и съ тѣхъ поръ клеветы ихъ другъ на друга въ Ордѣ причиняли безпрестанно новыя бѣды въ ихъ облас тяхъ. Но самымъ усерднымъ подражателемъ Андрея былъ племянникъ его, Георгій Даниловичъ, Князь Московскій. Какъ

Часть II. I

Андрей спорилъ о престолѣ Великокняжескомъ съ старшимъ братомъ своимъ Димитріемъ, такъ точно и Георгій не хотѣлъ уступить этого престола законному наследнику Андрея, дядѣ своему, Михаилу Ярославичу, Князю Тверскому и сыну Ярослава III-го. Они должны были, для рѣшенія спора своего, ѣхать въ Золотую Орду, гдѣ уже царствовалъ Ханъ Тохта, побѣдитель сильнаго Ногая, найденнаго убитымъ на полѣ сраженія. Тохта, къ досадѣ Георгія, приказалъ бысть Великимъ Княземъ, Михаилу.

Нѣсколько лѣтъ княжилъ онъ спокойно и жилъ по большой часни въ Твери, которая съ того времени сдѣлалась однимъ изъ главныхъ городовъ Рускихъ.

Между тѣмъ Георгій не терялъ надежды, бысть со временемъ Великимъ Княземъ, и для того, часно ѣздилъ въ Орду, угождалъ снарымъ Ханамъ, дружился съ молодыми. Привыкнувъ видѣть, съ какимъ удовольствіемъ онъ все

гда прїѣзжалъ къ нимъ, привыкнувъ слышать какъ онъ хвалилъ нравы, обычаи, даже ясны и ошвращительный кумысъ ихъ, Ташары полюбили Георгія. Молодая Ташарки скучали на шѣхъ пирахъ, гдѣ не было миловиднаго Князя Рускаго, котораго привѣтливое обращеніе и всегда веселые разговоры пакъ не походили на угрюмыя лица и повелительныя рѣчи опцовъ и брашьевъ ихъ. Но болѣе всѣхъ любовалась имъ прекрасная Кончака, дочь Хана Тохты и любимая сестра молодаго Узбека, наследника престола Ташарскаго. Георгій замѣпилъ это, и еще болѣе началъ стараться заслужить ея благосклонность, не для того, чтобы онъ любилъ ее, но для того, что надѣялся чрезъ нее достигъ до престола Великокняжескаго, тѣмъ болѣе, что въ это самое время Тохта умеръ и Ханомъ Золопой Орды сдѣлался сынъ его, Узбекъ, братъ Кончаки. Счастіе милой сестры было для молодаго Царя Ташарскаго дороже всего на свѣтѣ: видя, что ей нравится Георгій,

и думая, что и онъ любитъ ее, Узбекъ согласился, чтобы сестра его приняла вѣру Христіанскую и вышла за Князя Рускаго. Кончаку назвали въ крещеніи *Агаѳею*.

Сдѣлавшись зятемъ Хана и получивъ отъ него войско подъ начальствомъ воеводы Кавгадыя, Георгій Даниловичъ отправился въ опеческво, и прямо въ Тверь, чтобы выгнать опшуда Великаго Князя. Михаилъ, видя страшную силу Татарь, и боясь подвергнуть народъ свой новымъ несчастіямъ, послалъ сказать Князю Московскому, что онъ уступаетъ ему престоль Великокняжескій и проситъ оставить ему только наслѣдственную, Тверскую область его. Георгій, вмѣсто отвѣта, началъ разорять всѣ города и селенія этой области. Тогда Михаилъ принужденъ былъ послушаться совѣта Епископа и бояръ, и идти съ полками на встрѣчу Георгія. Богъ помогъ ему побѣдить враговъ и шѣмъ спасти отъ совершеннаго разоренія

свое Тверское Княжество. Молодая супруга Георгія, братъ его, Борисъ Даниловичъ, воевода Татарскій Кавгадый попались въ плѣнь къ Михаилу, но онъ всѣмъ имъ возвратилъ свободу; и когда Георгій не пронулся и эшимъ великодушіемъ и пригошовлялся опяшь къ сраженію, Михаилъ, желалъ спасти своихъ подданныхъ опъ новаго кровопролишія, предложилъ ему ѣхать съ нимъ въ Орду на судъ Хана. Къ несчастью, прекрасная Кончака—Агаѳія, не успѣвъ возвратиться къ супругу, умерла скоропоспшижно въ Твери, и Георгій выдумалъ, что она была оправлена. Такой выдумки слишкомъ довольно было, чтобы обвинить Михаила въ глазахъ Узбека, нѣжно любившаго сестру свою! Несчастный Князь, съ чистною совѣстію своею, опправился въ Орду вслѣдъ за уѣхавшими шуда Георгіемъ и Кавгадыемъ. Можешъ бышь, имья темное предчувствіе о шомъ, что его ожидало тамъ, онъ написалъ завѣщаніе, назначилъ сыновьямъ удѣлы.

съ чрезвычайною горестію простился съ ними и съ супругою, и въ продолженіе всей дороги, причащался Св. Тайнъ каждую недѣлю.

Узбекъ, ошъ природы добрый и справедливый, принялъ Михаила довольно милосливо и вѣрно не рѣшился бы казнить его, — боясь осудить невиннаго, если бы не злой Георгій и другъ его Кавгадый, копорые каждый день такъ много наговаривали на Михаила, что наконецъ Узбекъ приказалъ вельможамъ своимъ судить его съ Георгіемъ. — Главнымъ судіею былъ назначенъ Кавгадый. Разумѣенся, что несчастный Михайлъ былъ обвиненъ: приспавы въ ту же минушу наложили ему на шею тяжелую колодку, сняли съ него драгоценную его одежду и раздѣлили ее между собою.

Не лъзя описать вамъ, милыя дѣти, сколько униженія, обидъ и мученій терпѣлъ крошкій Михайлъ, съ шой минушы, какъ осудили его, до шой, какъ Узбекъ рѣшился наконецъ ушвердить

эпопъ судъ! Это продолжалось болѣе мѣсяца, и случилось въ то самое время, когда вся Орда опираясь на охоту къ берегамъ Терека. Нѣсколькo сотъ тысячъ людей собиралось тогда для удовольствія Хана. Каждый надевалъ лучшей нарядъ и садился на лучшую лошадь, которыми и теперь еще славятся Ташары. Купцы везли за подвигавшеюся Ордою множество товаровъ Индійскихъ и Греческихъ, однимъ словомъ: мѣсяць или два—охоты у Ташаръ, можно было назвать продолжительнымъ, великолѣпнымъ праздникомъ, гдѣ всѣ были веселы и счастливы! И вслѣдъ за этими счастливыми, которыхъ радостныя пѣсни шумно раздавались по дикимъ степямъ, вели несчастливаго Князя Рускаго! Не думайте однакожъ, чтобъ онъ шелъ съ лицомъ печальнымъ. Нѣтъ, гораздо печальнѣе были добрые Бояре, его окружавшіе, и не они его, но онъ ихъ часто утѣшалъ такими словами: „Друзья мои! вы долго видѣли меня въ чести и сла-

въ! не ужели будемъ роптать на Бога за непродолжительное униженіе? Шея моя скоро освободится отъ этихъ оковъ!

Ожиданіе его въ самомъ дѣлѣ скоро исполнилось: безсовѣстные судьи, друзья Георгія, упростили молодаго Узбека утвердить приговоръ, и день казни былъ назначенъ. Михаилъ не испугался: уже давно онъ готовъ былъ явиться къ Богу. Въ утро того дня, онъ опслушалъ заупрецію, благословилъ двѣнадцатилѣтняго сына своего Константина, бывшаго съ нимъ въ Ордѣ; поручилъ его и бояръ своихъ покровительству доброй супруги Узбека, Царицы Баялыни, и когда Георгій и Кавгадый подъѣхали къ шатру Князя и послали палачей умеривить его, онъ спокойно вышелъ къ нимъ на встрѣчу, безъ малѣйшаго ропота перенесъ все, что заспавили его вытерпѣвъ мучители, и съ молитвою въ сердцѣ и на языкѣ, закрылъ навѣки глаза, заслу-

живъ по справедливости названіе *Мученика и Святаго*.

Тѣло его было отослано въ Москву и погребено въ монастырь Спасскомъ, въ Кремль.

Таблица XXVII.

**Семейство В. К. Михаила I-го Яро-
славича:**

Супруга : Княжна *Анна* Димитріевна
Борисовичева.

Сынсвѣя : 1. Димитрій.

2. Александръ.

3. Константинъ.

4. Василій.

МЩЕНІЕ.

Ошъ 1319 до 1328 года.

(Пер. 9 лѣтъ.)

Съ неописанною горестію узнали въ Твери о смерти Михаила : супруга его, дѣши и народъ. Не смѣя пребывать опчета въ этой смерти у Георгія Даніиловича , уже пріѣхавшаго во Владиміръ съ грамошою Узбека на престоль Великокняжескій , печальное семейство думало только о томъ, какъ бы выручить изъ рукъ убійцы священнй гробъ умершаго Спрадальца и ос-

вободить маленькаго Константина Михайловича, котораго онъ привезъ съ собою изъ Орды, какъ плѣнника. Для этого отправленъ былъ къ Георгію III-му, второй сынъ Михаила, Александръ.

Георгій, довольный успѣхомъ своимъ, не спорилъ о томъ, гдѣ будетъ лежать его жертва, приказалъ вынуть изъ земли уже пять мѣсяцевъ похороненный въ монастырѣ Спасскомъ гробъ Михаила, и отдать его сыну.

Княгиня Анна, вдова Михаила и старшій сынъ ея, Димитрій, плыли въ лодкахъ далеко по Волгѣ на встрѣчу драгоценныхъ останковъ супруга и отца, и уже вмѣстѣ съ ними подъѣхали къ Тверскому берегу, гдѣ приняли ихъ духовенство и народъ. Всѣ громко рыдали, всѣ шѣснились цѣловать гробъ добраго Государя. Сколь же велика была радость всѣхъ, когда, открывъ его, увидѣли, что шѣло нигдѣ не было повреждено ни отъ продолжительнаго путешествія съ береговъ моря Каспій-

скаго, ни ошъ пяпи-мѣсячнаго лежанія въ могилѣ! Семейство Свяшаго Мученика и народъ упали на колѣна, благодаря Бога за это чудо, и съ эпою минушы переспали плакати о Михаилѣ: они видѣли доказательство счастья, копорымъ онъ уже наслаждался на небесахъ! Добрая, благочеспивая Княгиня Анна, съ эпого дня проспилась съ миромъ и посприглась въ монахини. Предки наши во всѣ времена опличались своимъ усердіемъ къ вѣрѣ, и Государи ихъ почши всегда оканчивали жизнь въ монастыряхъ. Тѣло Св. Михаила почиваетъ и теперь въ Тверскомъ Преображенскомъ соборѣ.

Между шѣмъ, Констаншинъ Михайловичъ и бояре Тверскіе, пріѣхавшіе съ нимъ изъ Орды, все еще оставались въ плѣну у Георгія, и онъ не прежде оппустилъ ихъ какъ въ 1321 году, когда Димитрій Михайловичъ далъ ему *двѣ тысячи рублей* и слово—не искашь Великаго Княжества.

Здѣсь надобно замѣтить, милые чашатели мои, что при этомъ выкупѣ Князя Константина Михайловича, въ первый разъ говорится въ исторіи нашей о *рубляхъ*, которые вовсе не походили на прекрасные и свѣплые цѣлковые рубли наши. Нѣтъ! то были простые опрубки серебра безъ всякаго клейма и вѣсили каждый отъ 22 до 24 золотниковъ. Крестьяне одной подмосковной деревни нашли не очень давно нѣсколько такихъ кусковъ серебра въ землѣ. Вѣрно многимъ изъ васъ, любезныя дѣти, хотѣлось бы знать какого рода были эти опрубки? Очень рада, маленькіе Антикваріи,—вѣдь вы знаете, что это слово значитъ *любители древностей*—очень рада, что могу услужить вамъ небольшимъ рисункомъ, по которому вы можете узнать по крайней мѣрѣ видъ и длину этихъ старинныхъ рублей. Вотъ онъ:

Видите какъ некрасивы эти деньги предковъ нашихъ въ сравненіи съ нынѣшними монетами. Но это все таки лучше, нежели прежнія деньги ихъ, которыя были просно лоскутки кожи съ клеймомъ, и назывались *кунами*, отъ того, что дѣлались изъ кожъ *куницъ*.

И такъ, заплашивъ 2000 такихъ рублей, Димитрій выручилъ изъ плѣна брата своего; чтожъ касаясь обѣщанія не искать Великаго Княжества, то онъ далъ его неискренно, далъ въ ту самую минуту, когда въ душѣ клялся отмстить убійцѣ отца своего; и тотчасъ по пріѣздѣ брата Константина въ Тверь, отправился въ Орду и выпросилъ себѣ у Узбека престолъ Владимірскій. Георгій Даниловичъ ходилъ въ это время съ Новгородцами къ берегамъ Невы, и тамъ, гдѣ она вытекаетъ изъ Ладожскаго озера, на островѣ *Орѣховолѣ*, построилъ крепость *Орѣховскую* или нынѣшній *Шлиссельбургъ*, для того, чтобы Шведы не могли войти въ это озеро. Получивъ

извѣстіе, что Димитрій не исполнилъ своего обѣщанія, и уже вездѣ объявленъ Великимъ Княземъ, Георгій огорчился и боялся выѣхать изъ Новгорода, чтобы не потерять и этой области, но чрезъ нѣсколько времени одержавъ побѣды надъ Шведами, Липовцами и Князьями Успюжскими, заслужилъ благодарность Новгородцевъ, принялъ клятву ихъ въ вѣрности и отправился къ Узбеку, опять просить у него Великаго Княжества.

Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ въ Орду и Димитрій. Этому Князю, молодой, пылкій, названный *Грозный—Оги*, былъ представленъ Узбеку въ одно время съ смертельнымъ врагомъ своимъ! Опмспишь этому врагу — было первымъ желаніемъ, всегдашнею мыслию Димитрія въ теченіе шести лѣтъ! Онъ никогда не зналъ Георгія лично и вдругъ видитъ его подлѣ себя! Кровь молодого Князя закипѣла; большіе голубые глаза его сдѣлались подлинно *Огали Грозными*; ему казалось,

что онъ видитъ предъ собою блѣдную шѣнь отца, ему казалось, что онъ слышитъ жалобныя стоны, которые вырывались у него передъ смертію, и горестный, несчастный сынъ не могъ владѣть собою, бросился на Георгія и закололъ его въ одну минуту! Тѣло убитаго Князя привезли въ Москву, гдѣ княжилъ братъ его, Іоаннъ Даниловичъ, и Митрополитъ Петръ похоронилъ его въ церквѣ Архангела Михаила.

Между тѣмъ въ Твери, всѣ со страхомъ ожидали, чѣмъ накажетъ Узбекъ Димитрія, осмѣлившагося въ глазахъ его сдѣлать убійство. Прошло нѣскольکو мѣсяцевъ и Ханъ все еще молчалъ. Друзья Великаго Князя уже начали надѣяться, что Узбекъ не будетъ мстить за Георгія. Но вдругъ, 15 Сентября 1326 года, дано повелѣніе казнить несчастнаго Димитрія, и въ тотъ же день его убили въ Ордѣ. Ему было только 27 лѣтъ.

Вмѣстѣ съ извѣстіемъ о казни брата, Александръ Михайловичъ полу-

чилъ отъ Хана и грамоту на престолъ Великокняжескій. Но не долго онъ владѣлъ имъ. Не прошло года, какъ пріѣхалъ въ Тверь двоюродный братъ Узбека, *Шевкалѣ*, со множествомъ Татаръ. Въ народѣ разнесся слухъ, будто бы онъ пріѣхалъ для того, чтобы обратиться всѣхъ Рускихъ въ вѣру Магометанскую, убить Князя, Александра и другихъ братьевъ его, и раздать всѣ города вельможамъ Татарскимъ. Вѣроянцо, эшотъ слухъ былъ несправедливъ, но Великій Князь, боясь умереть также какъ умеръ отецъ его, и не имѣя великодушія Михаила, жертвовавшаго собою для спокойствія подданныхъ, встревожилъ этими слухами народъ, который повѣрилъ ему и для спасенія вѣры и Государей своихъ рѣшился на дѣло чрезвычайно опасное и вовсе бесполезное въ то время: рѣшился истребить всѣхъ Татаръ, бывшихъ въ Твери. Онъ исполнилъ это подъ начальствомъ своего Князя 15 го Августа 1327 года, въ самый день Успенія Бого-

родицы: ни одного Тапарина не осталось живаго въ городѣ.

Непростительно было для Александра Михайловича шакъ безразсудно вовлечь подданныхъ своихъ въ неминуемую гибель! Гнѣвъ Узбека былъ ужасенъ: онъ поклялся испребишь все княжество Тверское и поручилъ исполнить эпо Іоанну Даніиловичу, Князю Московскому, обѣщая въ награду сдѣлать его Великимъ Княземъ, и приславъ къ нему на помощь 50,000 воиновъ. Какъ сказано, шакъ и сдѣлано. Тверь, Кашинъ, Торжокъ были опустошены со всѣми селеніями, и жители испреблены или уведены въ неволю; Іоаннъ Даніиловичъ сдѣлалъ Великимъ Княземъ, Александръ Михайловичъ убѣжалъ во Псковъ; меньшіе братья его— въ Ладогу.

Такъ въ течение девяти лѣтъ, Россія лишилась чепырехъ Государей, изъ которыхъ шрое убиты были въ Ордѣ; чепвертый, переходилъ изъ одно-

го города въ другой, не находя нигдѣ присланища!

Это ужасное состояніе сѣверной части государства нашего, было еще счастьемъ въ сравненіи съ бѣдствіями южной, которая въ это время подпала подъ власть одного изъ наслѣдниковъ Миндовга, Князя Липовскаго Гедимина. Гедиминъ былъ необыкновенно уменъ и храбръ; однакожь, онъ сдѣлалъ великое злодѣйство, умерпививъ Государя своего Буйвида и присвоивъ себѣ престоль его. Вскорѣ — Нѣмцы, Рускіе и Поляки узнали его силу. Онъ завоевалъ Бреснь, Овручъ, Житоміръ, наконецъ самый Кіевъ и всю старинную область Кривскую или нынѣшнюю Бѣлоруссію. Хищный Гедиминъ, повиная прудное искусство удерживать у себя завоеванія свои, не изгонялъ природныхъ Князей покоренныхъ имъ земель, уважалъ ихъ обычаи, покровительствовалъ вѣру Греческую, и позволялъ новымъ подданнымъ своимъ зависѣть въ церковныхъ дѣлахъ отъ Митропо-

лиша Московскаго. Самъ же онъ пользовался верховною властію и названіемъ *Великаго Князя Литовскаго и Русскаго*. Столицею его была *Вильна*, имъ же основанная,

ТАБЛИЦА XXVIII.

Семейство В. К. Георгія III.

*Супруга : Козака. Царевна Татарская,
въ крещеніи Агавія.*

ТАБЛИЦА XXIX.

Семейство В. К. Димитрія Михайловича:

*Супруга : Княжна Литовская, дочь Ге-
димина.*

ТАБЛИЦА XXX.

**Семейство В. К. Александра Михайло-
вича.**

Супруга неизвѣстна.

Сыновья :

1. Теодоръ.
2. Всеволодъ.
3. Левъ.
4. Михайлъ.

І О А Н Н Ъ К А Л И Т А

И

МОСКВА, СТОЛИЦА РОССІИ.

Отъ 1328 до 1340 года.

(Пер. 12 лѣтъ.)

Ссоры Князей Московскихъ, потомковъ Александра Невскаго съ Князьями Тверскими, — дѣшми брата его Ярослава Ярославича, напоминающъ намъ, милья дѣши, старинное, болѣе ста лѣтъ продолжавшееся несогласіе Олеговичей и Мономаховичей. Разница была въ томъ, что прежде Князья-враги явно ненави-дѣли и часто испребляли другъ друга,

въ жестокихъ сраженіяхъ, теперь же, они тайно клеветали въ Ордѣ и губили другъ друга чрезъ царей Татарскихъ! Такъ погибли Михаилъ и Димитрій, поже угрожало и Александру Михайловичу! Ужасна была судьба его, когда послѣ разоренія Тверскаго Княжества его, онъ долженъ былъ бѣжать изъ родины, и напрасно просить пристанища и помощи у Князей Рускихъ! Никто не хотѣлъ принять его: всѣ боялись гнѣва Узбека и любимца его, Великаго Князя Іоанна Даніиловича, которому приказано было отъ Хана предсавить бѣглеца, въ Орду.

Въ то время, когда для всѣхъ Рускихъ такъ ужасны казались злые Татары, жители Псковской области показали рѣдкой примѣръ неустрашимости и великодушія: они осмѣлились быть защитниками бѣднаго Александра Михайловича, и не только приняли его къ себѣ со всемъ семействомъ, но даже выбрали его Княземъ своимъ и опложились отъ Новгорода. Ника-

кія угрозы Узбека, Великаго Князя и Новгородцевъ не могли заспавишь ихъ выдашь несчастнаго Князя, шѣмъ болѣе, что ему покровишельствовалъ и сильный Князь Липовскій Гедиминъ.

Александръ прожилъ во Псковѣ около десяти лѣтъ, между шѣмъ, какъ Тверью управлялъ братъ его Констаншинъ Михайловичъ. Но чужая спорона, не смотря на всѣ выгоды свои—никогда не можетъ быть для насъ такъ пріятна, какъ родная, гдѣ мы въ первый разъ увидѣли свѣтъ, гдѣ выросли, гдѣ всѣ мѣста знакомы намъ, гдѣ живущіе люди, которыхъ мы привыкли любить съ младенчества! По этому вы не удивитесь, милые чипаптели мои, когда я скажу вамъ, что Александръ Михайловичъ, все время пока жилъ во Псковѣ, грустилъ по своей родинѣ — Твери, и старался всѣми силами возвратишь себѣ эту наследственную область. Черезъ десять лѣтъ, онъ могъ надѣяться, что гнѣвъ Узбека уже утихъ, и рѣшился ѣхать въ Орду, чтобы со-

вершено заслужить его милость. Онъ не обманулся: Царю понравилась покорность и въ тоже время смѣлость, съ копорю Князь сказалъ ему: „Царь верховный! я заслужилъ гнѣвъ твой и отдаю тебѣ судьбу мою. Милуй или казни: если помилуешь, я прослаблю Бога и себя. Хочешь ли головы моей? — Она предъ тобою!“, Узбекъ милосердно выслушалъ его, и съ улыбкою сказалъ своимъ вельможамъ: „Князь Александръ кротостію и умомъ своимъ избавляетъ себя отъ казни!“ И тогда же возвратилъ ему княжество Тверское.

Но не надолго обрадованъ былъ бѣдный Александръ Михайловичъ! Не прошло года, какъ онъ съ семействомъ своимъ пріѣхалъ въ Тверь, и уже Іоаннъ Даниловичъ, боясь, чтобы Князя Тверскіе опять не усилились и не заспорили съ нимъ о престолахъ Великокняжескомъ, — поѣхалъ въ Орду клеветать на Александра. Узбека не трудно было обмануть: онъ вѣрилъ всему,

что говорили Князья Рускіе другъ на друга, особливо, если они прибавляли къ своимъ словамъ—богатые подарки. Іоаннъ Даніиловичъ не забылъ сдѣлать это—и судьба Тверскаго Князя рѣшилась! Онъ получилъ повелѣніе Хана, пріѣхать въ Орду, не смѣлъ не послушаться и былъ убитъ тамъ вмѣстѣ съ молодымъ сыномъ своимъ Θεодоромъ, 28 Октябрю 1339 года.

Узбекъ, умерщвляя Князей, думалъ, что этимъ утвердитъ еще болѣе власть Тагаръ надъ Рускими; но онъ очень ошибся: жестокость его только помогла имъ скорѣе освободиться отъ этой власти, утвердивъ на престолахъ Рускомъ Іоанна І-го. Имя Великаго Князя помрачилось погубленіемъ Александра Михайловича, но ослѣпленный честолюбіемъ, онъ думалъ что обстоятельства оправдываютъ его. Зная, что всѣ несчастія Россіи происходили отъ несогласія и слабости Князей, онъ старался, съ самаго вступленія своего на престолъ, имѣть подъ властію своею всѣ другія

Княжества. Самое сильное изъ нихъ— было Тверское. Предвидя сколько новыхъ бѣдъ могло случиться въ Россіи, если бы Тверскіе Князья вздумали опинимать у попомковъ его престоль Великокняжескій, Иоаннъ не почиталъ за грѣхъ погубить одного Князя для спасенія нѣсколькихъ тысячъ людей. Конечно, онъ очень ошибался, попому что никто, кромѣ одного милосердаго Бога, не можетъ располагать жизнью людей, и всѣ мы должны опвѣчать Ему не только за несчастія, но даже за тѣ небольшія огорченія, какія причиняемъ нашимъ ближнимъ! Если бы не это бѣдственное заблужденіе, то намъ оставалось бы только прославлять память Иоанна Даниловича, попому что онъ первый положилъ начало къ освобожденію предковъ нашихъ отъ власти Татарской: онъ первый возобновилъ мысль Андрея Георгіевича, что для счастья и славы отечества нашего нужно, чтобы всѣ обширныя части его повиновались волѣ одного

Государя, а не прихопямъ нѣсколькихъ ничпожныхъ Князей маленькихъ удѣловъ; онъ первый, послѣ нашествія Ташаръ, началъ соединять эти разстроенныя части въ одно цѣлое; онъ первый назвалъ столицею Россіи—нашу Москву, родную, славную, незабвенную по шѣмъ происшествіямъ, какія попомъ случились въ ней! Казалось, что самъ Богъ назначалъ ее быть столицею: Москва лежала въ самой срединѣ тогдашней Россіи. Всѣ главныя области окружали ее, почти въ равномъ разстояніи; слѣдовательно нельзя было лучше выбрать города для пребыванія Государя. Кромѣ того, привязанность къ нему благочестиваго Митрополиша Петра, названнаго потомъ церковью нашею *Святѣмъ*, какъ будто бы предвѣщало новой столицѣ—благословеніе и особенное покровительство Божіе. Всѣ Митрополишы Рускіе всегда жили прежде въ Кіевѣ и попомъ во Владимірѣ, какъ въ сполчныхъ городахъ Государства. Св. Пётръ, полю-

бывъ Москву, переселился въ нее прежде, нежели ее сдѣлали столицею, и просилъ Іоанна поспроить въ ней церковь Богоматери. Іоаннъ исполнилъ его желаніе и въ 1526 году, 4 Августа заложилъ въ Москвѣ на площади, первую церковь каменную во имя Успенія Богородицы. Свяшый Митрополитъ собственными руками построилъ себѣ каменный гробъ въ ея стѣнѣ и вскорѣ скончался. Церковь была достроена и освящена уже безъ него, новымъ Митрополитомъ Феогностомъ.

Княженіе Іоанна Даниловича продолжалось двѣнадцать лѣтъ. Не смотря на несчастную смерть родственника его, Александра Михайловича, Москвитяне очень любили Іоанна за его набожность, усердіе къ строенію церквей и милосердіе къ нищимъ. Они называли его *Собрателемъ земли Руской* и *Государемъ - Отцемъ*. Еще было у него одно прозваніе: *Калита*. Оно произошло отъ того, что онъ всегда носилъ съ собою мѣшокъ, наполненный деньгами

для бѣдныхъ, а такой мѣшокъ, называли вспарину *калитю*. Кромѣ Успенскаго Собора, онъ построилъ еще каменный Архангельскій, гдѣ былъ и погребень и гдѣ съ того времени погребали всѣхъ Князей Московскихъ. Въ 1339 году онъ окружилъ новую столицу дубовыми стѣнами и возобновилъ *Кремникъ* или *Кремль*, который при немъ сгорѣлъ. Кремль былъ тогда внутреннею крѣпостію или по старинному названію, *Дѣтинцею*. (*)

Если вы слыхали, милья дѣпи, пословицу: *Близъ Царя, близъ смерти*, то надобно сказать вамъ, что она появилась въ то время, когда не только народъ Рускій, но даже и Князья его такъ боялись Царей Тапарскихъ, что поѣхашъ въ Орду, было для нихъ поже, что приготовишься къ смерти.

(*) Названіе *Дѣтинецъ* происходитъ отъ имени стражи, или тѣлохранителей Княжескихъ, называвшихся *Дѣтскими* или *Отроками*, которымъ поручали защищать внутреннія крѣпости.

Они прощались навѣкъ съ семействомъ и друзьями своими, писали духовныя завѣщанія, назначали даже деньги на поминовеніе души своей. Вы можете видѣть это въ завѣщаніи Великаго Князя Іоанна Калишты, который написалъ его, отправляясь еще въ началѣ княженія своего къ Узбеку. Оно очень любопытно тѣмъ, что даетъ намъ понятіе о владѣніяхъ и сословіи Великаго Князя. Я не буду описывать подробно этого завѣщанія, но выпишу изъ него только то, что кажется, будетъ любопытно для маленькихъ читателей моихъ.

Эта духовная начинается такъ: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Не зная, что Всевышній гоповишъ мнѣ въ Ордѣ, куда ѣду, оставляю эту *душевную* грамоту, написанную мною добровольно, въ цѣломъ умѣ и совершенномъ здоровьѣ. Приказываю, въ случаѣ смерти, сыновьямъ моимъ городъ Москву; отдаю *Симеону* Можайскъ, Коломну съ волослями. *Ивану*-Звѣнигородъ и Рузу;

Андрею—Лопаспну, Серпуховъ, Перемышль; Княгинѣ моей съ меньшими дѣтьми села, бывшія въ ея владѣніи. Еще при жизни далъ я сыну Симеону четыре цѣпи, три пояса, двѣ чаши, блюдо съ жемчугомъ и два ковша золотые, да три блюда серебряныя; Ивану—четыре цѣпи, два пояса съ жемчугомъ и съ каменьями, прешій—сердоликовой, два ковша, двѣ круглыя чаши золотыя, да три блюда серебряныя. Андрею—четыре цѣпи, поясъ жемчужный, другой съ крюкомъ, на красномъ шелкѣ, прешій Ханскій, два ковша, двѣ чарки золотыя, да три блюда серебряныя. Золото Княгини отдадъ я дочери Фешинѣ: 14 колець, новый складень, ожерелье мапери ея, тело () и гривну; а мое собственное золото и коробочку золотую отъказываю Княгинѣ моей, съ меньшими дѣтьми. Изъ плащевъ моихъ назначаю Симеону—шубу красную съ жемчугомъ и шапку золотую; Ивану*

(*) Головной уборъ.

—желшую обьяринную шубу съ жемчугомъ и маншю съ бармами; *Андрею*—шубу соболью съ наплечниками, низанными жемчугомъ; а двѣ новыя шубы съ жемчугомъ, меньшимъ дѣпямъ *Марѣ* и *Федосьѣ*. Серебряные пояса и другія одежды мои раздашь священникамъ, а сто рублей, оставленныхъ мною у казначея, по церквамъ. Тебѣ, Симеонъ, какъ старшему сыну, приказываю (поручаю) меньшихъ братьевъ и Княгиню съ дочерьми: будь имъ по Богъ главнымъ защитникомъ.—Грамошу писалъ Дьякъ Великокняжескій *Кострома* при духовныхъ опцахъ моихъ, священникахъ *Ефремъ*, *Феодосіѣ* и *Давидѣ*. Кто нарушитъ ее, тому Богъ судія.,,

Вы видите, млыя дѣши, какъ не велико было богатство прежнихъ Государей нашихъ; однакожь, довольствуясь и малымъ, они высоко цѣнили его: вы можете замѣшитъ это по той точности, съ которою сказано въ духовной даже о кольцахъ. А мы, какъ часто считаемъ за ничто не только

кольца, но и вещи гораздо драгоценнѣйшія, которыми даряпъ насъ нѣжные родители наши! Какъ часто, мы готовы безразсудно отдашь ихъ за какую нибудь бездѣлку, болѣе блестящую! Поучимся же у старинныхъ Князей нашихъ бышь бережливыми и сохранимъ на долго все, что получили мы отъ людей, которыхъ такъ много любимъ и уважаемъ! Вѣдь и Іоаннъ Калита получилъ отъ отца и дѣда почти всѣ тѣ вещи, которыя отъказывалъ въ духовной дѣлямъ своимъ.

Таблица ХХХІ.

Семейство В. К. Іоанна І Даніиловича

Калиты.

Супруга: Елена.

Дѣти: 1. Симеонъ.

2. Іоаннъ.

3. Андрей.

Дочери: 4. Фешинья.

5. Марья.

6. Θεодосія.

СВЯТЫЙ МИТРОПОЛИТЪ АЛЕКСІЙ.

Отъ 1340 до 1359 года.

(Пер. 19 лѣтъ.)

Богъ, посылая несчастія на предковъ нашихъ, посылалъ имъ также и утѣшителей, которые облегчали сраданія ихъ, и иногда даже спасали ихъ отъ новыхъ бѣдствій. Этими утѣшителями были по большой части святыя служители Его, т. е. Митрополиты, Епископы, священники и монахи. Такъ первый Митрополитъ *всей Россіи*, Св. Пётръ, старался всегда мирить Князей, и особенно Московскаго съ Тверскимъ, и не имѣя возможности

облегчить весь народъ отъ тягостной дани Татарской, ѣздилъ нарочно въ Орду, чптобы покрайней мѣрѣ избавить отъ нея церкви Божіи и дома ея служителей.

Такъ попомъ Св. Митрополитъ Алексій — во время новаго, ужаснаго бѣдствія, случившагося въ Россіи въ 1352 году, при Великомъ Князѣ Симеонѣ, сынѣ Іоанна Калиты — заботился какъ отецъ о всѣхъ спрдавшихъ несчастливцахъ. Это бѣдствіе была смертельная болѣзнь, извѣстная подъ именемъ *Черной смерти*. Человѣкъ умиралъ отъ нее въ ужасныхъ мученіяхъ, кошорыя продолжались два или три дни. Не одно опечесство наше испытало всѣ ужасы этой болѣзни: *Черная смерть* началась въ Китаѣ, гдѣ истребила около 13 милліоновъ людей, потомъ перешла въ Грецію, Сирію, Египеть, перевезена была на корабляхъ въ Италію, Францію, Англію, Германію, наконецъ въ нашъ Псковъ и Новгородъ. Всѣ историкки говорятъ, что

нелзя вообразить зрѣлища болѣе страшнаго: въ одинъ день исчезали цѣлыя семейства! Сначала люди усердно ходили за своими больными, но потомъ, когда замѣнили, что не только они, но даже вещи ихъ были заразительны, всѣ начали оставлять несчастныхъ, даже сынъ бѣжалъ отъ отца, дочь отъ матери, братъ отъ брата! Въ это время общаго унынія людей, Митрополитъ Алексій, также какъ и многія другія духовныя особы, были для нихъ настоящими Ангелами - Хранителями. Они погребали несчастныхъ, оставленныхъ всѣми мертвецовъ, утѣшали живыхъ, огорченныхъ поперею родныхъ или друзей, и помогали бѣднымъ, осиротѣвшимъ, безпріютнымъ малюпкамъ.

Въ 1353 году ужасная болѣзнь дошла до Москвы и тамъ въ короткое время скончались отъ нее Великій Князь, два сына его и братъ Андрей Иоанновичъ. Симеонъ, во время тринадцати - лѣтняго княженія, слѣдовалъ

правиламъ опца своего и шакже какъ онъ забопился о помъ, чшобы вся Рос-сія повиновалась *одному* Государю. Онъ былъ не только спрогоъ съ Князьями удѣльными, и важенъ въ обхожденіи съ ними, опъ чего и названъ *Гордымб*, — но умѣлъ заслужить почтеніе и опъ сильныхъ въ то время Князей Липовскихъ, сыновей славнаго Гедимина, о копоромъ вы уже слышали, милья дѣти. Знаменипѣйшій изъ нихъ, *Ольгердб*, сдѣлавшійся попомъ повелипелемъ и брапьевъ своихъ и всей Липвы, былъ даже въ родсшвѣ съ Великимъ Княземъ Симеономъ, *) а попомъ женилъ и брапа своего Любарша на племянницѣ его, Княжнѣ Росповской.

Когда Симеонъ Гордый скончался, всѣ Князья Рускіе поѣхали въ Орду, гдѣ уже не было Узбека, умершаго еще въ 1341 году. Сынъ и наслѣдникъ его

*) Онъ былъ женатъ на сволчинѣ Симеона Гордаго, Княжнѣ *Іуліанш*, дочери Князя Александра Михайловича Тверскаго.

Чанибекъ опдалъ престоль Великокняжескій брату Симеона — Іоанну Іоанновичу Московскому, Князю крошккому, и даже слабому.

Правленіе такихъ Государей рѣдко бываешъ счастливо: доброе сердце и слабоспъ ихъ дѣлають дерзкими и собственныхъ подданныхъ ихъ и враговъ чужеземныхъ! Такъ Новгородцы не хотѣли повиноваться намѣспникамъ Іоанна II, и дѣлали въ своей области все, что хотѣли! Такъ даже въ Москвѣ, которая во всѣ времена славилась покорностью и любовью къ Государямъ своимъ—происходили при Іоаннѣ II безпорядки разнаго рода, и даже одинъ изъ любимцевъ Іоанна найденъ былъ убитымъ на площади. Такъ Ольгердъ, Князь Литовскій, уже не хотѣлъ, какъ прежде, уважать Великаго Князя, но напрошивъ того, опнималъ города Рускіе и едва не завладѣлъ всею Тверью.

Въ это смутное время, Св. Митрополишъ Алексій снова имѣлъ случай показатъ усердіе свое къ отече-

ству. Слухъ о его добродѣтеляхъ, о его свѣтлости, о милости къ нему Божіей, дошелъ даже до столицы Татарской. Супруга Хана Чанибека, *Тайдуля* вдругъ опасно занемогла. Въ поскѣ болѣзненной, ей казалось, что, кромѣ молитвъ Рускаго Митрополита Алексія, ничто не спасетъ ее отъ смерти. Она умоляла супруга своего, посласть за нимъ, и Чанибекъ исполнилъ ея желаніе. Св. Алексій поѣхалъ въ Орду съ надеждою на Бога и теплою молитвою къ Нему. Эта молитва была услышана: Ханша Тайдула выздоровѣла и не знала чѣмъ бы возблагодарить добраго избавителя своего! Скоро ей представился къ тому случай: Чанибекъ, котораго наши историки называютъ *добрыйль*, вскорѣ послѣ того былъ убитъ роднымъ сыномъ своимъ Бердибекомъ! Этого ужаснаго злодѣя не пощадилъ и братьевъ своихъ. Вы можете представить себѣ, милые чичашели мои, какая участь ожидала бѣдное отечество наше подъ властію такого чудо-

вища! Всѣ Князья Рускіе успрашились, когда услышали о новомъ Ханѣ. Спрахъ ихъ еще болѣе увеличился, когда вскорѣ потомъ, они увидѣли предъ собою, *Баскака* или посла его, кошорому приказано было собрать новую, до толѣ неслыханную дань, и жестоко наказывать всякаго, кто не заплащивъ ее. Всѣ были въ отчаяніи, думая, что настала совершенная гибель отечества. Одинъ Св. Алексій не пришелъ въ уныніе и напрошивъ того, рѣшился на дѣло—чрезвычайно смѣлое, рѣшился ѣхать въ Орду, умолять злодѣя, кошораго въ исторіи называющъ *Тигромъ*. Онъ надѣялся на милость доброй Тайдулы, матери Бердибека. Уже нѣскольکو разъ, она оказывала ему разные небольшія услуги и всегда желала имѣть случай сдѣлать что нибудь болѣе. Странія и просьбы ея имѣли полный успѣхъ: жестокій Ханъ умилощивился надъ Россіею, отменилъ новую дань и приказалъ Баскаку своему прѣхать назадъ!

О! какая была радость, какой праздникъ въ Москвѣ, когда добрый Мишрополишъ возвратился изъ Орды! Всѣ спѣшили къ нему на встрѣчу. Великій Князь, семейство его, бояре и народъ. Всѣ называли его своимъ Ангеломъ—избавителемъ, всѣ желали поцѣловать, если не руку, то по крайней мѣрѣ одежду его! Въ эту сладостную минуту, всѣ были еще болѣе тронуты, когда вдругъ увидѣли, что осьмилѣтній сынъ Великаго Князя *Димитрій* — о которомъ вы услышите потомъ много, много хорошаго, милая дѣти — подошелъ также къ Мишрополишу, и нѣжнымъ, младенческимъ голосомъ, сказалъ ей: „О отецъ нашъ! ты избавилъ насъ отъ войны и смерти: какъ намъ благодарить тебя?“, Крупныя слезы капали по прелестному лицу малютки, и показывали сколько чувствительности, сколько любви къ народу уже было въ дѣтскомъ сердцѣ его! Мишрополишъ съ восхищеніемъ обратилъ взоры свои на небо, къ Пресвѣтлому Божію: святая

душа его предвидѣла будущую славу прекраснаго младенца и благословляла минушу его рожденія!

Говоря о священныхъ утѣшителяхъ и покровителяхъ Россіи, нельзя не сказать вамъ, милья дѣщи, и о Св. *Сергіи*, основателѣ знаменитой Троицкой Лавры или монастыря въ окрестностяхъ Москвы. Эпопъ добрый, благочестивый инокъ былъ сынъ Росповскаго боярина Кирилла. Съ самой нѣжной молодости онъ любилъ молиться Богу, любилъ размышлять о Немъ, и удалялся отъ общеснва веселыхъ поварищей своихъ. Уединеніе было для него такъ пріятно, что онъ наконецъ поселился въ лѣсахъ дремучихъ города Радонежа, въ бо верснахъ отъ Москвы, и жилъ пустыникомъ нѣсколько лѣтъ; потомъ построилъ тамъ деревянную церковь Св. Троицы и подлѣ нее нынѣшнюю Лавру или монастырь, для шѣхъ монаховъ, копорые, слыша о добродѣтеляхъ его, приходили къ нему часто изъ отдаленныхъ странъ и желали оспашь.

ся съ нимъ навсегда. Слава Св. Сергія, одного изъ первыхъ Чудотворцевъ нашихъ, была такъ велика и при жизни его, что всѣ Князья, Митрополиты, бояре и народъ показывали къ нему особенное уваженіе, какъ будто бы предвидя будущую святость его, и во всѣхъ важныхъ дѣлахъ Государственныхъ спрашивали совѣта его. Вы увидите попомъ его усердіе къ опеченству, и если будете въ Москвѣ, не забудьте съѣздити въ Троицко—Сергіевскую Лавру и поклонитесь Святому гробу Его.

ТАБЛИЦА ХХХІІ.

Семейство В. К. Симеона І Іоанновича
Гордаго.

Супруги : 1. *Августа, въ крещеніи Ана-*
стасія, Княжна Липовская.

2. *Параскевія, Княжна Смолен-*
ская.

3. *Марія Александровна, Кня-*
жна Тверская.

Сыновья : а. *Василій.*

б. *Константинъ.*

с. *Даніилъ.*

д. *Михаилъ.*

е. *Іоаннъ.*

ф. *Симеонъ.*

ТАБЛИЦА XXXIII.

Семейство В. К. Іоанна II Іоанновича :

Супруги: 1. *Теодосія Димитріевна, Княжна Брянская.*

2. *Александра, въ монахиняхъ
Марія.*

Сыновья : а. *Димитрій.*

б. *Іоаннь.*

РУСКІЯ ДѢТИ.

Отъ 1359 до 1362.

(Пер. 3 лѣтъ.)

Мнѣ не нужно сказывать вамъ, милыя дѣти, что храбрость—есть врожденное качество народа Рускаго: нельзя исчислить сколько разъ доказали это воины наши во всѣхъ вѣвахъ и при всѣхъ Государяхъ, но кромѣ шого, бывали примѣры въ Россіи, что и дѣти ходили въ настоящія сраженія и побѣждали непріятелей своихъ съ такою же славою какъ и взрослые люди!

Вы удивляешесь—и я вижу уже ваше

Часть II. 3

неперпѣніе, узнать какія были эти дѣти? Хорошо, хорошо, я васъ не заспаваю ждашь долго и скорѣе приспуплю къ дѣлу.

Въ 1359 году скончался Великій Князь Іоаннъ II Іоанновичъ, названный *Кроткииъ*. У него оспалось два сына: старшій *Димитрій*, о которомъ вы уже слышали, *девяти*, младшій *Іоаннъ*, *семи*, и еще племянникъ, сынъ брата Андрея Іоанновича *Владиміръ*, — *шестилѣтъ*. Этимъ премъ малюшкамъ, Іоаннъ II опказалъ въ такой же духовной, какую писалъ и дѣдъ ихъ Іоаннъ Калиста, свое наслѣдственное Московское Княжество со всѣми принадлежавшими къ нему городами и деревнями, но ни одного изъ нихъ не назначилъ *Великииъ Князеиъ*, потому что это назначеніе зависло отъ Царя Татарскаго.

Въ это время въ Ордѣ происходили ужасные безпорядки, ссоры, убійства. Хань безпреспанно смѣнялись, истребляя другъ друга. Одинъ изъ нихъ, Темирхожа, былъ Ханомъ только шесть дней; въ седьмой — Та-

тары взбунтовались: простой пемникъ *Малай*, былъ начальникомъ этого бунта, убилъ Темирхожу и опдалъ Ханство какому-то *Авдулу*, которому во всемъ повиновался ему.

Но не всѣ хонгли имѣнь Царемъ своимъ *Авдула*: многіе вельможи Татарскіе оснались въ Сараѣ съ Ханомъ *Мурутолѣ*; другіе овладѣли землею Болгарскою, прешьи — Мордовскою. Такъ царство Кипчакское раздѣлялось, ослабѣвало и приготавливалось къ своему паденію. Но это паденіе еще не такъ скоро случилось. Имѣйте терпѣніе, милыя дѣти.

Вы можете себѣ представить, что во время такихъ безпорядковъ трудно было Князьямъ Рускимъ узнать охъ Хановъ, кто будетъ Великимъ Княземъ послѣ *Іоанна II*. Они всѣ почти поѣхали въ Орду, даже и маленькій *Димитрій*. Урусь, бывшій въ то время Царемъ, вздумалъ безъ всякой особенной причины сдѣлать Великимъ Княземъ *Димитрія Константиновича*

Суздальскаго, сына Князя Ростовскаго, никакими особенными достоинствами и дѣлами не заслужившаго споль важное опличіе. Всѣ Рускіе удивились этому: всѣ знали что ни дѣдъ, ни опецъ Димитрія Констаншиновича никогда не были Великими Князьями, что это достоинство принадлежало Князьямъ Московскимъ.

Маленькій Димитрій Іоанновичъ обидѣлся такимъ распоряженіемъ и выѣхалъ изъ Орды съ непремѣннымъ намѣреніемъ опнять у Димитрія Констаншиновича не принадлежавшее ему достоинство и заслужить его славными дѣлами и побѣдами. Эта мысль очень твердо поселилась въ дѣтскомъ умѣ смѣлаго мальчика. Мать его, Великая Княгиня Александра, Митрополитъ Алексій и всѣ вѣрные бояре, любившіе отечество и предвидѣвшіе славу его опъ величія Князей Московскихъ, старались поддерживать эту внутреннюю Богомъ мысль маленькаго героя, и чрезъ два года онъ имѣлъ сполько неуспра-

шимости, что объявилъ себя Великимъ Княземъ и звалъ Димитрія Констаншиновича — жившаго все время своего княженія въ прежней столицѣ Россіи— Владимірѣ—Залѣсскомъ—на судъ къ Хану. Это было въ то самое время, когда нѣсколько Хановъ царствовало въ Кипчакской Ордѣ, но Рускіе почитали законнымъ того изъ нихъ, который жилъ въ Сараѣ. И такъ бояре Московскіе отправились къ Мурушу. Напуганный, пришедшій мятежникомъ Мамаемъ, — Мурушъ обрадовался чести, какую сдѣлали ему Москвитяне, и согласился признавъ двѣнадцатилѣтняго Димитрія, Великимъ Княземъ Рускимъ.

Но слабый Ханъ Мурушъ не могъ дать вспомогательнаго войска новому Великому Князю, и потому Димитрій Констаншиновичъ не уважалъ его суда и не выѣзжалъ ни изъ Владиміра, ни изъ Переславля—Залѣскаго. Тогда-то дѣши Рускіе показали храбрость свою! Не только Димитрій, но и младшій братъ

его Іоаннъ и даже осмилѣпній Влади-
міръ, пошли вмѣстѣ съ полками Мос-
ковскими усмиряпть непокорнаго Кня-
зя Суздальскаго. Конечно, ихъ не поль-
благословилъ на зпощъ походъ, но да-
же и поѣхалъ вмѣстѣ съ ними Св.
Митрополипъ Алексій; ихъ окружали
умные и храбрые воеводы, ихъ защи-
щали опъ опасносней всѣ войны, грудью
своею, но все паки нельзя не удив-
ляпсья ихъ смѣлоспн, нельзя не восхи-
щатсья ихъ неустрашимоспю, нельзя
не гордпсья всѣмъ намъ, Рускимъ, —
чпю у нашихъ Государей бываюпть па-
кіе дѣпн-герои! Димитрій Констанци-
новичъ, зная, чшо Княземъ Московскимъ
былъ опрокъ, — никакъ не ожидалъ,
чшобы Москвитяне осмѣлились ипши
пропивъ него, и, не пригопоясь къ
сраженію, принужденъ былъ бѣжашъ
изъ Переяславля и успуппть пресполь
Великокняжескій маленькому сопернику
своему! Государи Рускіе еще не короно-
вались тогда въ Москвѣ, но въ преж-
ней сшолпцѣ — Владиміръ. Димитрій

Іоанновичъ поѣхалъ также туда, прожилъ тамъ нѣсколько дней послѣ коронаванія и возвратился въ Москву, не желая преслѣдовать непріятеля, который остался княжить въ наслѣдственномъ удѣлѣ своемъ.

Такъ благодарительная для насъ мысль Андрея Боголюбскаго, Іоанна Калиты и Симеона Гордаго, — мысль о томъ, чтобы всѣхъ Князей Удѣльныхъ привести подъ власть одного Государя, — по промыслу Божію сдѣлалась также мыслью Димитрія. Мы скоро увидимъ, что Димитрій имѣлъ еще другую, славную цѣль всей своей жизни: онъ хотѣлъ освободить отечество свое отъ власти Татаръ! Какъ же велика должна быть наша благодарность къ этому храброму Князю, милья дѣти! О! я увѣрена, что вы чувствуете эту благодарность, что вы очень любите добраго, храбраго Димитрія, и что вы съ удовольствіемъ прочитаете на слѣдующихъ страницахъ рассказъ о славной побѣдѣ его!

ДОНСКОЕ СРАЖЕНІЕ

ИЛИ

БИТВА КУЛИКОВСКАЯ.

Отъ 1362 до 1380 года.

(Пер. 18 лѣтъ.)

Много заботъ, трудовъ, безпокойствъ и огорченій ожидало Димитрія Иоанновича на пресполѣ Великокняжескомъ! Сначала ему надобно было нѣсколько разъ усмирять Димитрія Константиновича, который все еще стремился быть Великимъ Княземъ. Наконецъ, видя, что всѣ старанія его напрасны, онъ отказался отъ желанія

своего и не только помирился съ Димитріемъ Іоанновичемъ, но даже, чрезъ пять лѣтъ послѣ того, отдалъ за него дочь свою, прекрасную и добрую *Евдокію*.

Послѣ мира съ главнымъ врагомъ своимъ, Димитрій долженъ былъ утѣшать бѣдныхъ Московскихъ жителей въ несчастіяхъ, у нихъ случившихся, прежде опъ большого пожара, *) испребившаго почти всю Москву, потомъ опъ возвратившейся въ нее ужасной *Черной смерти*!

Но эти несчастія Москвы не были такъ важны какъ тѣ, какія навлекъ на нее гордый и честолюбивый Тверскій Князь *Михаилъ*, сынъ Александра Михайловича. Онъ видѣлъ намѣреніе Димитрія покорить Удѣльныхъ Князей своей власти, и, смотря болѣе на собственныя выгоды, нежели на пользу отечества, рѣшился пропивить-

*) Этотъ пожаръ называется въ исторіи нашей потому *Всесвятскимъ*, что начался въ церкви *Всѣхъ Святыхъ*.

ся всѣми силами шрудному, великому дѣлу Димитрія. Къ несчастію, Михайль имѣлъ сильныи средства дѣлать зло: знаменитый Ольгердъ, Князь Литовскій, наводившій въ то время съ брашомъ своимъ Кестушіемъ спрахъ на всѣхъ сосѣдей своихъ, былъ женатъ на сестрѣ Михаила, Княжнѣ Тверской Маріи Александровнѣ. При всякой небольшой неудачѣ въ Россіи, Михайль уѣзжалъ къ зяню въ Литву и возвращался опшуда съ войскомъ Литовскимъ, которое не менѣе Ташарскаго разоряло опечеснво наше! Такъ въ 1368 году, онъ пришелъ вмѣстѣ съ самимъ Ольгердомъ, который при дня грабилъ, жегъ, опустошалъ Москву. Великій Князь, брашъ его Владиміръ Андреевичъ, Мишрополишъ Алексій и всѣ самые знаиные бояре едва спаслись въ Кремль. *) Злой Ольгердъ, выходя

*) После пожара *Всесвятскаго*, Димитрій, видя что деревянные укрѣпленія ненадежны, построилъ *каменный Кремль*, и въ немъ то спасся отъ Ольгерда.

изъ Москвы еще хвасталъ шѣмъ, что Рускіе долго не забудутъ его! Впрочемъ, это нашествіе Литовцевъ не пришло никакой пользы Михаилу: Димитрій остался на престолѣ Великокняжескомъ. Тогда недоспойный Князь Тверскій рѣшился просить помощи у Мамай, который, въ это время, былъ уже такъ силенъ, что соединилъ свою Волжскую Орду вмѣстѣ съ Золотою или Сарайскою, и сдѣлавъ Ханомъ *Мамантѣ—Салтана*, повелѣвалъ имъ, какъ хотѣлъ. Михаилъ Александровичъ умѣлъ угождать гордому Ташарину, и Мамай — далъ ему грамоту на Великое княжество и Посла Ханскаго, чтобы возвесни его на престолѣ.

Но прошло то время, когда Князья Рускіе не разсуждая повинувались Татарамъ: Михаилъ съ Ханскою грамотою едва могъ убѣжать отъ полковъ Московскихъ въ Вильну. Вы помните, что это была столица Князя Литовскаго. Старый Ольгердъ ласково при-

нялъ зятя, и опять согласился ишли съ нимъ на Рускихъ.

Кремль—во вторый разъ спасъ Великаго Князя и все семейство его. Пока Липовцы стояли передъ этою славною крѣпостію, разсуждая о томъ, начинать ли прислупъ, — братъ Димитрія, Владиміръ Андреевичъ и Князь Пронскій—пришли съ сильными полками изъ Перемышля и Рязани. Ольгердъ, увидѣвъ что со всѣхъ сторонъ его окружали Рускіе, испугался и началъ просить мира, увѣряя, что онъ будетъ *вѣчно* другомъ Рускихъ. Чшобъ доказать свою искренность, онъ предложилъ даже выдать дочь свою Елену за умнаго и храбраго Князя Владиміра Андреевича. Добрые предки наши повѣрили ему, Княжна Липовская сдѣлась Княгинею Рускою, но ссоры съ Ольгердомъ отъ того не уменьшились, и до самой смерти своей онъ разорялъ опечество наше въ угодность зятю своему, который не прежде какъ въ 1375 году былъ совершенно усмиренъ

Великимъ Княземъ. Въ договорной грамотѣ, Михаилъ поклялся при Митрополитѣ Алексіѣ почишати Московскаго Князя старшимъ и никогда не искаши престола Великокняжескаго. Молодой Димитрійъ Иоанновичъ былъ такъ добръ, что не только не опинялъ наследственнаго Княжества у смертельнаго врага своего — (что онъ по справедливости заслуживалъ) — но даже позволилъ ему называться Великимъ Княземъ Тверскимъ. Впрочемъ одно это названіе безъ престола Владимірскаго не было важно: такъ называли сами себя часто и разные другіе Князья, на примѣръ: Рязанскіе и Смоленскіе.

Войско Руское почти не отдохало въ славное княженіе Димитрія: едва окончилась продолжительная война съ Тверскимъ Княземъ, какъ уже полки Московскіе шли въ Камскую Болгарію. Великій Князь, безпрестанно думая о томъ, чтобы освободити милое опечесство свое отъ власти Татаръ, искалъ всѣхъ случаевъ вредити имъ.

Камская Болгарія тогда принадлежала имъ: довольно было, чтобы заставилъ Димитрія овладѣть ею. Эта страна уже называлась въ то время не—Камскою, но *Казанскою* Болгаріею, потому что въ ней былъ уже славный въ исторіи нашей городъ *Казань*. Его основалъ одинъ изъ Таттарскихъ Хановъ по имени *Сайнъ*, который идучи воевать Россію, былъ встрѣченъ шурь многими Князьями Рускими. Боясь Таттаръ какъ огня, они пришли къ нимъ съ покорностію и принесли богатые дары. Сайнъ *) сжалился надъ ними и не пошелъ на шурь разъ далѣе. Мѣсто ему понравилось по красивому положенію своему, по изобилію во всемъ, особенно въ *пчелахъ* и *зеленыхъ лугахъ* и Сайнъ вздумалъ основать шурь городокъ для того, чтобы Таттарскіе баскаки, посылаемые для собранія дани

*) Этотъ Сайнъ былъ—или сынъ Батыевъ — *Сартакъ* или самъ Батый, котораго Татарскіе историки называютъ *Сагиномъ*.

съ Рускихъ , могли шуть опдыхашь. Онъ населилъ эшопъ городокъ Болгарами , Черемисами, Вошьяками , Мордвою и назвалъ Казанью. *Казань* значить по Ташарски *котелъ* или *золотое дно*.

Вошь эта Казань была уже при Димитріи Іоанновичѣ не городкомъ, но богатымъ городомъ. Жители, думая испугашь Руское войско, посланное Димитріемъ, выѣхали на встрѣчу къ нему на верблюдахъ! Но чего боятся Рускіе? Они только посмѣялись надъ просячками Казанскими и бросились на нихъ такъ скоро и неуспрашимо, что верблюды едва успѣли повернуться и побѣжать назадъ къ городу. Два владѣтеля Болгарскіе: *Осанъ* и *Махматъ-Салтанъ* покорились Великому Князю и дали ему 2000, а на воиновъ его 3000 рублей, и обязались и впередъ быть данниками Московскаго Князя.

Димитрій очень досадилъ Ташарамъ покореніемъ обласпи, имъ принадлежавшей, но чрезъ два года потомъ

въ 1378 году—еще болѣе: онъ побѣдилъ въ Рязанской области, на берегахъ рѣки Вожи сильное войско ихъ, посланное Мамаемъ, наказати дерзкаго Князя Рускаго. Эта побѣда, первая одержанная надъ Татарами съ 1224 года, привела въ ужасный гнѣвъ Мамай и показала ему, что Рускіе уже не сѣ покорные рабы, какими были прежде. Непереносливо желалъ онъ опмстити храброму Димитрію, и чтобы вѣрнѣе сдѣлать это набралъ страшное войско изъ Татаръ, Половцевъ, Турковъ, Черкесовъ, Яссовъ, Жидовъ Кавказкихъ и Армянъ. Но все это войско не казалось еще Мамаю достапчнымъ для усмиренія Рускихъ: онъ пригласилъ на помощь Князя Литовскаго. Тогда Ольгерда уже не было на свѣтѣ. Наслѣдникомъ его былъ любимый сынъ его *Ягайло*, который началъ свое правленіе сѣмъ, что убилъ дядю Кеспутія, и принудилъ сына его, молодаго *Витовта*, убѣжати въ Пруссію. Не забудьте

эшого Вишовта, милья дѣши: онъ очень прославился въ послѣдствіи.

Мамай, слыша о такихъ злыхъ дѣлахъ Ягайлы, подумалъ: „Это будетъ славный помощникъ мнѣ:“, И не ошибся! Липовскій Князь обрадовался предложенію его и условился съ нимъ разорить совершенно землю Рускую, и сжечь всѣ города, селенія и церкви Христіанскія. Съ этими двумя безбожными врагами нашего опечества соединился еще прешій. Мнѣ кажется, онъ былъ еще хуже ихъ; и чипашели мои, вѣрно согласятся со мною, когда узнають, что онъ былъ *Рускій*! Да, милья дѣши, грустно сказать это, — но онъ былъ Князь Рязанскій — *Олеѣ*! Будучи жестокъ, хитръ, лукавъ, онъ умѣлъ скрывать свои пороки и показывалъ всегда сполько почтенія и любви къ Великому Князю, что добрый Димитрій считалъ его испиннымъ другомъ своимъ. И послѣ того, онъ не постыдился измѣнить ему; самъ предложилъ Мамаю и Ягайлѣ помощь свою и

тайно согласился ждать ихъ на берегахъ Оки. Мамай обѣщаль за то раздѣлить обоимъ союзникамъ своимъ завоеванное Великое Княжество. Эта награда была съ самаго начала причиной измѣны Олега; онъ думаль, что соединенныя войска Татарскія и Липовскія разоряшъ совсѣмъ Княжества Рускія, и надѣялся въ это время не только сохранить свое, но даже еще увеличить его.

Между тѣмъ какъ безсовѣстный Олегъ рассуждалъ такимъ образомъ, между тѣмъ какъ Мамай и Ягайло мысленно уже считали звонкое золото Руское, которымъ хопѣли обогатиться; въ Москвѣ все было въ превогѣ. Но эта превога происходила не отъ страха; напрошивъ того, начиная отъ самыхъ храбрыхъ и неуспрашимыхъ воиновъ, до молодыхъ дѣвушекъ и дѣшей, всѣ оживлены были какою-то смѣлостію, всѣ какъ будто бы думали, что уже настало время освобожденія отъ власти Татаръ, какъ буд-

то бы предчувствовали, что Богъ, сжалясь надъ спраданіями Рускихъ, наконецъ поможетъ имъ побѣдишь своихъ пришельцевъ. Примѣръ въ этомъ мужествѣ, въ этой надеждѣ на Бога, подавалъ всѣмъ жителямъ Московскимъ — самъ Государь. Какъ скоро Димитрій узналъ о намѣреніи Мамаю и Ягайлы — первою мыслию его было: ищи, въ церковь и молишь Бога о помощи. Усердная молитва укрѣпила еще болѣе — и безъ того храбрый духъ его! Почти въ ночь же часъ, онъ разослалъ гонцевъ во всѣ области Великаго Княжества, что бы собирашь войско и веди его прямо въ Москву. Всѣ усердно слышали исполняшь повелѣніе Государя и чрезъ нѣсколько дней почти цѣлые города готовы были ищи прошивъ непріятелей опечества. Каждый день приходили въ Москву новые полки подъ начальствомъ Князей или Бояръ своихъ. О! я угадываю, милья дѣти, что вамъ хочется знать изъ какихъ именно городовъ и мѣстъ приходили

эти добрые защитники нашихъ предковъ! Такое любопытство похвально, оно доказываетъ ваше уваженіе къ памяти этихъ почтенныхъ и добрыхъ людей. И такъ, я скажу вамъ, что то были Князья Ростовскіе, Бѣлозерскіе, Ярославскіе съ своими подданными;— бояре Владимірскіе, Суздальскіе, Переяславскіе, Костромскіе, Муромскіе, Дмитровскіе, Можайскіе, Звенигородскіе, Углицкіе, Серпуховскіе съ *Дѣтьми боярскими*. *) Всѣ эти дружины составили многочисленное войско, которое не терпѣливо желало выступить въ походъ. Но Дмитрій прежде этого выступленія хопѣлъ съ неразлучнымъ другомъ и—послѣ ранней кончины роднаго брата, Иоанна—единственнымъ братомъ и товарищемъ своимъ, Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и со всѣми главными воеводами съѣздишь въ уе-

*) Прежде эти *Дѣти боярскіе* или *Дружина бояръ*, назывались *Дѣтскими* и *Отроками Боярскими*.

дивенный Троицкій монастырь, и тамъ принялъ благословеніе Игумена Сергія, о благочестіи котораго маленькіе чаша-тели мои уже слышали. Эшотъ свя-тый старецъ хопя уже давно отка-зался отъ міра, но все еще пламенно любилъ свое опечество. Онъ радовался, неожиданно увидѣвъ храбрыхъ защи-тниковъ его въ пихомъ монастырь своемъ; радовался смиренію, съ кото-рымъ они желали получить чрезъ него благословеніе Божіе, пошому что это смиреніе предвѣщало имъ помощь небе-сную и побѣду. Онъ упросилъ Великаго Князи отобѣдать въ монастырь, окро-пилъ свяшою водою его и всѣхъ быв-шихъ съ нимъ военачальниковъ, и оп-пустилъ съ ними, раздѣлять опасности войны двухъ монаховъ, *Александра Пе-ресвѣта* и *Ослабля*. Димитрій, выѣзжая изъ Троицкаго монастыря, еще болѣе надѣялся одержать побѣду.

Въ церкви Михаила Архангела, надъ гробницами предковъ своихъ, Го-сударей Московскихъ — Великій Князь

еще разъ помолился Богу и проспился съ печальною супругою. Горько плакала она, отпуская друга своего на сраженіе съ безчеловѣчными Татарами! Невольно приходила ей въ голову мысль о всѣхъ Князьяхъ, уже убитыхъ ими! И самъ мужеспвенный супругъ ея, едва удержалъ слезы, когда въ послѣдній разъ обнялъ ее и сказалъ: „Богъ нашъ заслужникъ!“ Далекo за вороша городскія провожали Московскіе жишели добраго Государя и войско его, и только къ вечеру возвратились въ тихую столицу, гдѣ оспались почти одни старики, женщины и дѣши.

Въ 94 верспахъ опъ Москвы, въ городѣ Коломнѣ соединились съ Димитріемъ два союзника его, сыновья Ольгерда, Князья: *Полоцкій* и *Брянскій* обиженные брапомъ своимъ Ягайломъ, и поклявшіеся опмстить ему.

Здѣсь, Великій Князь осмапривалъ все войско свое. Никогда еще оно не было такъ многочисленно: болѣе ста пятидесяти тысячъ воиновъ, конныхъ и

пѣшихъ стояло въ рядахъ! Любуясь эпита прекрасными, такъ много обѣщавшими рядами, Димитрій былъ спокоенъ и швердъ; его огорчала только измѣна Олега, и огорчала не потому, чтобы онъ боялся ее, но потому что ему горесно было узнать измѣнника въ прежнемъ другѣ. Между тѣмъ, Олегъ спрадалъ ошъ измѣны своей гораздо болѣе его: узнавъ, что Великій Князь не успрашился войны и уже перешелъ за Оку въ его собственную, Рязанскую землю, онъ не зналъ, что дѣлать и къ кому приснапъ; боялся и Мамай и Димитрія, раскаевался въ измѣнѣ и дрожалъ при одной мысли о томъ, что будетъ съ нимъ въ послѣдствіи.

Мамай, уже со всею Ордою стоялъ за Дономъ и ждалъ Ягайла. Войско наше подошло къ этой рѣкѣ, и долго разсуждали Князья и бояре переходить ли ее или ожидать здѣсь Тапарь? Общимъ совѣтомъ рѣшено было — *перейти*, — чтобы не дать Мамаю соединиться съ Княземъ Липовскимъ, и на другой

день рано поуспру, все войско Руское уже спояло на другой споронѣ Дона, на берегахъ рѣки Непрядвы. Здѣсь Димитрій Іоанновичъ еще разъ взглянулъ съ высокаго холма на многолюдныя полки свои. Мысль, что можетъ бытъ чрезъ нѣсколько часовъ всѣ эти храбрыя воины погибнуть подъ ударами жестокихъ Татаръ, такъ пронула доброе сердце его, что онъ упалъ на колѣни и смотря на золотой образъ Спасителя, вѣявшій на *тернолѣ* знамени Великокняжескомъ, молился за народъ свой! Потомъ объѣхалъ всѣ полки, говорилъ съ каждымъ изъ нихъ, называлъ воиновъ *милыми братьями*, обѣщалъ имъ славу въ здѣшнемъ мѣрѣ и въ будущемъ.

Это было 8-го Сентября 1380 года. Въ шестомъ часу дня войско наше дошло до поля *Куликова*, которое простиралось болѣе нежели на десять верстъ. Здѣсь Рускіе увидѣли непріятелей. Татаръ было болѣе нежели нашихъ. Димитрій, не смотря на просьбы

Князей и бояръ, кошорые умоляли его не подвергать опасности жизнь свою—сражался въ передовомъ полку. Онъ первый ударилъ на враговъ; мѣсто его было въ рядахъ простыхъ воиновъ. Три часа продолжалась сирашная битва: кровь лилась на всемъ обширномъ полѣ, но все еще нельзя было рѣшить кто останешся побѣдителемъ. Въ одномъ мѣстѣ Рускіе пѣснили Татарь; въ другомъ Татары—Рускихъ. Однакожь уже *Большія* или Княжескія знамена едва спасены были отъ рукъ Мамаю; уже нѣкоторые изъ полковъ Московскихъ кошѣли было бѣжать какъ вдругъ Князь Владиміръ Андреевичъ, начальникъ засаднаго полка, выпушилъ изъ роци, которая скрывала его отъ всѣхъ, и быстро, неустрашимо бросился на Татарь. Это смѣлое движеніе храбраго Князя рѣшило судьбу сраженія: удивленные и измученные непріятели не могли уже пропивишься свѣжему войску и всѣ побѣжали!

Мамай, увидѣвъ это бѣгство, вскричалъ съ поскою опчаянія :

„Великъ Богъ Христіанскій!“ и также побѣжалъ за своими войнами. Рускіе гнали ихъ до рѣки *Меци*, убивали и поили безъ счета и взяли въ добычу множество лошадей и верблюдовъ, навьюченныхъ разными драгоценностями.

Радость и счастье побѣдителей были неописанны! *Перваго* героя эпого знаменитаго въ нашей исторіи дня— Великаго Князя Димитрія Іоанновича, назвали—*Донскимъ*; *второго*, Князя Владимира Андреевича—*Храбрымъ*. Они вмѣстѣ со всѣми оставшимися въ живыхъ Князьями и Боярами обвѣзжали поле Куликово: много было убито Русскихъ, но вчетверо болѣе — Татаръ; всего же, по увѣренію нѣкоторыхъ историковъ было до 200,000 шѣлъ. Въ числѣ убитыхъ были также два инока Троицкаго монастыря—Александръ Пересвѣтъ и Ослябя. Великій Князь плакалъ надъ всѣми ими, и въ знакъ благодар-

носпи къ храбрымъ защитникамъ отечества, приказалъ праздновать вѣчно память ихъ въ Дмитріевскую субботу, которая бываетъ между 18 и 26 числами Октября.

Ягайло въ день Донскаго сраженія былъ уже только въ 30 верстахъ отъ Мамая, и узнавъ, чѣмъ оно окончилось—устрашился и побѣжалъ назадъ въ Литву такъ скоро, что Рускіе не могли догнать его. Такъ счастливому Дмитрію удалось въ одинъ день избавить Россію отъ двухъ сильныхъ непріятелей! Извѣстіе о побѣдѣ его восхищало не только жителей Москвы и областей Великаго Княжества, но и всѣхъ другихъ княжествъ. Народъ вездѣ смотрѣлъ на Донскаго, какъ на Ангела-Хранителя, вездѣ встрѣчали его съ неизъяснимымъ восторгомъ, какъ освободителя отечества отъ жестокой власти варваровъ: всѣ думали, что это освобожденіе уже исполнилось, что слава и счастье нашего оте-

чества уже навсегда возобновились,
что Татары—послѣ Куликовской бит-
вы никогда уже не осмѣлятся ипши
на Рускихъ!

НОВОЕ НЕСЧАСТІЕ МОСКВЫ

И

РАЗБОИ НОВГОРОДЦЕВЪ.

Отъ 1380 до 1388 года.

(Пер. 8 лѣтъ.)

Бѣдные предки наши обманулись въ своихъ ожиданіяхъ : не прошло двухъ лѣтъ послѣ славнаго Донскаго сраженія, и Москва была опять въ рукахъ Татаръ! и она опять терпѣла всѣ тѣ ужасы, какіе происходили въ ней во времена Батыея! Новый мучитель ея, и. е. новый Царь Татарскій былъ не Мамай, котораго уже не было на свѣ-

тъ, но смертельный непріятель его— Ханъ *Тохтамышъ*, одинъ изъ потомковъ Чингисъ-Хана. Во время безпорядковъ, происходившихъ въ Капчакской Ордѣ около 1360 года Тохтамышъ былъ изгнанъ опшуда Ханомъ Урусомъ и и убѣжалъ въ Бухарію къ Монголамъ Чагатайскимъ. Тамъ онъ умѣлъ войши въ милость къ главному Эмиру или Князю *Тамерлану*. Тамерланъ очень походилъ на славнаго Чингисъ-Хана, и также какъ онъ хотѣлъ завоевать весь свѣтъ. Чингисели мои вѣрно очень хорошо помнятъ этого злодѣя, который бросалъ людей въ кошлы. Вотъ второй Чингисъ-Ханъ, Тамерланъ, жалѣя объ участи Тохтамыша, изгнаннаго изъ отечества, далъ ему войско, чтобы отнять наследственный престолъ свой у Мамай, который въ это время печально возвращался съ остатками своихъ полковъ съ поля Куликова. Мамай разбили совершенно. Тохтамышъ сдѣлался Царемъ въ Ордѣ и послалъ къ Великому Князю пребывать, чтобы

всѣ Князья наши, какъ подданные Татарь, немедленно явились къ нему. Рускіе удивились, но не встревожились; напрошивъ того, они даже показали такъ много ненависти къ Татарамъ, что Посоль Ханской не смѣлъ ѣхать далѣе Нижняго — Новгорода и возвратился въ Сарай. Димитрій, слишкомъ надеясь на слабость Орды, вовсе не думалъ ни о новомъ Ханѣ, ни о томъ, чтобы приготовиться къ защитѣ.

Тохтамышъ молчалъ около года и вдругъ услышали въ Москвѣ страшную вѣсть—что онъ идетъ на Россію, и что безчестный Олегъ, не смотря на благодѣяніе Великаго Князя, простившаго прежнюю измѣну его, опять опдалъ опечество на жертву варварамъ, и дружески встрѣтилъ ихъ на границахъ своего Рязанскаго Княжества. Эта вѣсть была ужасна для всѣхъ Рускихъ, совсѣмъ не приготовившихся къ ней; но если бы всѣ Князья равно любили свое опечество и соединили войска свои, можно было бы ручаться,

что еще одно сраженіе такое, какъ было—Донское, и Россія навсегда освободилась бы отъ пришъснншелей своихъ ! Но вмѣсто этого спасительнаго согласія, всѣ Князья оставили Дмитрія на жертву Тохтамышу, шедшему прямо на Москву. Даже шесть его, Князь Нижегородскій, не хотѣлъ помочь ему, но напрошивъ того послалъ къ Хану двухъ сыновей своихъ съ дарами. Великій Князь, въ уныніи поперялъ твердость духа, и не имѣя надежды побѣдить Тохтамыша съ однимъ только вѣрнымъ помощникомъ своимъ, братомъ Владиміромъ Андреевичемъ, вздумалъ, что лучше защищаться въ крѣпости нежели выйти на встрѣчу непріятелю и удалился въ Коспrome со всѣмъ своимъ семействомъ. Тогдашній Митрополитъ *Кипріанъ*, родомъ Грекъ, также выѣхалъ въ Тверь и народъ Московскій, оставленный Государемъ и Митрополитомъ, шумѣлъ и спорилъ съ боярами, но приходилъ въ отчаяніе, но храбро защищался и на

конецъ 16 Августа 1382 года сдалъ столицу Тохтамышу! Жестокій Ханъ принудилъ его къ тому хитроспѣю: онъ обѣщаль жишелямъ не разоряшь Москвы и щопчасъ уйши изъ нее, если они сдядушся добровольно. Москвишяне повѣрили и дорого заплашили за легко-вѣріе: Ташары злодѣйспивовали въ Москвѣ съ обыкновеннымъ звѣрспвомъ своимъ, убивали всѣхъ, кого встрѣчали, грабили все, что находили въ церквахъ, дворцахъ, домахъ и погребяхъ; наконецъ выходя, зажгли весь городъ.

Такою же учаспъ выперпѣли и другіе города Великаго Княжеспива: Владиміръ, Звѣнигородъ, Юрьевъ, Можайскъ, Дмитровъ. Не спаслась и область Рязанская, не смопря на измѣну Князя ея: Ташары и шамъ поступали, какъ въ землѣ непрілшельской, и доказали Олегу какъ ненадежна милоспъ, купленная безчеспіемъ!

Съ гореспію возвращился въ Москву Великій Князь, и увидѣлъ всѣ несчастія столицы своей! На однихъ

улицахъ нашли 24,000 мертвыхъ тѣлъ, не считая въ томъ числѣ сгорѣвшихъ и утонувшихъ. Димитрій, видя, какъ бесполезно для людей унывать въ бѣдствіяхъ, собралъ всѣ силы огорченной души своей и принялся вмѣстѣ съ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ, возобновлять красоту Москвы, о которой съ восхищеніемъ говорили испорикки того времени. На слѣдующій годъ, для спокойствія подданныхъ своихъ, онъ уже съ честью принялъ Ханскаго Посла, опустилъ съ нимъ въ Орду старшаго сына своего *Василія* и заплашилъ большую дань Тохшамышу, который хотя былъ и спрашенъ въ гнѣвъ, но любилъ миловать показывающихъ раскаяніе и покорность, и потому Великій Князь не боялся за жизнь сына; Ханъ принялъ его очень ласково.

Но Димитрію Іоанновичу видно не опредѣлено было жить спокойно: едва началъ онъ забывать ужасное нашествіе Тохшамыша, какъ уже новыя

огорченія, новыя безпокойства готовились для доброй души его. Эти огорченія, эти безпокойства причиняли ему своевольные подданные его, Новгородцы. Они не только отдали безъ согласія его, два города свои: Ладогу и Русу, и берегъ Наровскій одному изъ Князей Литовскихъ, *Патрикію Наримантовичу*, но въ послѣдніе десятиишь лѣтъ, когда Великій Князь былъ занятии приготовленіемъ къ Донскому сраженію и потомъ несчастіями Москвы опъ нашесивія Тохшамыша, Новгородцы, наскучивъ тишиною своей обласпи, вздумали заниматься разбоями и называли это ужасное ремесло—*удальствомъ* или *молодечествомъ*. Они собирались большими толпами, выбирали себѣ начальника, котораго называли *атаманомъ* и отправлялись грабить деревни и города по рѣкамъ Волгѣ, Камѣ, Вяткѣ. Въ 1371 году, они завладѣли такимъ образомъ Ярославлемъ, въ 1375—Коспромюю, и цѣлую недѣлю злодѣйствовали въ ней: брали въ неволю людей, грабили дома,

лавки, бросали въ рѣку то, чего не могли взять съ собою. Опшуда они опправились далѣе внизъ по Волгѣ, и не боясь никого, разорили всѣ береговыя селенія до самаго *Хазитораканя* или нынѣшней Астрахани. Правда, что эти разбойники были тамъ всѣ убиты Татарскимъ Княземъ *Сальгеемъ*, но у Новгородцевъ была не одна такая шайка. Съ каждымъ годомъ число ихъ увеличивалось, и наконецъ дерзость Новгородцевъ дошла до того, что Правительство ихъ начало захватывать даже доходы Великокняжескіе, а духовенство не захопѣло повиноваться Митрополиту Московскому. Великій Князь сначала старался и кротостію и угрозами напомнить имъ обязанность ихъ къ Государю, но когда увидѣлъ, что все это напрасно, и что Новгородцы хотѣли непремѣнно быть независимыми отъ Великаго Княжества, рѣшился усмирить ихъ оружіемъ. Онъ собралъ войско съ двадцати-шести областей

своихъ. Кромѣ того, соединились съ нимъ даже нѣкоторыя изъ подданныхъ Новгорода, какъ-то: жишели Вологды, Бѣжецка, Торжка, недовольные безпорядками своевольнаго правительсва. Съ этими страшными силами, Великій Князь расположился лагеремъ въ 30 версахъ отъ Новгорода. Тутъ встрѣтилъ его Архіепископъ Новгородскій, умоляя просить вину Новгорода, который гошовъ заплатилъ ему 8000 рублей за дерзости своихъ разбойниковъ. Добрый Димитрій, милосивый и для непокорныхъ подданныхъ, согласился на миръ, съ условіемъ, чшобы Новгородъ всегда повиновался ему, какъ Государю своему, платилъ каждый годъ *герной борб*, или *дань*, собираемую съ чернаго народа, и внесъ бы 8000 рублей за разбойниковъ. Кромѣ того они должны были взять назадъ у Липовскаго Князя—Русу и Ладогу.

Такъ и гордость Новгородская смирилась передъ героемъ Донскимъ! Мнѣ остается рассказать вамъ, милыя дѣти,

еще одно знаменитое дѣло его; оно много облегчило судьбу опечества нашего и пошому заслуживаетъ наше особенное вниманіе.

ВЕЛИКОДУШІЕ КНЯЗЯ ВЛАДИМІРА

ХРАБРАГО.

1389 годъ.

Это славное, государственное дѣло было: новый порядокъ въ наследствѣ Престола. Вы помните, милыя дѣти, что до того времени наследникомъ Государя Рускаго былъ всегда не сынъ его, но братъ, какъ старшій въ родѣ. Вы помните также, сколько споровъ и несогласій было за это въ се-

мейспвахъ Княжескихъ. Какъ часто, сынъ, воспитанный въ глазахъ отца своего, Великаго Князя, наученный примѣромъ его трудной наукѣ управлѣнью государствомъ, долженъ былъ успупать свои законныя права дядѣ, можешь быть никогда не выѣзжавшему изъ своего маленькаго Удѣльнаго городка и вовсе незнакомому съ шѣми знаніями, какія имѣлъ его племянникъ. Какъ часто народъ перялъ при такомъ случаѣ свое счастіе или проливалъ кровь свою въ междоусобной войнѣ неуспучивыхъ наслѣдниковъ. Бѣдные предки наши чувствовали всю несправедливость такого успановленія первыхъ Государей своихъ, но уважая память ихъ, не смѣли явно прошивишься ему; Владиміръ Мономахъ, Георгій Долгорукій, Андрей Боголюбскій, были первые изъ Князей, которые громко заговорили о невыгодахъ такого порядка въ наслѣдствѣ, но не имѣли еще столько силы и смѣлости, чтобы опмѣнить древній законъ отцовъ своихъ и вве-

сти новый. Исполненіемъ этого труднаго дѣла мы обязаны Димитрію Іоанновичу Донскому и доброму великодушному Владиміру Андреевичу. Будучи старшимъ въ родѣ, какъ двоюродный братъ Великаго Князя, онъ былъ законнымъ наслѣдникомъ Московскаго престола послѣ смерти Димитрія. Но любя отечество свое болѣе всѣхъ выгодъ, какія могло доставить ему Великое Княжество, Владиміръ добровольно отказался отъ правъ своихъ и согласился на предложеніе Димитрія постановить новый законъ о наслѣдствѣ. Въ договорной грамотѣ, копія была написана у нихъ по этому случаю, сказано, что Владиміръ Андреевичъ признаетъ Димитрія опцемъ, сына его Василя — братомъ старшимъ, Георгія — равнымъ, а меньшихъ сыновей Великаго Князя младшими братьями; всѣхъ же вообще наслѣдниками Великаго Княжества послѣ смерти Димитрія.

Не правда ли, милья дѣпи, какъ благородно, какъ великодушно посшу-

пилъ добрый Владиміръ Андреевичъ? Подписывая эту договорную грамоту, онъ сравнился заслугами Отечеству съ самыми знаменитыми Государями нашими: съ того времени кончились кровопролитныя ссоры дядей и племянниковъ и навсегда утвердился лучшій порядокъ въ наследованіи престола.

1589 годъ былъ несчастливъ для Россіи: она лишилась любимца своего, Дмитрія Іоанновича, и тогда какъ ему только что исполнилось сорокъ лѣтъ! Болѣзнь его случилась вдругъ и продолжалась нѣсколько дней. Передъ смертію онъ представилъ окружавшимъ его Боярамъ, своего семнадцатилѣшняго сына Василія, какъ будущаго Государя ихъ, и выбралъ ему девять совѣтниковъ изъ опытныхъ вельможъ. Съ удивительною твердостію еще говорилъ онъ съ ними за нѣсколько минутъ до кончины; просилъ ихъ служить вѣрно семейству его и Отечеству; обиялъ нѣжную супругу свою; благословилъ cadaго изъ сыновей. По-

слѣднія слова его были: „Богъ мира да
будеть съ вами!„

Трудно описатьъ горестъ, какую
чувствовалъ народъ о кончинѣ Дими-
трія. Никого изъ Государей своихъ, ис-
ключая Мономаха и Александра Невска-
го—не любилъ онъ такъ, какъ Донска-
го! Добрый Димитрій въ полной мѣрѣ
заслуживалъ эту любовь. Кромѣ хра-
броси, которая доставила ему имя
перваго побѣдителя Татаръ, онъ имѣлъ
всѣ достоинства превосходнаго Госуда-
ря, и только по добродушію своему не
присоединилъ Рязань и Тверь къ Мос-
квѣ въ то время, когда могъ это сдѣ-
лать. Вы помните, чичашели мои,
Олега Рязанскаго и Михаила Тверскаго?
Они сдѣлали столько зла опеческву
своему, что признаюсь, я была бы очень
рада, если бы Димитрій Донской былъ
не столько совѣспливъ и опнялъ бы
у нихъ Княжескву ихъ. Они, право,
споили того.

Въ двадцати-шести-лѣтнее кня-
женіе Димитрія случилось еще много

примѣчательныхъ произшествій кромѣ
тѣхъ, о которыхъ мы уже говорили.
Въ числѣ самыхъ важныхъ было кре-
щеніе въ вѣру Христіанскую Пермь
и Липовцевъ. *Пермью* называлась об-
ширная страна въ Сѣверной Россіи
отъ рѣки Двины до горъ Уральскихъ.
Жители ея, Пермьне и Зырянне, давно
уже платили дань Рускимъ, которые
получая отъ нихъ много серебра и мѣ-
ховъ, не принуждали ихъ креститься.
Вдругъ одинъ молодой монахъ *Стефанъ*,
сынъ церковника въ городѣ Устюгѣ,
почувствовалъ сильное желаніе просвѣ-
тить эсихъ идолопоклонниковъ. Онъ
выучился языку Пермскому, выдумалъ
для него особенныя буквы, перевелъ
главныя церковныя книги съ Славян-
скаго языка, и отправился къ дика-
рямъ проповѣдывать Евангеліе. Богъ
благословилъ его усердіе: Пермьне поня-
ли истину его ученія, начали сами ис-
преблять своихъ идоловъ, *) и шли цѣ-

*) Главнымъ идоломъ народа Пермскаго былъ: Зо-
лотая баба или каменное изображеніе старухи
съ двумя дѣтьми.

лыми толпами къ Стефану, чтобы креститься. Митрополитъ Московскій сдѣлалъ его первымъ Епископомъ Пермскимъ. Во все время жизни своей, Стефанъ былъ покровителемъ народа имъ просвѣщеннаго. Неизлѣчное шло его, прославленное святостію, погребено въ Кремль, въ церкви Преображенія.

Но крещеніе Липовцевъ происходило совсѣмъ иначе. Ихъ не просвѣщала крошкѣй служитель Божій, но крестилъ волею и неволею Князь ихъ, сердитый Ягайло. Можешь быть маленькіе чиншатели мои удивлены, какъ эшто Ягайло — самъ идолопоклонникъ, вздумалъ крестить народъ свой? Вошь какъ. Въ 1382 году умеръ Король Польскій Людовикъ. У него не оспалось сына, но одна пятнадцатилѣтняя дочь, прекрасная, добрая, благочестивая Гедвига. Польскіе вельможи, управлявшіе государствомъ, искали для молодой Королевы своей, такого супруга, который бы могъ защитить ея владѣнія отъ нападеній враговъ чуже-

земныхъ. Изъ всѣхъ Князей, сосѣднихъ къ Польшѣ, не было сильнѣе — Ягайла. И такъ, его избрали супругомъ прекрасной Королеви Польской, съ тѣмъ условіемъ однакомъ, чѣобы онъ принялъ вѣру Христіанскую. Вопль для того, чѣобы жениться на Гедвигѣ и сдѣлаться чрезъ то Королемъ Польскимъ, Ягайло согласился самъ креститься и потомъ крестить весь народъ свой. И какъ же онъ крестилъ его? Онъ не училъ такъ, какъ училъ Св. Стефанъ и другіе проповѣдники вѣры Христовой, но только спавилъ Литовцевъ въ ряды цѣлыми полками и заставлялъ ихъ чищать *Символъ вѣры*. Въ это время священники кропили ихъ святою водою и давали имъ имена Христіанскія, но что бы не перяшь времени, выдумывалъ разныя имена, — въ одномъ полку называли всѣхъ людей *Петрами*, въ другомъ *Павлами*, въ третьемъ *Иванами*, и такъ далѣе. Но надобно сказать вамъ, милыя дѣши, что вѣра Поляковъ, принятая и Ягай-

ломъ, была не наша греческая, но лапинская или каполическая. Опъ этого произошли новыя бѣды для шѣхъ Рускихъ обласпей, копорыя были подъ власпію Липвы и Польши *), теперь соединенныхъ въ одно Государство. Ягаило, усердный Каполикъ, уже не любилъ Греческихъ Христіанъ, и всячески старался пришѣснять ихъ.

Въ княженіе Димитрія Донскаго, предки наши переспали упопрелять кунъ или кожаныя деньги; и начали дѣлать—кромѣ *рублей*, мелкую серебряную монету, по образцу Татарской. Татары называли свою серебряную монету *тангою*, а мѣдную—*пулою*. И Рускіе называли также свою. Это названіе нѣсколько измѣнилось попомъ опъ выговора: изъ *танги*—сдѣлались *деньги*, а изъ *пулы*—*полушки*. И теперь еще у любипелей древностей можно найши

*) *Литва*—принадлежали всѣ города, отнятые у насъ Гедимномъ, *Польша*: Княжества: *Галицкое* и *Волынское* или все прежнее Королевство Романа Галицкаго.

эти самыя старинныя серебряныя монеты наши. Каждая изъ нихъ вѣситъ $\frac{1}{4}$ золотника. На нихъ изображена фигура челоуѣка, сидящаго на лошади.

Въ послѣдній же годъ княженія Димитрія появилось у насъ *огнестрѣльное оружіе*, вышисанное предками нашими изъ Нѣмецкой земли. Здѣсь ксшаши скажутъ вамъ, милыя дѣши, что порохъ изобрѣтенъ около половины XIV столѣтія Францисканскимъ монахомъ *Бертольдъ Шварцолъ*.

ТАБЛИЦА XXXIV.

Семейство В. К. Димитрія IV Иоанновича *Донскаго*.

Супруга: *Евдокія*, въ монахиняхъ *Евфросинія*, дочь Князя Суздальскаго, Димитрія Констанпиновича.

Сыновья: 1. Даніильъ, умеръ въ дѣтствѣ.
2. Василій, наследникъ престола.
3. Юрій.
4. Пётръ.
5. Андрей.
6. Иоаннъ.
7. Константинъ.

ВѢРА и НАБОЖНОСТЬ РУСКИХЪ.

Отъ 1390 до 1395 года.

(Пер. 6 лѣтъ.)

Счастливъ тотъ человекъ, который горячо любитъ Бога, искренно боится прогнѣвить Его, и въ горести твердо надѣется на Его помощь! Никакія опасности для него не страшны: онъ всегда можетъ быть увѣренъ, что усердно помолясь Богу, онъ будетъ услышанъ Имъ и избавленъ отъ бѣды! Это испытали предки наши, которые

были гораздо, гораздо усерднѣе къ Богу, нежели мы, милыя дѣти! Послушайте какъ чудесно Онъ показалъ имъ однажды, что молишвы людей доступны къ свѣтлому престолу Его.

Уже прошло болѣе пяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ молодой сынъ и наследникъ Донскаго, Великій Князь Василій II Димитріевичъ вступилъ безъ всякаго спора на престоль Великокняжескій; уже онъ успѣлъ показать поданнымъ своимъ, что во многомъ походилъ на знаменишаго отца своего: твердость духа, умъ, намѣренія, желанія — все было у нихъ одинаково. Василій, такъ же какъ и Димитрій понималъ, что счастье Россіи пребудетъ усиленіемъ Великаго Княжества, и уже въ первые годы своего княженія умѣлъ сдѣлать то, о чемъ не смѣлъ еще и думать отецъ его: онъ присоединилъ къ Москвѣ, съ согласіемъ Хана, сильнаго Княжества Суздальское и Нижегородское, и кромѣ того, получилъ еще не-

го города: Мещеру, Городецъ, Торусу и Муромъ.

Увеличивъ такимъ образомъ Великое Княжество, усмиривъ новый бунтъ непокойныхъ подданныхъ своихъ, Новгородцевъ, Василій, весело праздновалъ свадьбу свою съ Софією, дочерью Литовскаго Князя Вишовта, какъ вдругъ разнеслась страшная вѣсть, что новый Батый, Чагапайскій Ханъ, Тамерланъ, идесть на Россію! Чишапели мои уже слышали нѣсколько объ этомъ безстрашномъ Государѣ Татарскомъ, хотѣвшимъ завоевать цѣлый свѣтъ. Вы помните, что онъ помогъ Тохшамышу побѣдить Мамай и завладѣть *Золотою Ордою*. Но благодарности не знаютъ народы полудикіе. Тохшамышъ, забылъ все, чѣмъ обязанъ былъ Тамерлану и осмѣлился итти войною на этого Государя, уже повелишеля двадцати шести царствъ въ прехъ часяхъ міра! Уже онъ послалъ войско свое разорять сѣверную Персію. Тамерланъ, узнавъ о такой дерзости, пошелъ самъ нака-

зашь его; и между рѣками Терекомъ и Курою, въ Черкесской землѣ, встрѣтились жестокіе враги. Тохшамышъ былъ совершенно разбитъ и бѣжалъ за Волгу. Ужасный завоеватель востока пошелъ къ сѣверу вслѣдъ за бѣгущимъ Тохшамышемъ; перешелъ волгу, степи Саратовскія, и уже взялъ одинъ Рускій городъ, Елецъ. Всѣ встрѣвожились и поспѣхомъ вообразили, что настало опять то время, какое было за 160 лѣтъ назадъ. Одинъ Великій Князь не пришелъ въ уныніе и доказалъ, что былъ достоинъ отца своего: не теряя времени собралъ онъ многочисленное войско, въ копоромъ еще можно было видѣть стариковъ, сражавшихся на полѣ Куликовомъ и поручивъ Москву, храброму дядѣ своему, Владиміру Андреевичу, самъ выступилъ съ полками—на берега Оки.

Оппуская молодаго Государя своего на опасную войну съ Ташарами, Московскіе жиители показали сполько унынія, что Василій, желая унѣшиться

и ободритъ добрый народъ свой, писалъ изъ Коломны къ Митрополишу Московскому, чтобы онъ послалъ во Владиміръ за Образомъ Божіей Матери Пирогощей, привезеннымъ Андреемъ Боголюбскимъ изъ Вышегорода. Я говорила вамъ, милья дѣши, о томъ странномъ происшествіи, которое случилось съ Андреемъ въ то время, когда онъ подѣлжалъ съ этимъ Образомъ къ Владиміру. Многіе другіе случаи, и особенно побѣда Андрея надъ Болгарами, приписанная также помощи этого образа внушила предкамъ нашимъ глубокое уваженіе къ нему. Молитва предъ Святою Дѣвою, на немъ изображенною, успокоивала ихъ надеждою вѣрной помощи въ бѣдствіи. По этому вы можете судить, какъ обрадовались Москвитяне, когда услышали, что къ нимъ принесутъ чудотворный, Владимірскій образъ! Но за то Владимірцы горько плакали о немъ! Далеко по дорогѣ провожали они Святую Заслупницу свою. Между шѣмъ, въ Москвѣ все, съ восхи-

щеніемъ пригопоявлялось къ принятію Ея, и Мишрополишь, все духовенство, Князь Владиміръ Андреевичъ, семейство Великаго Князя, бояре и народъ встрѣтили Образъ за городомъ на *Кузковѣ* полѣ, гдѣ теперь монастырь *Срѣтенскій*. Увидѣвъ его издали, всѣ упали на колѣна и со слезами говорили: „Матерь Божія! спаси землю Рускую!“ но всѣ говоря это и проливая слезы, были спокойны: всѣ уже имѣли сладостное предчувствіе, что Господь не оставитъ надѣющихся на Него.

И это предчувствіе было справедливо! было такъ справедливо, что всѣ удивились и не знали какъ благодарить Бога за чудесное спасеніе свое! Представьте себѣ, милыя дѣши, что Тамерланъ уже шелъ по берегамъ Дона, разоряя всѣ селенія и города. Но всему примѣтно было, что онъ хотѣлъ идти къ Москвѣ, но вдругъ остановился, цѣлыя двѣ недѣли пробылъ на одномъ мѣсцѣ, и потомъ 26 Августа 1395 года—въ самый шотъ день и часъ, когда

жиители Москвы съ такою истинною вѣрою встрѣтили образъ Божіей Матери на Кучковѣ полѣ, поворошилъ къ югу и вышелъ изъ Руской земли! Это было удивительно, непонятно для ума человѣческаго, но легко и возможно для Бога всемогущаго! Великій Князь и все войско, радуясь избавленію опечесства оиъ самаго ужаснаго завоевателя, спѣшили возвратишься въ Москву и усердными молитвами передъ спасительнымъ Образомъ благодарили за чудесную помощь Божію! Великій Князь построилъ каменную церковь Пресвятой Богородицѣ и монастырь на полѣ Кучковѣ и установилъ съ того времени праздновать Срѣщеніе Богоматери въ день 26-го Августа.

Между тѣмъ Тамерланъ заставилъ несчастный городъ Азовъ, землю Черкесскую и Яскую, Аспраханъ и Сарай вытерпѣшь все то, что приготавлилъ Москвѣ: всѣ эти обласни были разорены и выжжены. Орда Капчакская, по-

слѣ нашествія его оспалась въ самомъ жалкомъ положеніи: при Хана присвоивали ее себѣ: Тохпамышъ, Кайричакъ и Тимуръ - Куплукъ.

ДВА ХИТРЫЕ ВРАГА.

Отъ 1395 до 1425 года.

(Пер. 30 лѣтъ.)

Богъ любитъ отечество наше, милыя дѣши! Вы вѣрно и сами видите это, читая исторію нашу. Сколько бѣдъ и несчастій оно переносило! И страшные завоеватели чужеземные, и соблаженные Князья Рускіе разоряли, жгли, опустошали его! Благородные, великодушные Государи его должны были преклонять колѣна предъ дикими варварами, должны были болѣе двухъ

сомъ лѣтъ безпрестанно дрожать за жизнь не только подданныхъ своихъ, но и за свою собственную! Кромѣ Ташаръ, этихъ ужасныхъ, безчеловѣчныхъ мучителей Россіи—сколько еще другихъ враговъ — желали погубить ее! Сначала Печенѣги и Половцы, потомъ Шведы, Датчане, Нѣмцы, Липовцы, Поляки, Венгры — всѣ въ свою очередь нападали на Рускихъ и испребляли ихъ. Посреди такихъ опасностей, что другое, кромѣ любви и помощи Божіей могло спасти ихъ? И какъ премудро посылалась имъ эта небесная помощь! Когда въ Ордѣ царствовалъ Ханъ, болѣе другихъ любившій войну и кровопролитіе, тогда и Россіи Богъ послалъ храбраго Князя, который умѣлъ проповѣдывать злому Ташарину; когда, напрошивъ того, Царь Ташарскій болѣе любилъ спокойную и веселую жизнь въ Сараѣ, и деньги, на которыя можно было покупать все, что веселило его, — тогда на Рускомъ престолѣ вѣрно былъ ще-

дрый и миролюбивый Князь, который радовался, что деньгами — а не кровью могъ покупать спокойствіе своихъ подданныхъ. Когда сосѣднею Липвою управлялъ злой, жестокій, жадный Ольгердъ, — тогда у насъ былъ умный неупрашимый, Димитрій Донскій. Когда Липовскимъ Княземъ сдѣлался храбрый и хитрый Вишовпъ, племянникъ Ольгерда, — тогда Великимъ Княземъ Московскимъ былъ не менѣе его хитрый сынъ Донскаго, Василій II. Больше двадцати лѣтъ продолжались ссоры этихъ двухъ Князей не смотря на то, что дочь Вишовпа, Софія, была замужемъ за Васиіемъ Димитріевичемъ. Оба они были примѣчательными людьми своего времени, и потому читатели мои вѣрно захотятъ узнать нѣсколько подробнѣе ихъ исторію.

Вишовпъ былъ одинъ изъ самыхъ жестокихъ и сильныхъ завоевателей. Король Ягайло, сдѣлавшись супругомъ прекрасной наслѣдницы Польскаго пре-

стола, Гедвиги, уже не думалъ о войнѣ, и не заботясь о Липовскомъ княжествѣ не выѣзжалъ никуда изъ Польской столицы своей Кракова. Вишовшъ, пользуясь шѣмъ, овладѣлъ Липвою а чрезъ нѣсколько времени и Волиніею.

Но все это казалось мало ненасытному: въ 1595 году онъ завладѣлъ Смоленскомъ, такъ что уже, кромѣ Липовскихъ земель, ему принадлежала вся старинная земля Вяшичей, т. е. нынѣшняя Орловская Губернія съ частію Калужской и Тульской; множество удѣльныхъ городовъ Князей Черниговскихъ; однимъ словомъ, Вишовшъ былъ Государемъ надъ всею южною Россіею и замышлялъ отнять у Василя Димитріевича и послѣднія, остававшіяся у него области, гдѣ сохранялась жизнь и будущее величіе Рускихъ. Сколько надобно было Василю имѣть мужества, благоразумія, осторожности и даже хитрости, чтобы не допустить злаго Вишовша исполнить его намѣреніе! Ему удалось

эпо совершенно, и Вишовитъ, видя швердоснъ Князя Рускаго, опказался опъ своихъ замысловъ и въ послѣдніе годы княженія Василія, жилъ уже въ мирѣ съ нимъ. Гордостъ его была очень много усмирена Ташарами. Чрезвычайная спраснъ повелѣвапъ другими и опнимапъ чужія владѣнія виушила ему однажды мысль побѣдишъ— прежде Сарайскаго Хана, Тимура - Куплука, а потомъ и покровителя его, самаго Тамерлана! Чшобы завести ссору съ Куплукомъ, онъ призывалъ къ себѣ изгнаннаго изъ Орды Хана Тохтамыша, и обѣщаль возвратишъ ему опять престоль Ташарскій. Тохтамышъ обрадовался такому счасшію: Князь Лишовскій, уже давно славился своею силою и храбростію, и на помощь его можно было надѣяшъся. Вотъ они опправились на Ташаръ. Вишовитъ приглашалъ въ эпошъ походъ и зяпня своего, Василія Димитріевича; но умный Великій Князь, видя изъ примѣра южной Россіи, что власпъ Лишовская еще

хуже для Рускихъ—Татарской, и зная, что послѣ побѣды надъ Татарами, уже все должно будетъ покориться Вишовту — умѣлъ отговориться отъ приглашенія теша и не далъ ему вспомога-тельного войска.

Гордый Вишовтъ оставилъ безъ вниманія отказать Василія: онъ надѣялся, что и безъ помощи Рускихъ справится съ Татарами, но ошибся. У Тимура - Куплука былъ — хопя смарый, но умный и храбрый Воевода *Эдигей*. Ему суждено было наказать дерзкаго Князя Липовскаго, который въ первомъ же сраженіи былъ такъ разбитъ Татарами, что едва могъ спасти прешью часть своего войска. Ханъ Тимуръ - Куплукъ гналъ его до самаго Днѣпра, взялъ съ Кіева 3000 рублей серебра Липовскаго, оставилъ въ этомъ городѣ своихъ Баскаковъ и разорилъ области Вишовта до самаго Луцка. Такъ всегда бывающъ наказаны гордые!

Старикъ Эдигей былъ памятникъ и для сѣверной Россіи: въ 1408 году онъ приходилъ разоряшь ее за позволеніе, данное Великимъ Княземъ сыновьямъ Тохтамыша, жить въ Россіи. Это нашествіе Татаръ было также ужасно какъ и прежнія. Всѣ мѣста отъ рѣки Дона до Бѣлаго озера и Коспромскаго Галича были разорены. Только Москва, благодаря храбрости Князя Владиміра Андреевича, спаслась. Впрочемъ этотъ походъ Эдигея не принесъ большой пользы Татарамъ: новые безпорядки въ Ордѣ заставили его скорѣе возвратиться туда, а Рускимъ дали возможность не слушать приказаній Хановъ. Хотѣли ли, милыя дѣши, прочесть письмо, которое старый Эдигей написалъ съ дороги къ Великому Князю? Оно очень любопытно, потому что покажетъ вамъ, какъ думали и писали тогда наши гордые повелители, и какъ уже мало повиновался имъ Рускій Великій Князь!

Вошь это замѣчательное письмо:

„Опъ Эдигея поклонъ къ Василю, послъ думы съ Царевичами и Князьями нашими. Великій Ханъ послалъ меня на тебя съ войскомъ, попому что слышали мы, что у тебя укрываются дѣпи Тохтамыша. Да еще слышали мы, что у тебя въ Московскомъ княжествѣ не право дѣлаешся: вы осмѣиваете и всячески припѣсняете не только купцевъ нашихъ, но даже и пословъ царскихъ. Такъ ли бывало прежде? Спроси у стариковъ: земля Руская была нашимъ вѣрнымъ Улусомъ, держала страхъ, плашила дань, почишала пословъ и гостей Ординскихъ. Ты не хочешь знать того, и что же дѣлаешь? Когда Тимуръ съль на царство, ты не видалъ его въ глаза, не присылалъ къ нему ни Князя, ни боярина. Прошло царство Тимурово: *Шадибекъ* восемь лѣтъ былъ Ханомъ, ты не былъ у него! Теперь царствуетъ *Булатъ* уже прешій годъ: ты, самый старшій Князь въ улусѣ Рускомъ, не являешься въ Ордѣ! Всѣ дѣла твои не добры. Были у васъ нравы и

дѣла добрые, когда жилъ бояринъ Федоръ Кошка и напоминалъ тебѣ о Ханскихъ благодѣліяхъ. Нынѣ ты думы старцевъ не слушаешь. Что же вышло? Разореніе твоему улусу! Хочешь ли княжить мирно? Призови на совѣтъ бояръ старѣйшихъ: *Илью Іоанновита, Петра Константиновича* и другихъ, согласныхъ съ ними въ доброй думѣ; пришли къ намъ одного изъ нихъ съ старинными оброками, какіе вы платили Царю Чанибеку, чѣмъ не погибло совсѣмъ твое царство. Все что ты писалъ къ Хану о бѣдѣ народа Рускаго несправедливо: мы теперь сами видѣли твоя улусъ, и узнали, что ты собираешь въ немъ по рублю съ двухъ сохъ? Куда же идешь серебро? Земля Христіанская осталась бы цѣла, когда бы ты исправно платилъ дань; а теперь, бѣгаешь какъ рабъ! . . . Размысли и научись!“ . . .

Но Василій Димитріевичъ не испугался этого грознаго письма, не исполнилъ ни приказаній, ни совѣтовъ

Эдигея, и вообще во все время своего тридцати-шести-лѣтняго княженія менѣе всѣхъ прежнихъ Великихъ Князей платилъ дань Татарамъ и менѣе всѣхъ признавалъ власнѣ ихъ надъ собою. Это примѣнно и изъ духовнаго завѣщанія его, въ которомъ онъ уже явно, не ожидая согласія Орды, объявляетъ наследникомъ Великаго Княжества, малолѣтняго сына своего, *Василія*. Боясь, чтобы честолюбивые братья его, по прежнему праву дядей, не лишили малютку престола, *Василій Димитріевичъ* поручилъ его покровительству сына своего, прежняго врага, но потомъ помиришагося съ нимъ - Государя *Липовскаго*. И здѣсь видѣнъ хитрый умъ *Василія*: такая лестная довѣренность не могла не внушить гордому *Витовшу* желанія оправдать ее предъ глазами свѣта. Если же бы въ головѣ *Липовскаго Князя* еще оставалась какая нибудь мысль о завладѣніи *Московскимъ Государствомъ*, то и на этомъ случай *Василій Димитріевичъ*

умѣлъ распорядиться: онъ далъ совѣту Великокняжескому, который соспоялъ изъ бояръ-пѣстуновъ маленькаго Государя, письменныя наспажденія, въ какой мѣрѣ должно принимать покровишельство Вишовша и до чего не допускашь его.

Въ княженіе Василія Димитріевича начали показываться въ Россіи разныя искусства: Москва славилась хорошими живописцами, которые прекрасно расписывали церкви; были также въ ней и липейные мастера, а въ 1404 году, одинъ монахъ, Лазарь, родомъ изъ Сербіи, успроилъ первые боевыя часы, которые поспавлены были на Великокняжескомъ Дворѣ, за церковью Благовѣщенія, и споили 150 рублей серебромъ. Народъ удивлялся эшимъ часамъ какъ чуду, и при каждомъ боѣ толпами сходилса смотрѣть и слушать ихъ.

У предковъ нашихъ при Василіи Димитріевичѣ были также и Рыцарь.

скія игры или карусели и турниры. Они называли это *игрушками*. На этихъ *игрушкахъ*, молодые люди иногда наносили смертельные раны другъ другу.

ТАБЛИЦА XXXV.

Семейство В. К. Василя II Димитріевича.

Супруга: Софія Вишовтовна, Великая
Княжна Липовская.

Сыновья: 1. Іоаннъ, умеръ въ дѣтствѣ.
2. Василій, наслѣдовалъ престолъ.

ССОРА НА СВАДЬБѢ ВЕЛИКАГО КНЯ- ЗЯ ВАСИЛІЯ ІІІ.

Опъ 1425 до 1433 года.

(Пер. 8 лѣтъ.)

27 Февраля 1425 года скончался Василій Димитріевичъ. Всѣ братья его, бывшіе въ Москвѣ, обѣщали ему почитать Государемъ своимъ десяти-лѣшняго сына его *Василія*. Одинъ только Юрій Димитріевичъ, Князь Звенигородскій, не давалъ этого обѣщанія, и какъ скоро узналъ о смерти брата, отправилъ посла съ угрозами въ Москву.

Но маленькій Князь не испугался дяди: у него была умная мать, былъ сильный опекунъ, дѣдъ его Вишовитъ Литовскій; были усердные совѣтники и пѣспуны, между копорыми самымъ искуснымъ, самымъ краснорѣчивымъ и самымъ хитрымъ былъ одинъ бояринъ *Иванъ Димитріевичъ*. Всѣ эти защитники малолѣтнаго Государя Рускаго, посоветовавшись между собою, отправили отъ имени его къ Юрію Димитріевичу, Митрополита Фотія.

Убѣжденія служителя Божія подействовали на Юрія: онъ согласился, хотя не совсѣмъ отказаться отъ Великаго Княжества, но по крайней мѣрѣ не искалъ его до тѣхъ поръ, пока Царь Татарскій рѣшитъ кому принадлежитъ оно.

Между тѣмъ какъ шли переговоры объ этомъ съ Ордою, Новгородскія обласки терпѣли много горя отъ жаждности къ завоеваніямъ Вишова, копорая не уменьшилась въ немъ и при глубокой сшарости. Ему давно хотѣ-

лось завладѣть сильнымъ Новгородомъ, котораго всѣ области были богаты и велики. Первое мѣсто между ними занималъ Псковъ, знаменитая родина Святой Ольги. Новгородцы были такъ довольны услугами Псковитянъ, всегда защищавшихъ ихъ отъ Ливонцевъ и Литовцевъ, что въ 1348 году сняли со Пскова верховную власть свою и назвали его братомъ Новгорода. Съ тѣхъ поръ Псковитяне имѣли во всемъ одинакія права съ Новгородцами, имѣли такое же Вече, какое было на Дворѣ Ярослава; но со временъ *Калиты* такое вече уже немного значило и въ Новгородѣ и во Псковѣ: Великіе Князья Московскіе не позволяли имъ имѣть особенныхъ Князей, и посылали къ нимъ только своихъ Намѣстниковъ. Новгородцы, привыкшіе всегда сами выбирать и по своей дерзкой волѣ смѣнять Князей своихъ, не любили Москвы и при каждомъ случаѣ показывали эту не-любовь. Витовтъ умѣлъ пользоваться этимъ ра-

сположеніемъ и спарался еще болѣе разжигать ссоры Новгорода съ Москвою, надѣясь, что эти ссоры, опни-мая мало по малу силы у обоихъ враговъ, помогутъ ему овладѣть первымъ. Такія намѣренія, вредныя для отече-ства нашего, вѣрно исполнились бы, если бы Вишовтъ былъ моложе или на-слѣдники его имѣли столько же ума и смрасти къ завоеваніямъ, какъ онъ! Но къ счастью Россіи, слава народа Литовскаго началась и кончилась съ Вишовтомъ. Онъ умеръ въ 1430 году и умеръ опъ досады! Вы удивляетесь этому, милья дѣти? Точно, опъ досады. Послушайте.

Вишовту очень хотѣлось назваться *Королемъ Литовскимъ*. Ягайло, Король Польскій и настоящій владѣтель Литвы, былъ согласенъ на это. Папа Римскій также. Но Паны или Вельможи Польскіе, не желая видѣть отдѣленія Польши опъ Литвы, тайно спарались передѣлать все это, а между

пѣмъ не мѣшали Вишовпу уже звать
госшей на свое коронованіе и гошо-
вишь для нихъ пышные праздники.
Госпи съѣхались. Это были: Князья
Рускіе и Польскіе, Ханы Ташарскіе,
Господарь Валахіи, Послы Императора
Греческаго, Ландмаршалъ Ливонскій,
Король Ягайло, Великій Князь Ва-
силій Васильевичъ, внукъ Вишовпа.
Молодаго Государя Рускаго провожалъ
Митрополишь Фотій. Историки того
времени говорятъ, что эдощъ порже-
швенный съѣздъ такого множесшва
знаменитыхъ Князей, представлялъ не-
обыкновенную, прекрасную картину!
Съдый, осмидесятилѣшній хозяинъ,
окруженный первыми вельможами
Литовскими, угощаль посѣщителей
своихъ такъ пышно, что во всей Ев-
ропѣ съ удивленіемъ рассказывали о его
праздникахъ. Вообразите себѣ, милыя
дѣши, что изъ погребовъ княжескихъ,
ошпускалось каждый день 700 бочекъ
меду, кромѣ вина и пива, а на кухню
привозили 700 быковъ, 1400 барановъ,

100 зубровъ, сполько же лосей и кабановъ! Около семи недѣль продолжались эти пиры въ Вильнѣ и Трокахъ. Витовтъ съ каждымъ днемъ ожидалъ, что прїѣдетъ Посоль Римскій короновать его, но вмѣсто короны, онъ привезъ опъ Папы отказъ на просьбы Князя Литовскаго! Гордый старикъ такъ огорчился эшимъ, что сдѣлался боленъ, распрощался съ госпьми, кошорые спѣшили разѣхаться и чрезъ нѣсколько дней скончался. Послѣ смерти его владѣлъ Литвою прежде двоюродный братъ его *Свидригайло*, попомъ родной *Сигизмундъ*, наконецъ сынъ Ягайла Польскаго, *Казимиръ*. Всѣ эти Государи уже совсѣмъ не походили на храбраго, неустрашимаго, хитраго Витовта.

Вѣрно Князь Юрій Димитріевичъ боялся этого спрашнаго опекуна молодого Великаго Князя: при жизни его, онъ не напоминалъ Василю Васильевичу объ условіи ихъ, проситъ суда Ханскаго, но потчасъ послѣ смерти Ви-

шовша, объявилъ ояпшь свои припязанія на преспюль Великокняжескій, и вошь дядя и племянникъ поѣхали въ Орду, къ Царю Махмету. При ошѣздѣ Великаго Князя изъ Москвы, народъ, въ первый разъ увидѣль слабый нравъ его: онъ боялся одной мысли ѣхать къ Татарамъ, и плакалъ не ошъ печали по мащери и опечесству, но ошъ спраха погибнушь въ Ордѣ, шакъ же какъ погибли шамъ многіе Князья Рускіе. Его ободрялъ и ушѣшалъ во время всей дороги бояринъ Иванъ Дмипріевичъ. Рѣдко кто умѣлъ шакъ краснорѣчиво говорить, какъ эшопъ хитрый совѣщникъ Великаго Князя! Къ тому же у него была прекрасная дочка, которую ему очень хотѣлось видѣшь Великою Княгинею. Онъ уже нѣсколько разъ намѣкалъ объ эшомъ своему воспитаннику, и молодой Василій Васильевичъ не опговаривался: гордому Ивану Дмипріевичу казалось даже, что Великій Князь съ удовольствіемъ слушаешъ объ о предложеніи, что онъ

уже согласенъ назвасть прекрасную дочь его своею невѣстою: мы, обыкновенно, охотно вѣримъ тому, чего желаемъ! Воишь Иванъ Дмитриевичъ съ новымъ жаромъ принимается за дѣло будущаго зятя своего; ласковыми словами и богатыми подарками склоняетъ всѣхъ вельможъ Ханскихъ въ пользу молодого Князя, и наконецъ съ полною надеждою на успѣхъ, является съ нимъ въ назначенный день суда къ Хану Махмету. Ханъ уже зналъ, что Василій доказывалъ свое право на престоль новымъ закономъ Государей Московскихъ, по кошорому сынъ послѣ отца, а не братъ послѣ брата, былъ наследникомъ. Дядя же его находилъ этотъ законъ несправедливымъ и хотѣлъ бытъ Великимъ Княземъ по прежнему установленію. Когда Князь Юрій кончилъ жаркую рѣчь свою,—бояринъ Иванъ Дмитриевичъ, сдѣлавъ низкій поклонъ, спалъ передъ Махметомъ и сказалъ: „Царь верховный! Позволь мнѣ, смиренному холопу, говорить за моего молодого

Князя. Юрій ищетъ Великаго Княжества по стариннымъ грамотамъ Рускимъ, а Государь нашъ, по твоей милости, зная что оно въ твоей волѣ: отдашь его, кому хочешь. Одинъ пребуешь, другой просишь. Что значашъ всѣ грамоты прошивъ воли твоей? Шестъ лѣтъ уже Василій Васильевичъ на престолѣ: ты не свергнулъ его, спало бытъ самъ признавалъ Государемъ законнымъ.,, Эша льстивая, хитрая рѣчь такъ понравилась Хану, что онъ шутъ же обнялъ молодаго Василія, поздравилъ его Великимъ Княземъ и приказалъ Юрію *вести подбѣнилъ коня*: это Азіятское обыкновеніе означало власть верховнаго Государя надъ княземъ, зависящимъ отъ него. Но Василій Васильевичъ не допустилъ дядю до такого униженія, и возвращаясь въ опечесство, они, казалось, уже забыли свои несогласія и жили спокойно, каждый въ своемъ владѣніи, какъ вдругъ совсѣмъ неожиданно вспыхнула

между ними новая, кровопролитная ссора, и вошь по какой причинѣ.

Бояринъ Иванъ Дмитріевичъ пріѣхавъ изъ Орды, съ нешерпѣніемъ ожидалъ, когда Великій Князь, такъ много обязанный ему — назначить день свадьбы своей съ его дочерью. Но къ удивленію его, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ заговорили о свадьбѣ Государя, и невѣстою объявили — не дочь Ивана Дмитріевича, а Княжну Марію Ярославовну, внуку знаменишаго и такъ много любимаго народомъ Князя Владимира Андреевича Храбраго! Вы не можете представить себѣ, милые чашапели мои, какъ разсердился за это гордый Иванъ Дмитріевичъ! Онъ поклялся опмстити за эту обиду Великому Князю, и пошчасъ же, не дожидаясь окончанія свадьбы, уѣхалъ въ Коспромскій Галичъ, къ дядѣ его, Юрію Дмитріевичу и предложилъ ему услуги свои — погубить Василія.

Между пѣмъ какъ эти два жестокие врага Великаго Князя выдумывали

средства опмспить за себя, новая ссора въ Москвѣ доставила имъ еще двухъ усердныхъ помощниковъ.

Два сына Юрія Димитріевича, Василій *Косой* и Димитрій *Шеляка* остались въ Москвѣ пировать на свадьбѣ молодого Государя и двоюродного брата своего. *Косой* былъ въ это время сговоренъ на внучкѣ Боярина Ивана Димитріевича. Дѣдушка невесты, въ день сговора подарилъ жениху золотой поясъ съ цѣпями, осыпанный драгоценными камешьями. Зная богатство Ивана Димитріевича *Косой* не любопытствовалъ спросить откуда достался ему этотъ прекрасный поясъ, но только любовался его чудесною опдѣлкой, блескомъ изумрудовъ и рубиновъ, красою искусно сдѣланныхъ цѣпочекъ. Неперпѣливо хотѣлось ему обновить дорогой подарокъ на какомъ нибудь праздникѣ, и скоро случай представился. 8 Февраля 1433 года назначена была свадьба Великаго Князя. Весело отправился во дворецъ Василій

Юрьевичъ въ золотомъ своемъ поясѣ и уже заранѣе восхищался какъ онъ удивилъ всѣхъ госней богатымъ нарядомъ своимъ. Онъ почто удивилъ, но за то и самъ удивленъ былъ! Когда уже молодые прѣхали изъ церкви и всѣ госпи сидѣли съ ними за пышнымъ столомъ, одинъ изъ бояръ Ростовскихъ, началъ всмаприваться въ драгоцѣнный поясъ *Косаго* и какъ будто бы припоминалъ себѣ что-то знакомое. Наконецъ оборотясь къ мащери Великаго Князя, Княгинѣ Софіи, бояринъ тихо сказалъ ей: “Государыня! видишь пы поясъ на Князѣ Васильѣ Юрьевичѣ: онъ не простой, но изъ кладовыхъ Великокняжескихъ. Эшопъ поясъ подаренъ Княземъ Димитріемъ Константиновичемъ Суздальскимъ зяпю его, нашему незабвенному Государю, Димитрію Донскому. Въ день свадьбы его онъ затерялся: говорили, что будто бы одинъ изъ самыхъ близкихъ къ Великому Князю бояръ подмѣнилъ его, но до сихъ поръ неизвѣстно было, кто

именно. Я удивляюсь, какъ могъ эпошь драгоцѣнный для всѣхъ насъ поясъ, попасть къ молодому Василю Юрьевичу! — Пылкая, гордая Софія, имѣвшая причину не любить семейства Юрія Дмитріевича, обрадовалась и дорогой находкѣ, и случаю сдѣлать непріятность сыну врага своего. Поспѣшно подошла она къ Василю Юрьевичу, надменно спросила, гдѣ взялъ онъ богатый поясъ свой и не дождавшись отвѣта, собственными руками сорвала его! Удивленіе и гнѣвъ молодаго Князя были неописаны! Не имѣя понятія о томъ, что поясъ достался боярину Ивану Дмитріевичу почасти потому что былъ подмѣненъ однимъ изъ предковъ его, — Василій Юрьевичъ видѣлъ въ немъ только подарокъ дѣда невѣсны своей и не хотѣлъ лишиться его. Братъ его, Дмитрій *Шеляка*, держалъ его спорону, но спорить было нельзя: поясъ былъ уже въ рукахъ Софіи Витовновны, которая приказывала молчать сыновьямъ Юрія! . . .

Кровь кипѣла въ молодыхъ Князь-яхъ опъ такой жестокой обиды: въ бѣшенствѣ выбѣжали они оба изъ дворца и въ топъ же часъ отпра-вились въ Галичъ, къ опцу. Тамъ давно ожидали ихъ два спарика, ненавидѣв-шіе Великаго Князя. Расказъ о новой обидѣ еще болѣе увеличилъ ихъ злобу, и вы пожалѣете, милья дѣши, сколько новыхъ несчастій вытерпѣли предки наши за свадьбу Государя своего съ княжною Маріею Ярославовною и за поясъ Василя *Косаго!*...

ДИМИТРІЙ ШЕМЯКА.

Отъ 1433 до 1446 года.

(Пер. Із лѣтъ.)

Изъ всѣхъ враговъ, копорыхъ доспавиль Великому Князю день его свадьбы, — самымъ жестокимъ былъ *Димитрій Шемяка*. Ни дядя Юрій, ни сынъ его Василій Косой, ни даже мспипельный бояринъ Иванъ Дмишріевичъ не причинили сполько зла Великому Князю, какъ эпошь двоюродный братъ его! Правду сказашь, что и онъ самъ не всегда былъ справедливъ и очень часшо заслуживалъ пѣ несчастія, какія

першѣль. Особливо, Шемяка, былъ кажешся назначень Богомъ на шо, что бы показать Великому Князю, что еще и въ здѣшнемъ мѣрѣ зло бываешъ наказано. Прочитайше млыя дѣши, расказъ о кровопротпныхъ ссорахъ ихъ, и не забудьте никогда того сильнаго доказательства правосудія Божія, которое вы найдете въ немъ.

Свадебные праздники Василія Васильевича были кажешся послѣдними прѣлшными днями для этого несчастнаго Государя: не прошло мѣсяца послѣ нихъ, какъ уже Юрій Димитриевичъ съ сыновьями своими изгналъ его изъ Москвы, и изъ милости давъ ему въ удѣль городъ Коломну, объявилъ себя Великимъ Княземъ. Правда, княженіе его продолжалось только нѣскольکو мѣсяцевъ и Василій ояншъ возвратился въ Москву, но Юрій могъ бы сдѣлаться для него опаснымъ, если бы вскорѣ потомъ не умеръ. Однакожь, съ нимъ не умерли всѣ враги Василія, и сыновья его: *Косой* и *Шемяка*, имѣли почно

такія же честолюбивыя намѣренія какъ и опецъ ихъ. Косой, какъ старшій, объявилъ первый — право свое на престолъ Великокняжескій, и нанявъ Вяпчанъ, уже пошелъ съ ними къ Москвѣ; но Великій Князь съ вѣрными Москвитянами, чрезвычайно любившими его, побѣдилъ гордаго брата своего, и тогда уже обезславилъ себя ужаснымъ злодѣйствомъ, напомнившимъ Россіи XII вѣкъ и несчастнаго Василька Роспиславича: онъ приказалъ ослѣпить Василія *Косаго*! Такой жестокой поступокъ уменьшилъ любовь Рускихъ къ Великому Князю и извинилъ нѣсколько все зло, какимъ въ послѣдствіи опмстилъ ему Шемяка за несчастіе брата! сначала эшогъ хитрый Князь не показывалъ Василію ненависти своей, и даже вмѣстѣ съ нимъ называлъ врагомъ опечесства бѣднаго слѣпца; но это все было только для того, чтобы получить во владѣніе свое тѣ богатыя удѣлы, копорыми Великій Князь хотѣлъ вознаградишь ему несчастіе *Косаго*. Какъ

скоро новыя области были ему опда- ны, онъ началъ думать о мщеніи, и не долго искалъ къ тому случая: въ Россіи, окруженной со всѣхъ споронъ врагами, такіе случаи были не рѣдки.

Въ 1437 году Ханъ Тапарскій *Махметъ* былъ изгнанъ изъ Орды брапомъ своимъ *Китиломъ*. Сдѣлавъ въ царствованіе свое много добра для Василія Василіевича, онъ надѣялся жить спокойно въ опечествѣ нашемъ и пріѣхалъ въ одинъ изъ городовъ Рускихъ. Но Василій не помнилъ благодарній и узнавъ о пріѣздѣ Махмета тотчасъ приказалъ ему удалиться изъ предѣловъ Россіи. Ханъ, обиженный такою неблагодарностію и привыкшій видѣть въ Великомъ Князѣ своего данника, не хотѣлъ послушаться его, имѣя у себя 3000 воиновъ. Василій послалъ на него войско подѣ начальствомъ Шемяки. Заранѣе радовался Шемяка пріятному случаю досадить брату: всѣ селенія, мимо копорыхъ проходилъ онъ, были разграблены, а у стѣнъ того маленькаго городка, гдѣ

жилъ Махметъ,—Русское войско вмѣстѣ съ начальникомъ своимъ пришло въ такой спрхъ, что почти не начиная сраженія пустилось бѣжать назадъ! Тапары удивились и поскакавъ за бѣглецами, почти всѣхъ ихъ изрубили!

Злой умыселъ Шемяки въ этомъ дѣлѣ былъ явный, но совѣсть все еще мучила Великаго Князя за ослѣпленіе Косаго,—и не смѣя наказывать брата его, онъ оставилъ его спокойно княжить въ удѣлахъ ему данныхъ.

Между тѣмъ Ханъ Махметъ, зная что ему не лзя долго жить въ Россіи, и спорить съ Василиемъ, пошелъ чрезъ Мордовскую землю въ Болгарію, къ тому мѣсту, гдѣ была Казань, разоренная Рускими въ 1399 году. Это прекрасное, изобильное мѣсто, любимое Тапарами Батя, понравилось и потомкамъ ихъ, и изгнанный Ханъ Капчакскій сдѣлался возобновителемъ знаменитаго царства Казанскаго, которое потомъ около ста лѣтъ было страшно для Рускихъ. Слухъ о ласковости и добродушіи Мах-

мета, о выгодахъ, какія доставлялъ онъ всѣмъ желавшимъ поселиться въ Казани, привлекалъ къ нему новыхъ жителей со всѣхъ сторонъ. Кромѣ Болгаръ, Черемисовъ, Татаръ, къ нему прїѣзжали цѣлыя семейства изъ Золотой Орды, изъ Аспрахани, Азова, такъ что Казань чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ наполнилась людьми. Чрезъ годъ Махметъ ходилъ уже грабить Московское княжество, а въ 1445 году испорикъ наши уже говорятъ о наступающемъ нашествіи на Россію, того же Царя Казанскаго. Онъ взялъ Нижній-Новгородъ, а двухъ сыновей своихъ *Малутека* и *Ягуба* послалъ къ Суздалью. Это нападеніе было такъ неожиданно, что Великій Князь не успѣлъ собрать всѣхъ своихъ защитниковъ, а Шемяка опять обманулъ его: не поѣхалъ самъ къ нему на помощь, и не прислалъ обѣщаннаго войска.

Этотъ обманъ дорого стоилъ Великому Князю: имѣя только 1500 воиновъ, онъ не только былъ разбитъ

Татарами при Суздаль, но даже и взявъ въ плѣнъ съ прострѣленною рукою, съ принадацатью ранами на головѣ и безъ нѣсколькихъ ошсѣченныхъ пальцевъ!

Какъ радовался Шемяка несчастію Василія, особливо когда Махмепъ прислалъ къ нему своего Мурзу или вельможу Бегича съ дружескими предложеніями! Онъ уже не сомнѣвался, что добьется себѣ у Махмета преспола Великокняжескаго, а Василію вѣчной неволи, какъ вдругъ все перемѣнилось: въ то время, какъ Казанскій Царь праздновалъ въ нижнемъ Новгородѣ побѣды свои, — какой-то Татарскій Князь овладѣлъ Казанью. Махмепъ, желая скорѣе возвратиться въ столицу свою, не спалъ дожидаясь возвращенія посла своего къ Шемякѣ, и ласково оппустилъ Великаго Князя въ Москву, взявъ съ него только выкупъ.

Неожиданное возвращеніе восхитило радостію печальное семейство Василія Васильевича и весь народъ его;

но въ тоже время встревожило новою досадою сердце Димитрія. Съ этой минуты онъ оныпъ поклялся погубить врага своего, и уже рѣшился не ожидать случая опъ времени, но измѣною и заговоромъ кончить дѣло скорѣе.

Для этого ему нужны были помощники, и какъ дурныхъ людей вездѣ много, то онъ скоро нашель ихъ. Главнымъ изъ нихъ—кромѣ многихъ бояръ, купцевъ, дворянъ и даже монаховъ—быль двоюродный братъ Василія и Димитрія Шемяки: Князь *Гоаннъ Андреевичъ Можайскій*. Заговорщики условились овладѣть нечаянно столицею и схватить Великаго Князя.

Они выбрали то время, когда Василій поѣхаль въ Троицкій монастырь благодарить Бога и Св. Сергія, за избавленіе свое изъ плѣна. Это было въ 1446 году. 12 Февраля ночью злодѣи вошли въ Кремль и безъ пруда овладѣли этою крѣпостію, гдѣ всѣ спали, а потомъ и всею Москвою. Въ ту же ночь Шемяка отправилъ въ Троицкій

монаштырь вѣрнаго друга своего Іоанна Можайскаго, схватишь тамъ Великаго Князя. Несчастный Государь, во все не ожидая жестокой судьбы своей, усердно молился въ церкви въ ту самую минушу, какъ злодѣи вошли и взяли его предъ самою гробницею Св. Сергія! Безъ всякой жалости они бросили бѣднаго Князя въ голые сани и привезли въ Москву, прямо на дворъ къ Шемякѣ. Напрасно умолялъ онъ опуститъ его, обѣщая поспричься въ монахи, напрасно плакалъ передъ врагомъ своимъ: Шемяка былъ неумолимъ, и чтобы заславить Василія испытать всѣ тѣ страданія, какія терпѣлъ отъ него Василій Косой, — приказалъ ослѣпить его, и потомъ сослалъ въ Угличь.

Тогда же онъ объявилъ себя Великимъ Княземъ, и во время непродолжительнаго правленія своего показалъ столько безсмысленности, столько несправедливости, столько неуваженія къ прежнимъ законамъ нашимъ, что съ

тѣхъ поръ появилась въ народѣ пословица *о судѣ Шемякинѣ*. И теперь еще, всякое несправедливое и безполковое разбирашество какой нибудь ссоры или дѣла называютъ иногда *судомъ Шемякинымъ*.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ КНЯЖЕНІЯ

ВАСИЛІЯ ТЕМНАГО.

Опть 1446 до 1462 года.

(Пер. 16 лѣтъ.)

Василія III-го со времени ослѣпленія называли *Темнымъ* или *Слѣпымъ*. Это несчастіе одно изъ самыхъ горестныхъ для человека — было полезно для него. Оно заставило его раскаяться въ прежнихъ несправедливыхъ поступкахъ, примирило совѣснь его съ Богомъ, сдѣлало его опять столько же любимымъ, какъ былъ онъ любимъ всѣми до ослѣпленія Василія Косаго.

Не прошло года,—и эта общая любовь народа возвратила ему престолъ Великокняжескій. Съ христіанскою кротостію онъ просилъ Шемяку, взявъ съ него шоржеспвенную клятву при Епископахъ, никогда не думать о Великомъ Княжествѣ.

Но для злаго чловѣка, который не боится Бога, клятва не много значить: въ 1450 году, Шемяка уже опять пришелъ съ войскомъ на Великаго Князя, и 27 Января было у нихъ жестокое сраженіе у Галича, особенно примѣчательное тѣмъ, что оно было *последнее* въ междоусобныхъ ссорахъ Князей: величіе Россіи уже близко, милья дѣти, и несчастное несогласіе Удѣльныхъ Князей скоро утихнутъ подъ хранительнымъ могущесвомъ одного Государя. Шемяка былъ совершенно разбитъ Москвитянами, и потерявъ наслѣдственный удѣль свой, Галичь, убѣжалъ въ Устюгъ, — городъ и теперь существующій въ Вологодской губерніи.

Болѣе двухъ лѣтъ Василій Темный не превожилъ эпого мятежника въ Уснюгъ; наконецъ въ 1455 году, собравъ войско, пошелъ наказать его. Еще разъ побѣжденный Шемяка убѣжалъ въ Новгородъ и тамъ умеръ опъ яда. Неизвѣстно кто оправилъ его, но эта смерть обрадовала многихъ, въ томъ числѣ и Великаго Князя.

Избавясь опъ врага, котораго жестокость двадцать лѣтъ превожила опечество наше, Василій Темный спокойнѣе принялся за дѣла государспвенныя. Въ 1456 году онъ усмирилъ Новгородцевъ, такъ какъ еще ни одинъ изъ Князей не усмирялъ ихъ. Въ 1459—покорилъ Вяшку, которая, хопя и принадлежала къ области Костромскаго Галича, присоединеннаго къ Московскому Княжеству еще при жизни Шемяки—долго не хотѣла повиноваться Василію.

Въ послѣдніе годы жизни своей, Великій Князь почти не плашилъ никакой дани Татарамъ и счастливо по-

бѣждалъ ихъ, когда они приходили иногда разорять наши обласпи. Приемъ сдѣлалась извѣстна еще новая Орда, составленная старымъ Эдигеемъ изъ Черноморскихъ Тапаръ. Она называлась *Крымскою*, и находилась на томъ самомъ полуостровѣ Крымѣ, который вѣрно извѣстенъ всѣмъ маленькимъ чиншапелямъ моимъ, имѣющимъ понятіе о Географіи Россіи. Эдигей, не задолго до смерти, оставляя эту Орду сыновьямъ своимъ, просилъ ихъ не дѣлиться и жить въ дружбѣ между собою, но они не послушали его, раздѣлились и всѣ погибли! Тогда Крымскіе Тапары выбрали себѣ въ Ханы молодаго *Ази*, потомка Чингис-ханова, спасеннаго опъ смерти и воспитаннаго какимъ-то земледѣльцемъ *Гиреемъ*. Изъ благодарности къ своему благодѣтелю, молодой Ази принялъ и его имя, и назвался *Ази-Гиреемъ*. Съ того времени всѣ Ханы Крымскіе всегда назывались Гиреями. Эта новая Орда прише-

лей нашего опечества долго будетъ тревожить его!

17 Марта 1462 года скончался *Василій Телный*, несправедливо названный историками *первыиѣ Самодержцелѣ Рускииѣ* со временъ Владиміра Мономаха. Слабость и малодушіе этого Князя, примѣпныя во многихъ случаяхъ, никакъ не даюпъ ему права на это лестное названіе пѣмъ болѣе, что онъ не заботился и о томъ, чтобы соединить всѣ Княжества Рускія подъ власпъ одного Государя, и умирая не оставилъ всѣхъ владѣній своихъ старшему сыну и наслѣднику своему Іоанну, но далъ также удѣлы и другимъ сыновьямъ.

Въ княженіе его примѣпна была особенная жестокоспъ нравовъ у предковъ нашихъ. Два Князя были ослѣплены, одинъ оправленъ ядомъ; одного боярина вмѣстѣ съ женою сожгли на кострѣ за мнимое волшебство; даже законное наказаніе преступниковъ — было новое, очень жестокое: не поль-

ко простыхъ но даже и знаменитыхъ людей, сдѣлавшихъ большія преступленія, били на шорговой площади кнутомъ.

Въ тошъ годъ, когда скончался *Темный*, Греческая Имперія была завоевана Османскими Турками, копорые и теперь еще владѣють ею. Это несчастіе знаменитаго государства записано было на память и нашими историками, пошому что Рускіе, со времени принятія вѣры христіанской, привыкли почитать Грецію какъ будто бы вторымъ опечесствомъ своимъ; привыкли любить Грековъ и принимаютъ участіе во всемъ, что касалось до нихъ. Въ то время, у насъ говорили о Константинополѣ точно также какъ теперь говорятъ о Парижѣ или Лондонѣ. Строеніе церквей, домовъ, даже обычаи и нравы — все перенимали мы у Грековъ. Это пристрастіе къ нимъ, спасло насъ отъ несчастія слишкомъ сблизиться съ нашими жестокими врагами, Тапшарами. Были примѣры въ исторіяхъ раз-

ныхъ государствъ, что побѣжденные народы, принимая обычаи своихъ побѣдителей, смѣшивались съ ними такъ, что въ послѣдствіи составляли одинъ народъ, но мы избавились отъ этого униженія и должны благодарить за то Грековъ. Обычаи Татаръ, которые были прежде идолопоклонниками, потомъ Магометанами, были такъ непріятны для предковъ нашихъ, что они называли ихъ *погаными*, и отъ того болѣе и болѣе любили все то, что было *Греческое*. Съ другими государствами Европы мы не имѣли еще никакого сообщенія, кромѣ торговли Новгородцевъ съ Нѣмецкими городами.

Таблица XXXVI.

Семейство В. К. Василя III Васильевича *Темнаго*.

Супруга: *Марія* Ярославовна, внука Князя *Владимира Андреевича*.

- Сыновья :
1. *Юрій* умеръ въ дѣтствѣ.
 2. *Іоаннъ*.
 3. *Юрій*.
 4. *Андрей старшій*.
 5. *Симеонъ*, умеръ въ дѣтствѣ.
 6. *Андрей младшій*.
 7. *Димитрій*, умеръ въ дѣтствѣ.
 8. *Борисъ*.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ІОАННЪ ІІІ

И

ГРЕЧЕСКАЯ ЦАРЕВНА СОФІЯ.

Опть 1462 до 1472 года.

(Пер. 10 лѣтъ.)

Наконецъ мы дошли до самаго знаменитаго изъ старинныхъ Государей нашихъ, до Великаго Князя Іоанна ІІІ. Онъ освободилъ насъ опть жестокой власши Ташаръ; онъ возвратилъ опечеству нашему — прежнюю славу его; наконецъ онъ исполнилъ великую мысль единовластія, ш. е. покоренія всѣхъ

областей Удѣльныхъ подѣ власть одного Государя. Нѣкоторые изъ прежнихъ Князей имѣли также эту мысль, но не имѣли возможности исполнить ее, Иоанну III-му удалось это, — и наша благодарность къ нему должна быть очень, очень велика. Онъ такъ много сдѣлалъ хорошаго, умнаго, славнаго во время сорока - прех-лѣпняго княженія своего, что вы, милыя дѣши, вѣрно съ удовольствіемъ будете чинать рассказы о великихъ дѣлахъ его.

Сдѣлавшись на двадцать второмъ году Великимъ Княземъ, наследникомъ отца своего, *Василія Темнаго*, Иоаннъ при самомъ вступленіи на престолъ, уже показывалъ необыкновенную твердость, умъ, осторожность въ дѣлахъ Государственныхъ. Въ 1464 году было первое, знаменитое дѣло его: онъ усмирилъ гордаго Царя Казанскаго *Ибрагима* и окруживъ войскомъ Казань, принудилъ его заключить миръ на всей волѣ Государя Московскаго.

Въ 1470 году началась и два года продолжалась война съ Новгородомъ, котораго безпокойные жители все еще искали случая освободиться отъ власти Великихъ Князей. Здѣсь вы увидите, милья дѣти, явленіе, дополь неслыханное у насъ на Руси! Женщина вздумала сдѣлать возмущеніе, вздумала быть защитницею своей родины, Новгорода, и устроить судьбу его. Эта безразсудная женщина была пылкая гордая, честлюбивая *Марѳа*, жена бывшаго посадника *Исаака Борецкаго* и мать двухъ взрослыхъ сыновей. Домъ ея былъ самый богатый и великолѣпный въ Новгородѣ; всѣ уважали ее, какъ вдову знаменишаго посадника, даже самъ Великій Князь, въ знакъ особенной милости пожаловалъ старшему сыну ея важный чинъ боярина Московскаго; но всего этого было недовольно для надменной души ея: ей хотѣлось управлять всѣмъ Новгородомъ, и какъ это было невозможно подъ власпію Государя Московскаго, то она начала

увѣряють всѣхъ Новгородцевъ, что они напрасно считаютъ себя подданными Князей Московскихъ, что Новгородъ самъ себѣ Господинъ, что жители его вольные люди, что имъ нуженъ только покровитель, и что этимъ покровителемъ надобно выбрать не Иоанна, но Казимира, Короля Польскаго и Князя Липовскаго. Хитрая Марѳа хотѣла въ это время выйти за мужъ за какого-то вельможу Липовскаго, и вмѣстѣ съ нимъ подъ именемъ Казимира управлять своимъ опечесствомъ. Однакожъ, благодаря Бога, — вредныя для Россіи намѣренія этой честолюбивой женщины не исполнились, и хотѣя послы ея уже отправилась къ Казимиру, но Великій Князь еще до возвращенія ихъ успѣлъ прійти съ войскомъ къ Новгороду и усмирить Марѳу и всѣхъ друзей ея, измѣнившихъ Россіи и преданныхъ Литвѣ. Главные измѣнники, въ томъ числѣ и старшій сынъ Марѳы, были казнены. Съ нею же Иоаннъ поступилъ со всею снисходительностію

Государя великодушнаго : оставилъ ее какъ слабую женщину—безъ наказанія. Прочіе Новгородцы внесли за вину свою 15,500 рублей или около 80 пудъ серебра и благодаря милость Іоанна , еще остались съ своими прежними законами, съ своими правами, съ нѣкопорою свободою : Великій Князь , защищая владѣнія свои, по опъ Хана Ахмата , по опъ Польскаго и Липовскаго Короля Казимира , еще не могъ имѣть столько силъ и войска, чтобы совершенно уничтожить вольность Новгородскую и благоразумно опложилъ это трудное дѣло еще на нѣсколько времени.

Въ 1472 году случилось съ Іоанномъ происшествіе , которое заставило всѣ государства Европейскія съ любопытствамъ посмотреть на неизвѣстную имъ и опдаленную Россію. Это происшествіе было: свадьба Великаго Князя, и надобно сказать правду, что не сколько женихъ , какъ невеста дѣлала эту свадьбу примѣчательною для Ев-

ропы. Это и не удивительно. Тогда Россія была не то что она теперь. Теперь Царицу Рускую называютъ *Царицею полсвѣта*, но тогда супругъ ея былъ еще подданнымъ Татаръ! Это отдавало чужеземныхъ Принцевъ опъ родства съ Князьями Рускими и заставляло Государей нашихъ жениться на Княжнахъ удѣльныхъ Княжеспвѣ, а потомъ на своихъ подданныхъ; такое обыкновеніе продолжалось даже до времени Петра Великаго.

Но для Иоанна III-го, въ судьбѣ котораго примѣтно было съ самыхъ молодыхъ лѣтъ какое-то необыкновенное величіе—назначено было и въ этомъ случаѣ нѣчто особенное. Вскорѣ послѣ кончины первой супруги его, Княжны Тверской Маріи Борисовны, Папа Павелъ II-й предложилъ ему чрезъ посла своего, какого-то Грека, руку Греческой Царевны Софіи, дочери Ромы Палеолога, брата послѣдняго Императора, при которомъ завоевана была Греція Турецкимъ Султаномъ Магомешомъ II.

Послѣ разоренія опечества, несчастное семейство Царей Греческихъ жило въ Римѣ, гдѣ пользовалось всеобщимъ уваженіемъ и покровительствомъ Папы. Папа имѣлъ особенную причину благодарствовать этому знаменитому семейству: боясь чшобы жестокость и ужасная сила Магомета II-го не разорила и его владѣній, онъ полагалъ, что будущій супругъ Царевны Софіи, получивъ вмѣстѣ съ рукою ея право на престолъ Константинопольскій, захочетъ освободить Грецію отъ власти Турокъ и пѣмъ избавитъ Италію отъ страшныхъ сосѣдей.

Эта причина заставляла Папу искать жениха для Царевны между знаменитыми Государями Европейскими, и онъ выбралъ Іоанна, самаго близкаго къ Грекамъ по закону. Въроятно послы Польскіе и Липовскіе и духовенство Греческое, жившее послѣ разоренія Имперіи въ Римѣ, рассказывали Папѣ о той славѣ, какую обѣщали Россіи

великія достоинства молодаго Государя ея.

Іоаннъ обрадовался предложенной ему чести и вмѣстѣ съ своею матерью, Духовенствомъ, боярами и всѣмъ народомъ думалъ, что знаменитая невѣста, послѣдняя опрасль Императоровъ Греческихъ, имѣвшихъ одну вѣру съ Рускими—послана ему отъ самаго Бога. Прекрасный портретъ, гдѣ предсавлено было умное и привлекательное лице молодой Царевны, еще болѣе увеличилъ радость и благодарность Іоанна къ Папѣ.

17 Января 1472 года отправлены были послы за невѣстою. Съ большими почестями приняли ихъ въ Римѣ и 1-го Іюня Царевна, въ церкви Св. Петра была обручена Государю *Бѣлой Россіи* *), котораго лице предсавлялъ главный посолъ его.

*) Іоаннъ III, началъ первый называть Государство свое *Бѣлою Русью*. Слово *бѣлая* по смыслу языковъ Восточныхъ значитъ *великая*.

Папа далъ за Царевною богатое приданое и отправилъ съ нею въ Россію Легата, ш. е. посла своего, которому поручено было охранять ее во время дороги. 24 Іюня она выѣхала со всѣмъ Дворомъ своимъ изъ Рима и 1-го Сентября пріѣхала въ Любекъ, а потомъ на корабль въ Ревель. Здѣсь богато угощали ее Ливонскіе Рыцари; въ Дерптѣ же вспрѣшилъ ее посолъ Московскій съ поздравленіями отъ имени Государя и всей Россіи.

Первая Руская область, въ которую надобно было въѣхать Царевнѣ, была—Псковская. О! милыя дѣти, еслибъ вы знали какая суматоха происходила тогда въ этой области! Всякой только о томъ и думалъ, какъ бы показать свое усердіе къ будущей Государынѣ! Правители городовъ приготавливали для нее подарки, споловые запасы, медъ и вина. Вы знаете, что предки наши были очень гостепріимны и любили угощать, и потому не удивляйтесь, что они прежде всего позабоши-

лись о вкусныхъ кушаньяхъ и напипкахъ для Царевны. Потомъ они украсили разноцвѣтными флагами и лентами всѣ суда и лодки свои: вѣдь имъ надобно было встрѣнить Софію и потомъ везти Ее на судахъ по Чудскому озеру, потому что шупъ начинались границы Рускихъ владѣній. Съ восхищеніемъ дождались они наконецъ этой встрѣчи и показали сполько усердія и любви, что Царевна была пронута до слезъ. Съ удовольствіемъ провела Она пять дней во Псковѣ и уѣзжая ласково сказала жителямъ: „Спѣшу къ моему и вашему Государю, благодарю бояръ и весь Великій-Псковъ за угощеніе и рада при всякомъ случаѣ просить за васъ въ Москвѣ., Псковитяне, прощаясь съ Софіею поднесли Ей въ подарокъ *пятьдесятъ*, а послу Іоаннову — *десять* рублей деньгами.

Съ такою же радостію встрѣчали Царевну и по всѣмъ другимъ обласпаньямъ. Наконецъ 12 Ноябри рано по утру она

въѣхала въ Москву. Митрополитъ ожидалъ Ее въ церкви. Получивъ благословеніе его, Она пошла къ матери Іоанна и тамъ въ первый разъ увидѣлась съ женихомъ. Въ этотъ же день празднована была и свадьба.

Такъ совершился во второй разъ союзъ Государей нашихъ съ Императорами Греческими. *) Съ того времени Іоаннъ принялъ и гербъ ихъ, *двуглаваго Орла* и соединилъ его на печати своей съ гербомъ Московскимъ. Вы видите и теперь этотъ величественный, прекрасный гербъ Россіи на всѣхъ знаменахъ и флагахъ Рускихъ, на киверахъ нашихъ добрыхъ солдатъ, на нашихъ золотыхъ, серебряныхъ, мѣдныхъ монетахъ, однимъ словомъ на всѣхъ вещахъ, принадлежащихъ Государю Рускому.

*) Вѣрно маленькіе читатели мои помнятъ Царевну Анну, супругу Владиміра Святаго.

СОВЕРШЕННОЕ ПОКОРЕНИЕ НОВГОРОДА

Отъ 1472 до 1478 года.

(Пер. 6 лѣтъ.)

Іоаннь, назначенный Богомъ воскресити опечество наше къ славъ и счастію, никогда не дѣлалъ ничего необдуманно и неосторожно, но прежде всегда долго разсмапривалъ свое намѣреніе, разсуждалъ о томъ, какъ лучше исполнить его, приготовлялъ все нужное къ зтому исполненію, и потомъ уже приступалъ къ дѣлу.

Такъ было и съ покореніемъ Новгорода. Чтобы собрать всѣ силы для усмиренія этой безпокойной области, Іоанну надобно было не бояться нападеній окружавшихъ его враговъ: Поляковъ, Липовцевъ и Ташарь. Судьба и проищательный умъ его доставили ему средство, если не совсѣмъ избавишься опъ этихъ враговъ, то по крайней мѣрѣ осшанавливать ихъ дерзость.

Вы помните, милья дѣти, что со времянь Василія *Темнаго*, соспавилась у Ташарь новая Орда *Крымская* или *Тавригеская*. Знаменистый основатель ея Ази - Гирей умеръ, оставивъ шесть сыновей. Братья долго спорили о наслѣдствѣ, и пресполь Крымскій принадлежалъ по одному изъ нихъ, по другому. Примѣчательнѣйшій изъ нихъ и владѣвшій долѣе всѣхъ другихъ Крымомъ, былъ *Менгли - Гирей*. Частыя ссоры его съ Царемъ Золотой Орды, Ахматомъ и съ Польскимъ Королемъ Казимиромъ, внушили

проницательному Иоанну мысль подружиться съ новымъ Государемъ, уже страшнымъ для сосѣдей. Онъ не ошибся. Умный Менгли-Гирей уважалъ Иоанна, и охотно согласился заключить съ нимъ союзъ прошивъ общихъ враговъ.

Это дружество было чрезвычайно полезно для Россіи: оно увеличивало силы ея и удерживало Казимира и Ахмапа отъ нападений на владѣнія наши. Имѣя такую вѣрную защиту отъ Татаръ и Поляковъ, оспорожный Иоаннъ увидѣлъ наконецъ возможность навсегда усмирить непокорныхъ Новгородцевъ. Неблагодарные къ великодушію Государя, еще оставившаго имъ часть прежней свободы, они доказали безпрепятственными ссорами и безпорядками своими, какъ вредна эта свобода! Во время этихъ ссоръ многіе изъ старѣйшихъ Новгородцевъ, называвшихся *Людьми Житыми*, обижали младшихъ гражданъ, которые не видя справедливости въ Судьяхъ своихъ и въ Намѣстникѣ Го-

сударя Московскаго, рѣшились наконецъ просить его самаго пріѣхать къ нимъ для разбора дѣлъ ихъ. Іоаннъ поѣхалъ, и его непристрастный судъ, его справедливость, его умныя рѣшенія обратили къ нему большую часть жителей Новгорода; недовольными оставались только важные и гордые бояре, копорые съ совершеннымъ покореніемъ родины своей подъ власть Москвы должны были лишиться многихъ выгодъ. Новгородъ послѣ опѣзда Великаго Князя раздѣлился на двѣ стороны: одна хопѣла видѣть Іоанна *полнымъ властителемъ* и *Государемъ* своимъ, соглашалась не имѣть у себя другихъ судей, кромѣ Княжескихъ, отдасть ему Дворъ Ярославовъ и не имѣть Вѣче, копорого собранія такъ часто оканчивались кровопролитіемъ; *другая* же не хопѣла слышать объ этомъ; даже не называла Великаго Князя *Государемъ* своимъ, но по прежнему обыкновению только *Господиномъ*, и явно возмущала прошивъ него всѣхъ. Богъ зна-

ещь чѣмъ бы кончился эшотъ споръ , если бы Новгородцы не узнали , что Иоаннъ идееть къ столицѣ ихъ съ многочисленнымъ, отборнымъ войскомъ. Съ нимъ были все храбрые Князья и полководцы того времени и все братья его. Успрашенные мяшежники испугались и отправили въ спанъ Иоанна , своего Архіепископа Теофила, и самыхъ знаменитѣйшихъ вельможъ для переговоровъ. Эши переговоры продолжались отъ 23 Ноября 1477 до 8 Января 1478 года и окончились слѣдующимъ объявленіемъ всѣхъ Новгородцевъ: „Соглашаемся не имѣть ни Вѣча, ни посадника; молимъ только , чтобы Государь ушодилъ на вѣки гнѣвъ свой , и проспилъ насъ искренно! „ Трудно было довести Новгородцевъ до такого смиренія, но благоразуміе и швердосшь Иоанна умѣли сдѣлать это!

15 Января, все знапные граждане, бояре, Житые люди, купцы и весь народъ присягали Великому Князю , и бояре Московскіе объявили всѣмъ имъ,

что Государь забываетъ навѣки вины ихъ, съ условіемъ, чтобы Новгородъ не измѣнялъ ему ни дѣломъ, ни мыслию.

Такъ Новгородцы, шесть сотъ лѣтъ называвшіеся людьми вольными, покорились Іоанну III-му! При этомъ важномъ случаѣ не произошло никакого кровопролитія; непріятельскія дѣйствія даже не начинались и Великій Князь приказалъ взять подъ спиражу только нѣсколькихъ человекъ изъ главныхъ мятежниковъ, въ томъ числѣ и непокорную Марю Борецкую.

Отправляясь въ Москву, Іоаннъ ласково просился съ Новгородцами, нѣсколько разъ угощалъ обѣдами Архіепископа и знатнѣйшихъ бояръ ихъ, принималъ подарки отъ всего народа— потому что не было человека, который бы не желалъ показать Государю чѣмъ нибудь свое усердіе,— отдаривалъ и самъ каждого. 5-го Марта возвратился онъ въ Москву и вслѣдъ за нимъ привезли туда Вѣчевый колоколъ, на

звонъ копораго уже сходились теперь не гордые граждане Новгородскіе, для шумныхъ совѣтовъ своихъ, но мирные жители Москвы для благочестивой молитвы: онъ повѣшенъ былъ на колокольнѣ Успенскаго собора.

РОССІЯ ОСВОБОЖДЕННАЯ.

Отъ 1478 до 1480 года.

(Пер. 2 лѣтъ.)

У Великой Княгини Софіи были уже три хорошенькія дочки. Она и супругъ ея желали имѣть сына, и Богъ исполнилъ ихъ желаніе: въ 1478 году у нихъ родился сынъ *Василій*, который будетъ потомъ наследникомъ Престола. Но ни эти семейственныя радости, ни слава, ни безпрестанныя побѣды Рускихъ, не могли доставить совершеннаго счастья ни Великому Князю, ни супругъ его. Обоихъ занимала только

одна мысль: видѣшь Россію освобожденною опъ власти Татарь! Умная, гордая Софія искусно умѣла усиливать въ сердцѣ супруга ненависть его къ Ханамъ! Какъ часто даже на веселыхъ праздникахъ Княжескихъ, когда Іоаннъ восхищался величественнымъ видоми ея, богатствомъ ея Царскаго наряда, красотою дѣшей своихъ, Софія съ хитроспю спрашивала у него: „Долго ли бышь миѣ и дѣшамъ моимъ подданными Хана Татарскаго?“, Іоаннъ, который почти безпреспанно и самъ дѣлалъ себѣ эиопъ вопросъ, радовался, находя поже самое желаніе и въ сердцѣ супруги своей, и еще усерднѣе старался исполнить его. Случай къ тому скоро представился.

Князья Рускіе всегда должны были съ особенными обрядами встрѣчать пословъ Татарскихъ, которые привозили съ собою *Басму*, т. е. изображеніе, или болванъ Хана. Князья выходили на эту встрѣчу за городъ пѣшкомъ, кланялись посламъ и для слушанія Ханъ

скихъ грамотъ подписали мѣхъ соболій подъ ноги чпецу и сами спановились на колѣни. На помъ мѣспѣ, гдѣ бывала эта встрѣча, построили потомъ церковь, которая и пещерь еще называется *Спасомъ на Болвановкѣ*. Софія, чувствуя достоинство супруга своего, не могла перенести мысли, что бы онъ преклонялъ колѣна передъ *болваномъ* Хана, и уговаривала его не ходишь на встрѣчу пословъ. Нѣкоторые историки говорятъ, что Іоаннъ не только исполнилъ желаніе ея, но даже „изломалъ басму, бросилъ ее на землю, распопшалъ ногами и сказалъ послу: объяви это Хану: что сдѣлалось съ его басмою, то будетъ и съ нимъ, если онъ не оставишь меня въ покоѣ.„ Оппуспивъ съ такими словами посла, онъ не далъ ему ни сколько дани, за копрою пошь пріѣзжалъ изъ Орды. Такая смѣлость Государя Рускаго разсердила ужасно Хана Ахманна. Хипрый Король Польскій Казимиръ, желавшій всегда вредить Россіи, постарался воспользо-

вапсья эпою ссорою , и наговорилъ сполько на Іоанна , что Царь Татарскій приказалъ войску своему гоповипсья къ нападенію на Рускія земли. Казимиръ обѣщаль быпсь его союзникомъ.

Въ эпо трудное для Россіи время, Крымскій Ханъ Менгли-Гирей доказаль свою вѣрность и дружеспво къ Іоанну: онъ напаль на Польскія и Липовскія владѣнія и пѣмъ помѣшаль Казимиру исполнитсь обѣщаніе, данное Ахмату. Іоаннъ опсправиль другихъ Крымскихъ Царевичей , брапьевъ Менгли-Гирея, жившихъ въ Россіи—къ Сараю, чтобы во время отспспствія Хана разоритсь столицу его , или по крайней мѣрѣ напугапсь Татарь.

Между пѣмъ самъ Великій Князь ободряль народъ, собираль войско, пригоповлялся къ рѣшительному сраженію, однакоть по обыкновенной опспорожности своей не спѣшилъ , и даже согласился бы можеть быпсь еще на нѣсколько времени помириться съ Ха-

номъ , чтобы не подвергашь участи своихъ подданныхъ невѣрному счастию. Но весь народъ , все войско , и даже все духовенство Руское неперпѣливо желало этой войны, какъ будто бы предчувствуя, что опъ нея зависѣло освобожденіе Россіи. И такъ, къ удовольствию всѣхъ, она началась, и 8-е Октября 1480 года войска : Руское и Татарское уже спояли одно прошивъ другаго на берегахъ Угры. *) Въ числѣ главныхъ воеводъ Рускихъ былъ также и молодой сынъ Великаго Князя опъ первой супруги: *Іоаннъ*. Двѣ недѣли оба войска смотрѣли другъ на друга, ничего не дѣлая. Ахманъ поджидалъ Липовцевъ, о копорыхъ не было и слуху ; Іоаннъ высматривалъ мѣстоположеніе, гдѣ удобнѣе было бы сражаться, и наконецъ выбралъ для того поля Боровскія и приказалъ своему войску опспустить шуда. Князя, бояре и вой-

*) Рѣка *Угра* течетъ въ нынѣшней Калужской Губерніи.

ны удивились, и съ досадою думали, что Государь ихъ боишся сраженія: они не поняли оспорожнаго Иоаннз, Таттары же поняли его еще менѣе, вообразивъ, что Рускіе обманываютъ ихъ и нарочно опспупая, заманиваютъ въ пригоповленные засады. Непонятный ужасъ овладѣлъ Ахмапомъ: онъ спѣшилъ уйши. Историки говорятъ, что странно было смолрѣть на эту картину: два войска бѣжали другъ опъ друга, тогда какъ ни кто не гнался за ними. Рускіе оспановились первые, но Ахмапъ вышелъ изъ Россіи и дорогою разорилъ двѣнадцать городовъ, бывшихъ во владѣніи Липовцевъ, за то что Казимиръ не пришелъ къ нему на помощь. Никто не понималъ, опъ чего Ханъ Татарскій такъ неожиданно оспавилъ Рускія области, но вскорѣ узнали причину: онъ получилъ извѣстіе, что въ Сарай пришли посланные Иоанномъ, Крымскіе Царевичи съ войскомъ. И такъ, ему надобно было оспавить опечество наше, чтобы защи-

тишь собственную землю. Но онъ не дошелъ до нее: на берегахъ Малаго-Донца, Князь Тюменскихъ Ташаръ *Ивакѣ*, слыша о богатой добычѣ Ахмаша, опьяпой въ городахъ Липовскихъ, напалъ на него и убилъ спящаго, взялъ безъ сраженія Орду, все семейство и всѣ богатства его, разорилъ Сарай, котораго развалины еще и теперь видны на берегахъ Ахпубы, и прислалъ пословъ сказать Великому Князю, что врага его уже нѣтъ на свѣтѣ, а онъ, какъ пошомокъ Чингисъ-Хана, просить только дружбы Государя Рускаго.

Такъ наконецъ бѣдное опечесство наше освободилось отъ жестокой власти своихъ завоевателей, млыя дѣти! О! какъ должны мы благодарить Бога за то, что Онъ помогъ добрымъ предкамъ нашимъ перенести сколько бѣдъ и горя! Помните все, что они перѣли со временъ Ярослава Всеволодовича, перваго изъ Князей нашихъ, принужденнаго покориться Царямъ Татарскимъ! Можно ли было перенести

всѣ эти спрѣданія безъ особеннаго покровишельства и помощи Божіей? Можно ли было Россіи, расперзанной и жестокими Татарами, и собственными Князьями, и чужеземными Государями, дойти одной безъ этой небесной помощи до той степени славы, въ какой она уже была при Іоаннѣ III? Конечно, нѣтъ! А чѣмъ же, думаете вы милья дѣти, предки наши заслужили эту помощь, эту любовь, эту милость къ нимъ Бога? . . . Тѣмъ, что они были самыми усердными Христіанами, тѣмъ, что они любили Бога выше всего на свѣтѣ, что они надѣялись на Него одного, а не на свои силы и умъ, и не начинали никакого дѣла, не помолясь прежде Ему и не просивъ Его благословенія! Такъ жили у нихъ и Князья, и бояре, и купцы, и простые люди, и усердіе ихъ такъ пріятно было Богу, что онъ спасалъ ихъ во всѣхъ опасностяхъ, и наконецъ возвратилъ имъ счастье!“

Точно, любезные друзья мои, вѣра и набожность ихъ были примѣрныя! За то, Богъ примѣрно и наградилъ ихъ! Славное княженіе Іоанна III есть еще только начало этой награды. Вы увидите въ слѣдующихъ рассказахъ, какъ слава ихъ будетъ поспѣшенно увеличиваться и какъ наконецъ опечесство наше достигнетъ до того могущества, которому вы удивляетесь теперь! Мы можемъ точно сказать, что благословеніе Божіе сопровождало всѣ дѣла предковъ нашихъ. Постараемся же и мы, попомки ихъ, — заслужить это драгоценное благословеніе: постараемся имѣть къ Богу такую же твердую вѣру, такое же искреннее усердіе, такую же пламенную любовь, такую, имѣли они, и — счастье милого опечесства нашего будетъ всегда неизмѣнно!

НОВОЕ СОСТОЯНІЕ РОССІИ.

Опшъ 1480 до 1498 года.

(Пер. 18 лѣтъ.)

Съ того времени, какъ Россія избавилась опшъ власпи жестокихъ Татаръ, какъ она сдѣлалась опяпшъ государствомъ независимымъ, все въ ней, какъ будто бы переродилось, все получило другой видъ! Имя Іоанна начало гремѣпшъ еще болѣе, и безпресшанные побѣды прославили его воинство. Это чувствовали и Рыцари Ливонскіе, и Липовцы, и Казанцы, и Вяпчане, и шѣ изъ Кня-

зей Удѣльныхъ , копорые оспавались до сихъ поръ независимыми и теперь должны были покориться самодержавной власти Іоанна.

И чужеземные Государи смопрѣли уже совсѣмъ другими глазами на Россію и желали не только дружеспва, но даже родспва съ ея владѣшелемъ. Первый, показавшій эпо желаніе, былъ Господарь Молдавскій, Стефанъ IV. Онъ выдалъ дочь свою Елену въ 1488 году за старшаго сына Государя Рускаго, Іоанна. Эпошъ новый союзъ былъ почти столько же полезенъ для Великаго Князя, какъ и дружеспво его съ Крымскимъ Ханомъ, Менгли-Гиреемъ, всегда вѣрнымъ защитникомъ его прошивъ Литвы.

Вскорѣ послѣ эпой свадьбы пріѣхалъ въ Москву въ первый разъ знашный рыцарь Николай Поппель, посломъ отъ Императора Римскаго Фридерика III-го. Ему поручено было увѣривъ Іоанна въ дружеспвѣ Императора, просивъ его помощи, если Король Поль-

скій вздумаешъ воевать Венгрію, принадлежавшую Императору и обѣщаешь помощь Іоанну, если Поляки нападутъ на Рускія владѣнія. Кромѣ того, послу велѣно было предложить Великому Князю выдать его дочь, Княжну Елену или Θεодосію за Маркграфа Баденскаго, племянника Императорскаго.

Іоаннъ принялъ этого посла, со всѣмъ достоинствомъ Государя, равнаго Императору, и когда Поппель, въ концѣ аудіенціи своей, предложилъ ему, что Фридерикъ можетъ пожаловать его въ Короли, Іоаннъ съ благородною гордостью приказалъ боярамъ своимъ сдѣлать слѣдующій отвѣтъ на такое предложеніе: „Государь нашъ, Великій Князь, наследовалъ державу Рускую отъ Бога и предковъ своихъ, и ни отъ кого другаго никогда не захочетъ быть жалованнымъ.“ На сватовство за дочь, Іоаннъ отвѣчалъ, что союзъ съ Маркграфомъ не довольно знаменитъ для Государя Рускаго, брата древнихъ Царей Греческихъ. Однакожь, это

опказъ сдѣланъ былъ очень учтиво, такъ что Поппель, окончивъ всѣ порученія свои, выѣхалъ изъ Москвы, безъ всякаго неудовольствія, и вслѣдъ за нимъ Іоаннъ отправилъ опъ себя къ Императору посломъ, Грека Трахоніуса, также съ изъясненіями дружества и богатыми подарками.

Такъ слухъ о достоинствахъ и славѣ Іоанна доставилъ ему въ Римскомъ Императорѣ — трепьяго защитника пропінъ Польши и Литвы. Но скоро и сама Литва начала искать союза съ нимъ.

Въ 1493 году умеръ Казимиръ. Старшій сынъ его, *Албертъ*, сдѣлался Королемъ Польскимъ, а младшій, *Александръ*, Великимъ Княземъ Литовскимъ!

Литва, отдѣляясь опъ Польши, уже не имѣла столько силъ какъ прежде, и молодой Государь ея, слыша, что со всѣхъ сторонъ сбираются на него союзники Іоанна—очень желалъ помириться съ Россіей. Ему казалось, что самымъ лучшимъ средствомъ къ тому

было : сдѣлаться зятемъ Великаго Князя. Долго послы его и Иоанновы переѣзжали изъ Вильны въ Москву и изъ Москвы въ Вильну, прежде нежели Государь Рускій рѣшился отдать любимую дочь свою *Елену*, за Князя Лашинской вѣры. Наконецъ, послѣ многихъ переговоровъ, онъ согласился съ условіемъ, чшобы Александръ никогда не принуждалъ супруги своей къ переменѣ Греческаго закона ея.

6 Января 1495 года пріѣхало въ Москву Великое посольство Липовское, за невѣстою. Оно состояло изъ знатнѣйшихъ Князей и Пановъ Александра. Всѣ они оплнчались великолѣпнымъ нарядомъ, множествомъ слугъ, богатыми уборами лошадей. Иоаннъ еще разъ подтвердилъ главнымъ посламъ, напомнишь Александру условіе ихъ о томъ, чшобы дочь его ни въ какомъ случаѣ не перемѣняла закона, и что бы у ней была своя придворная церковь Греческая. Обнимая въ послѣдній разъ *Елену*, передъ самымъ

оптѣвдомъ ея, онъ вложилъ ей въ руку слѣдующую записку: „Память Великой Княжнѣ Еленѣ. Въ церковь Лапинскую не ходишь, а ходишь въ Греческую; изъ любопытства можешь видѣть первую или монастырь Лапинскій, но только одинъ или два раза. Если свекровь твоя будетъ въ Вильнѣ и прикажетъ тебѣ итти съ собою въ церковь, то проводи ее до дверей и скажи учтиво, что идешь въ свою церковь.“ Такъ набожный Іоаннъ заботился о томъ, чтобы милая дочь его не оставила православной, опечесшвенной вѣры своей!

Липовскій народъ съ неописанною радостію встрѣчалъ молодую невѣсту. Вѣдь вы помните, милая дѣти, что большая часть государства Липовскаго стояла изъ Рускихъ областей, опняшихъ у предковъ нашихъ Гедеминомъ и Вишовтомъ. Въ нихъ жили Рускіе, перпѣвшіе много припѣсненій опъ Липовцевъ. Вотъ эпи-то бѣдные соопечесшвенники наши всѣхъ болѣе радо-

вались, встрѣчая Рускую Княжну: теперь они могли надѣяться, что будешь кому попросить за нихъ Государя, будешь кому защишишь ихъ отъ злыхъ Липовцевъ.

Александръ встрѣтилъ Елену со всѣмъ Дворомъ своимъ за три версты отъ Вильны. Невѣста и женихъ вмѣстѣ въѣхали въ столицу: онъ, верхомъ, а она въ богато украшенныхъ саняхъ. Великая Княжна пріѣхала прямо въ Греческую Церковь и отслужила молебень. Здѣсь, Московскія боярыни, по старинному обыкновению, расплели ей косу, надѣли на голову *кику* или кокошникъ съ покрываломъ, осыпали ее хмелемъ и повели въ церковь Св. Спанислава, гдѣ было вѣнчаніе. И Рускіе, и Липовцы долго веселились вмѣстѣ на богатыхъ пирахъ этой свадьбы, но не получили отъ нее тѣхъ выгодъ, какихъ ожидали; несогласія между Иоанномъ и зятемъ его почши не уменьшились, а чрезъ четыре года сдѣлались еще сильнѣе: Александръ вздумалъ

принуждавъ всѣхъ Рускихъ подданныхъ своихъ Греческаго закона, принимавъ вѣру Латинскую. Знапнѣйшіе изъ нихъ, Князья и вельможи, владѣвшіе большими обласпями, не желая оспавить своей вѣры, перешли въ подданство къ Іоанну, со всѣми принадлежавшими имъ городами. Іоаннъ считалъ долгомъ, вступишься за своихъ единовѣрцевъ, и посланное имъ войско безъ труда овладѣло всею Липовскою Россіею ошъ нынѣшнихъ Губерній: Калужской и Тульской-до Кіевской.

Такъ счастье вездѣ было съ Іоанномъ; такъ успѣвалъ онъ во всѣхъ своихъ желаніяхъ, изъ которыхъ главнѣйшимъ было: дать новую жизнь Россіи. Вы видите, милые чипапели мои, какъ счастливо это удалось ему! Никто не узналъ бы въ Іоанново время, той Россіи, которая такъ униженно кланялась Башью и Узбеку. Вы развеселились, чипая это, маленькіе друзья мои? И я раздѣляю нашу радость. Теперь, полно

горевать о несчастіяхъ нашего опечеченства: начало къ величію его уже сдѣлано, и мы будемъ восхищаться теперь его быстро возрастающею славою!

ДВА НАСЛѢДНИКА ПРЕСТОЛА.

Опшъ 1498 до 1505 года.

(Пер 7 лѣтъ.)

Іоаннъ, счастливый почти во всемъ, былъ несчастливъ только въ семействѣ своемъ. Вы знаете, милыя дѣти, что опшъ первой супруги былъ у него сынъ Іоаннъ, котораго для отличія опшъ отца называли *Іоанномъ Младымъ*. Вы помните также, что онъ женился на Молдавской Княжнѣ Еленѣ. Эшошъ молодой князь, кропкій и ласковый ко всѣмъ, чрезъ два года по-

слѣ свадьбы своей скончался. У него остался маленькій сынъ *Димитрій*. Иоаннъ сильно огорченъ былъ этою жестокою поперехою и никто не могъ утѣшить его горести, кромѣ милаго внука, малюпки *Димитрія*! Любовь его къ этому ребенку сдѣлалась такъ велика, что Великая Княгиня Софія начала досадовать: у ней были свои дѣти, и нѣжной, огорченной матери казалось, что супругъ ея меньше любитъ ихъ съ шѣхъ поръ, какъ родился *Димитрій*! Она имѣла еще другую причину досадовать на этого мальчика: гордая Царевна Греческая думала, что старшій сынъ ея, *Василій*, имѣеть больше правъ быть наслѣдникомъ престола опцовскаго, нежели *внукъ*. Это думала не одна она, но и многіе изъ бояръ, приверженныхъ къ ней. Между тѣмъ другіе находили, что по всей справедливости престоль долженъ принадлежать *Димитрію*, сыну прежняго наслѣдника. Мать его, Княгиня Елена, сполько же гордая и честолюбивая

какъ Софія, старалась всѣми силами поддерживать это мнѣніе. Такимъ образомъ, Дворъ раздѣлился на двѣ спорныя, и каждый бояринъ былъ или другъ или врагъ той или другой Княгини. Маленькіе Князья, окруженные каждый своими, росли не любя другъ друга, Іоаннъ, всегда занятый дѣлами государственными, не могъ обращать много вниманія на это семейственное несогласіе и никогда не думалъ, чтобы оно могло сдѣлаться важнымъ, до тѣхъ поръ, какъ уже Василію было двадцать лѣтъ. Въ это время вдругъ доносилъ ему, что нѣсколько молодыхъ людей, друзей Василія, согласились оправдать ядомъ Димитрія, разграбить казну княжескую, и объявить Государемъ своимъ, Василія. Гнѣвъ Іоанна былъ ужасенъ: всѣхъ заговорщиковъ наказали примѣрно и приставили сразу даже къ Василію, который вѣроятно не зналъ о намѣреніяхъ безразсудныхъ друзей своихъ, потому что былъ всегда почтительнъ къ опцу. Софію же

съ того времени Государь не хотѣлъ видѣшь, подозрѣвая, что она болѣе всѣхъ желала оправить Димитрія и мать его; и чтобы наказашь ее самымъ чувствительнымъ для нее образомъ, объявилъ всему народу наследникомъ престола внука своего и назначилъ день его коронаванія. Это было первое Царское вѣнчаніе, подробно описанное въ нашей исторіи. Оно происходило въ Успенскомъ соборѣ 4 Февраля 1498 года, куда Государь самъ привелъ молодаго Димитрія. Митрополитъ и пять Епископовъ встрѣтили ихъ со всѣмъ духовенствомъ и служили молебенъ. Посреди церкви сдѣлано было возвышеніе, на кошоромъ стояли три кресла. Послѣ молебна Іоаннъ и Митрополитъ сѣли, но Димитрій стоялъ на возвышеніи. Тогда Великій Князь сказалъ: „Отець Митрополитъ! предки наши, Государи Рускіе, давали Великое Княжество первымъ сынамъ своимъ: я также благословилъ имъ моего старшаго, Іоанна. Но по волѣ Божіей

его не спало: благословляю теперь внука Димитрія,—его сына, при себѣ и послѣ себя, Великимъ Княжесствомъ Владимірскимъ, Московскимъ, Новгородскимъ: и ты, опецъ мой, дай ему благословеніе!., Митрополитъ вспалъ, благословилъ Димитрія крестомъ, положилъ руку на его голову и громко молился, чпобы Богъ принялъ подъ святое покровишельство Свое, новаго Государя. Послѣ этой молитвы два Архимандрита подали вѣнецъ и бармы Мономаха. *) Митрополитъ, читая приличныя на этотъ случай молитвы, передалъ царскія ушвари въ руки Іоанна, который надѣлъ то и другое на внука. Послѣ этого пѣли многолѣшіе обоимъ Государямъ, и Митрополитъ съ Епископами и всѣмъ

*) *Бармы* значатъ родъ воротника съ оплечьями. Они вмѣстѣ съ вѣнцемъ, были присланы Мономаху отъ Царей Греческихъ и съ того времени употребляются при коронованіи нашихъ Государей.

Дворомъ поздравилъ дѣда и внука. Послѣ обѣдни повели Димитрія въ вѣнцѣ и бармахъ, въ соборъ Архангельскій. Тамъ, по старинному обыкновенію, его осыпали въ дверяхъ, въ знакъ богатства и изобилія, золопными и серебряными деньгами. Въ тотъ день былъ великолѣпный пиръ у Государя.

Вы вѣрно догадаешесь, милыя дѣти, что на этомъ праздникѣ всѣхъ довольнѣе и всѣхъ счастливѣе была Великая Княгиня Елена. Она достигла въ полной мѣрѣ своего желанія: пятнадцатилѣтній сынъ ея—уже Государь Россіи, и гордая Софія вмѣстѣ съ блестящею надеждою своею,—прекраснымъ Василиемъ, окружена спражею и лишена даже радости видѣть супруга своего! Но не продолжительно было счастье Елены. Уже въ самый день коронованія, Государь былъ не совсѣмъ веселъ: замѣтно было, что онъ грустилъ о супругѣ, съ которою былъ двадцать лѣтъ счастливъ; о сынѣ, котораго

рожденіе всегда казалось ему особенною милостию Бога, ниспосланною на молитвы его! Приверженцы Димитрія догадывались о такомъ расположеніи Іоанна, и боясь переменны — не смѣли слишкомъ радоваться своему счастью. Прошелъ годъ, — и эта страшная для нихъ переменна почно сдѣлалась: Іоаннъ узналъ, что доносы на Софію и Василю были несправедливы и со всею строгостию осудилъ и казнилъ за то знаменѣйшихъ вельможъ, друзей Великой Княгини Елены.

Черезъ шесть недѣль послѣ этого суда, Іоаннъ объявилъ Василю *Великимъ Княземъ Новгорода и Пскова*, а черезъ три года — *Государемъ Наслѣдникомъ престола Всероссійскаго*. Въ тотъ же день отдано было приказаніе приставить къ Димитрію и матери его стражу. И такъ, этотъ несчастный, молодой Князь, крошкѣй и добрый какъ отецъ его, невинный въ честолюбивыхъ намѣреніяхъ матери, для того

только съ такою пышносною вѣнчался на пресполь, чѣобы еще живѣе чувствововать свое бѣдствіе! Елена скончалась отъ горести и поски, чрезъ два года послѣ своего заключенія, но сынъ ея жилъ еще нѣсколько лѣтъ и умеръ уже въ кнѣженіе своего соперника — Василія.

Это семейственное огорченіе имѣло вліяніе на здоровье Іоанна, особенно съ того времени, какъ скончалась супруга его, Княгиня Софія. Онъ примѣшно ослабѣвалъ, но все таки не переспавалъ неуномимо заниматься великими обязанностями Государя. Напрасно зянь его, Липовскій Князь Александръ, сдѣлавшійся послѣ смерти брата Алберта — и Королемъ Польскимъ, и все еще не помирившійся съ тестемъ, думалъ воспользоваться его болѣзнію и прислалъ въ Москву пословъ требовать возвращенія завоеванныхъ Іоанномъ городовъ у Литвы. Іоаннъ, для котораго слава Россіи была дороже

даже спокойствія милой дочери, страдавшей отъ несогласія отца съ супругомъ, не хотѣлъ слышать о пребываніяхъ и предложеніяхъ Александра и гордо сказалъ посламъ его: „Великій Князь Рускій никому не отдаетъ своего. Для истиннаго, прочнаго мира Александръ долженъ уступить мнѣ и Смоленскъ и Кіевъ, также принадлежавшіе некогда Россіи.“—Послѣ этого Король Польскій удостовѣрился въ невозможности помириться съ Іоанномъ, такъ какъ ему хотѣлось, и долженъ былъ сдѣлать это такъ, какъ хотѣлось Великому Князю.

Такимъ образомъ Іоаннъ до конца жизни своей заботился о счастіи опечесива нашего и даже въ день смерти своей отдавалъ приказанія и говорилъ о дѣлахъ Государственныхъ. Этимъ горестный для Россіи день былъ 27 Октября 1505 года.

Исторія назвала Іоанна *Великимъ*. Обдумавъ все сдѣланное этимъ знаме-

нишымъ Государемъ мы должны согласишься, что такое названіе очень справедливо. Не одними побѣдами онъ заслужилъ его: зная, что счастье народа не заключаешия въ одной славѣ его, Іоаннъ гораздо болѣе думалъ о хорошемъ управленіи своими подданными, нежели о распроспраненіи своихъ владѣній. Онъ приказалъ собрать всѣ законы и грамоты прежнихъ Князей, разсмотрѣлъ, исправилъ и издалъ ихъ подъ названіемъ *Уложенія*; устроилъ лучше войско; завелъ Городскую Исправу или Полицію, почту, почтовые дворы, гдѣ всѣмъ проѣзжимъ давали не только лошадей, но даже пищу, если на то былъ приказъ Государевъ; велѣлъ исправлять дороги; не терпѣлъ презвосты. Однимъ словомъ, Іоаннъ заботился о всѣхъ своихъ подданныхъ какъ нѣжный, благоразумный отецъ и за то, самые отдаленные потомки ихъ должны чувствововать вѣчную благодарность къ этому великому Государю,

къ этому незабвенному освободителю
Россіи опъ власти варваровъ, *двѣсти*
пятьдесятѵ лѣтъ ее угнетавшихъ!

ТАБЛИЦА XXXVIII.

Семейство В. К. Иоанна III Васильевича.

Супруги: 1. *Марія* Борисовна, Княжна Тверская.
2. *Софія*, Царевна Греческая.

Сыновья: а. *Иоаннъ*, умеръ въ молодыхъ лѣтахъ.
б. *Василій*, наслѣдовалъ престоль послѣ отца.
с. *Юрій*.
д. *Димитрій*.
е. *Симіонъ*.
ф. *Андрей*.
г. *Борисъ*.

Дочери: в. *Елена* была въ супружествѣ за Великимъ Кня-

земъ Липовскимъ Алек-
сандромъ.

Теодосія, за Княземъ Ва-
силіемъ Данійловичемъ
Холмскимъ.

Елена, умерла въ дѣт-
ствѣ.

ПОКОРЕНІЕ ПСКОВА

И

СОВЕРШЕННОЕ УНИЧТОЖЕНІЕ

УДЪЛОВЪ.

Отъ 1505 до 1523 года.

(Пер. 18 лѣтъ.)

Василій Іоанновичъ, сдѣлавшись наслѣдникомъ знаменишаго отца своего, старался во всемъ подражать ему, и хотя не имѣлъ отъ природы великихъ способностей его, но усердныя старанія никогда не остаются напрасны: исторія называетъ Василія IV достойнымъ сыномъ Іоанна III-го.

Первое важное дѣло его, о которомъ надобно рассказать вамъ, милыя дѣти, было покореніе *Пскова*. Вы знаете, что во *Псковѣ* было такое же народное правленіе, какъ и въ *Новгородѣ*. Онъ назывался даже *братомъ* его, прежде *младшимъ*, а потомъ за оказанныя услуги *Новгороду*, *равнымъ*. Законы, вѣче, посадники, однимъ словомъ, всѣ учрежденія *Псковитянъ* были такія же какъ у *Новгородцевъ*. *Псковитяне* отличались только тѣмъ отъ *братьевъ* своихъ, что не были такъ горды, дерзки, своевольны и за то долѣе ихъ, наслаждались своею свободою. *Іоаннъ III* хотя посылалъ и къ нимъ своихъ *наместниковъ*; но приказывалъ управлять ими не иначе, какъ по ихъ *собственнымъ* законамъ. И такъ, къ досадѣ *Новгородцевъ*—во *Псковѣ* все еще раздавался звонъ *вечеваго* колокола и *жиители* все еще сходились на шумныя собранія свои. Но это было не долго: на одномъ изъ такихъ собраній *земледѣльцы* объявили, что не хотятъ пла-

шить дани гражданамъ. Ихъ хотѣли принудить къ тому силою, и при этомъ случаѣ всѣ перессорились такъ, что намѣспникъ долженъ былъ прибѣгнуть къ Великому Князю.

Василій, видя, явное доказательство того, какія несчастія терпятъ народъ отъ излишней свободы, которою никогда не умѣешь пользоваться, рѣшился навсегда уничтожить ее во Псковѣ, какъ опецъ его уничтожилъ ее въ Новгородѣ.

Это было въ Январѣ мѣсяцѣ 1510 года. Молодой Государь, недовольный Псковичами, поѣхалъ разбирать споры ихъ не во Псковъ, но въ Новгородъ, куда прѣхало къ нему многочисленное посольство Псковское, состоявшее изъ семидесяти знатнѣйшихъ бояръ. Разбирательство кончилось тѣмъ, что всѣхъ ихъ посадили подъ стражу и объявили, что Великій Князь, недовольный дерзостію ихъ противъ намѣспника его, и несправедливостію противъ народа, пребуенъ, чтобы они уничто-

жили свое вѣче, и приняли Государевыхъ намѣстниковъ не только въ Псковъ, но и во всѣ города свои. Въ такомъ случаѣ онъ просишь ихъ и пріѣдешь къ нимъ помолишься Св. Троицѣ. *)

Псковскіе бояре, и чувствуя вину свою, и не надѣясь имѣть сколько силъ, чтобы прошившись Великому Князю, съ гореснію согласились исполнить волю его и писали въ Псковъ, прося весь народъ сдѣлать то же.

Такая просьба привела въ ужасное уныніе Псковъ: *вольные люди* (какъ называли себя Псковитяне), узнавъ о согласіи первыхъ бояръ своихъ, лишились всякой надежды сохранить свободу свою, и на другой день, съ неописанною печалью, съ горькими слезами, сошли въ послѣдній разъ на звукъ своего колокола и объявили послу Велико-

*) Въ Псковъ главною церковью былъ Соборъ Св. Троицы. Онъ существуетъ и теперь.

княжескому, что покоряются волю Государя.

Посоль въ попу же день отпра-
вился къ Великому Князю, который
вскорѣ потомъ пріѣхалъ во Псковъ,
учредилъ въ немъ совсѣмъ новый поря-
докъ, опредѣлилъ новыхъ чиновниковъ,
принялъ присягу въ вѣрности всѣхъ
жищелей, заложилъ новую церковь во
имя Св. Ксеніи *), отправилъ приста
семеіствъ знатныхъ Псковищянь въ
Москву, а на мѣсто ихъ велѣлъ пере-
вестъ шуда сполько же изъ другихъ
городовъ; и усстроивъ все, уѣхалъ че-
резъ мѣсяць, въ столицу. Вскорѣ послѣ
отъѣзда его, повезли шуда же и вѣче-
вый колоколь Псковищянь, которые
чувствун пользу новаго правленія,
уже менѣ жалѣли о немъ нежели въ
пу минушу, когда спускали его съ ко-
локольни.

Въ то самое время, какъ Василій

*) Память Святой Ксеніи праздновалась въ тотъ день,
когда уничтожилась воляность Пскова.

занимался дѣлами Пскова, на него сби-
рались враги съ двухъ сторонъ. Первые
изъ нихъ, были *Литовцы*, эти всегда-
шніе непріятели нашего опечесива;
вторые, *Крымцы*. Помня добраго Мен-
гли-Гирея, вѣрнаго союзника Іоанна III,
конечно, вы удивляетесь, милыя дѣпи,
что подданные его вдругъ вздумали ссо-
рипьясь съ Рускими? Но въ этомъ ви-
новаты также Литовцы. Князя ихъ
Александра, уже давно не было на свѣ-
тѣ: наследникомъ Литвы и Польши,
былъ братъ его *Сигизмундъ*, который
еще болѣе Александра вредилъ Россіи.
Онъ-то поссорилъ насъ съ Менгли-Ги-
реемъ, или лучше сказать съ молодыми
и смѣлыми сыновьями его Ахмапомъ и
Бурнашъ-Гиреями, которые по своей
волѣ управляли старымъ опцемъ сво-
имъ: онъ былъ уже такъ слабъ и
дряхль, что никто не узнавалъ въ
немъ прежняго храбраго, умнаго и бла-
городнаго Менгли-Гирея. Сигизмундъ
обѣщалъ имъ плашеть каждый годъ по
15,000 червонцевъ, если они нападутъ

вмѣстѣ съ нимъ на наши области. Молодые Царевичи, именемъ оупца, согласились на это предложеніе и исполнили желаніе Сигизмунда, который ненавидя Русскихъ, какъ Литовець, имѣлъ еще другую причину сердиться на Великаго Князя: Василій милостиво принялъ къ себѣ одного изъ знаменитѣйшихъ вельможъ Липовскихъ, измѣнившаго Королю своему,—Князя Михаила Глинскаго съ братьями, и не только отказалъ Сигизмунду выдать ихъ, но даже далъ имъ у себя цѣлые города въ помѣстья. Вопрь эти Глинскіе—и особенно Михайлъ, много помогали Великому Князю въ войнѣ съ Сигизмундомъ: кромѣ того, что съ ними выѣхало въ Россію много пановъ и дворянъ Липовскихъ, они нанимали искусныхъ воиновъ для Василія даже въ Богеміи и Германіи, и съ этою помощію война шла такъ счастливо для Великаго Князя, что ему удалось даже возвратиться въ свое владѣніе Смоленскъ, бывшій

сно десятиль лѣтъ подъ власшію Липвы.

Вы не можете предспавитъ себѣ какъ обрадовались жишеди Смоленска шому, что присоединились опятъ къ старинному своему опечеспиву! Хотя въ печеніе ста лѣтъ, они по неволѣ уже перенли многое у своихъ завоевателей, но все еще пвердо помнили, что они Рускіе и любили Россію какъ милую мать, съ которою Липовцы разлучили ихъ! Эта любовь, не менѣе Михаила Глинскаго, помогла Василію, овладѣть Смоленскомъ. Михайль же показывалъ такое усердіе не даромъ: онъ думалъ, что Великій Князь, изъ благодарности къ его заслугамъ, сдѣлаетъ его владѣтельнымъ Княземъ Смоленска, но ошибся. Великій Князь не любилъ Михаила, и никакъ не согласился опдатъ ему эшотъ городъ. Да и какъ можно было опдатъ? Если уже онъ измѣнилъ опечеспиву, то Россіи могъ бы измѣнитъ еще скорѣе. Такъ и сдѣлалось: обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, онъ поп-

часъ перешель опять на сторону Сигизмунда и надѣлалъ бы много хлопотъ, если бы Воеводы наши не поймали его. По приказанію Василія, его сковали и опвезли въ Москву.

Между шѣмъ въ 1515 году умеръ Менгли-Гирей. Сынъ и наследникъ его Магметъ-Гирей, не имѣвшій никакихъ достоинствъ отца, попеременно былъ союзникомъ то Русскаго, то Литовскаго Государя, смотря по тому, кто изъ нихъ болѣе давалъ ему денегъ. Однажды Магметъ, получивъ отъ Сигизмунда огромную сумму, ворвался съ своими Крымцами въ Россію, и едва было не напомнилъ ей время Бабыя и Тохтамышя!

Наконецъ вошь что нѣсколько усмирило Крымскаго Хана: онъ услышалъ, что въ Москву пріѣхалъ посоль изъ Константинополя и привезъ Великому Князю ласковое письмо отъ знаменитаго и страшнаго для всей Европы— Турецкаго Султана *Солimana*. Магметъ-Гирей испугался, что бы онъ не всту-

пился за Рускихъ, и на нѣкоторое время опложилъ свои нападенія на наши облаести.

Сигизмундъ также боялся сосѣда своего, опаснаго Солимана, и уже не споря о Смоленскѣ, заключилъ съ Великимъ Княземъ миръ на пять лѣтъ.

Пользуясь этимъ спокойствіемъ, Василій Іоанновичъ спѣшилъ исполнить намѣреніе великаго опца своего, и свое собственное: спѣшилъ совершенно уничтожить удѣлы. Правда, ихъ оставалось уже очень не много: главнымъ было—Княжество *Рязанское*, и другое—*Сѣверское*. Молодой Рязанскій Князь Іоаннъ, первый подалъ поводъ Василю исполнить это намѣреніе: онъ такъ подружился съ дерзкимъ Ханомъ Крымскимъ, Магменомъ, что хотѣлъ жениться на его дочери, и объявить себя совсѣмъ независимымъ отъ Великаго Князя. Государь узналъ это, и считалъ долгомъ своимъ наказатъ замыслы, вредные для опечества: Рязань была взята въ совершенное владѣніе Вели-

ваго Князя, а Іоаннъ посаженъ въ темни-
цу, откуда убѣжалъ въ Липву и тамъ
скончался.

Окончивъ безъ всякаго кровопро-
литія покореніе важнаго Княжества
Рязанскаго, болѣе 400 лѣтъ бывшаго
опдѣльнымъ и независимымъ, Василю
еще легче было присоединить къ своей
коронѣ Сѣверское. Княземъ его — былъ
Василій Шемякинъ, внукъ того Дми-
трія Шемяки, котораго вы вѣрно пом-
ните, млыя дѣти. Будучи смѣль,
гордъ, непримиримъ, онъ напоминалъ
собою дѣда своего и много беспокоилъ
Великаго Князя: нѣсколько разъ Василю
подозрѣвалъ его въ дружбѣ съ Липвою,
и наконецъ въ 1523 году, открылъ пе-
реписку его съ Сигизмундомъ. Князь
Шемякинъ имѣлъ одинаковую участь
съ Іоанномъ Рязанскимъ: онъ также
умеръ въ темницѣ.

Такъ навсегда кончились удѣлы въ
Россіи! такъ соединились всѣ раздѣ-
ленные части ея въ одно цѣлое; такъ
это прекрасное цѣлое спало зависѣть

уже не опть мелочныхъ пребованій
нѣсколькихъ владѣшелей, но опть висо-
кой, самодержавной, и неизмѣнной во-
ли одного Государя!

НРАВЫ и ОБЫЧАИ РУСКИХЪ

ПРИ ВАСИЛІИ ІV.

Отъ 1523 до 1533 года.

(Пер. ІО лвтѣ.)

Милыя дѣти! пріятно знашь не только о важныхъ дѣлахъ тѣхъ людей копорыхъ мы любимъ, на пр. о ихъ походахъ, побѣдахъ, завоеваніяхъ, но даже и о самыхъ обыкновенныхъ; о томъ, что дѣлали они въ домашнемъ кругу своемъ, какъ они веселились, какъ показывали печаль свою, какъ угощали друзей своихъ, даже мнѣ бы хотѣлось

знашь какое платье они носили, какія кушанья подавали на обѣдахъ ихъ, о чемъ разговаривали они во время этихъ обѣдовъ! О! я вижу, что и маленькіе чишапели мои точно также любопытны какъ я, и имъ также хочется узнать все это. Очень рада, друзья мои, и постараюсь выбрать изъ исторіи самыя занимательныя для васъ описанія нравовъ и обыкновений нашихъ добрыхъ предковъ. И какъ ксшапи, мы оспановились теперь на томъ самомъ времени, какъ Василій IV, уже самодержавный Государь Россіи, усмиривъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ опечества нашего, праздновалъ въ 1526 году вторую свадьбу свою. Для маленькихъ охотниковъ до веселостей и всѣхъ произшествій не совсѣмъ обыкновенныхъ, вѣрно всего пріятнѣе будетъ, когда я начну рассказъ мой нѣсколькими словами о томъ великомъ веселіи, какое было тогда на Руси!

Но если вы думаете, милыя дѣти, что тогдашніе свадебные праздники

и угощеніе походили на нынѣшніе, то очень ошибешесь. Напримѣръ, сказали ли вамъ, что разносили госпямъ на свадьбѣ Василя Іоанновича вмѣсто нашихъ нынѣшнихъ, зашѣйливыхъ, можно сказать даже великолѣпныхъ конфектъ? Калачи, *перепету* *) и сыры! а вмѣсто вина Шампанскаго въ нашихъ прекрасныхъ бокалахъ изъ граненаго хрустала, подавали Романею, **) Рейнское, но еще болѣе—медъ и пиво въ большихъ золотыхъ и серебряныхъ кубкахъ, или ковшахъ.

Хотите ли- знать, какъ одѣтъ былъ Государь - женихъ? О! совсѣмъ не шакъ, какъ пещеръ. На немъ былъ бархатный, золотой *кожухъ* или *шупъ* на собольемъ мѣху, да шуба Руская соболья, крышая бархатомъ золотымъ. Поды этой шубы, *закинуты были назадъ за плеча*. *Шоясь* былъ кованый золо-

*) *Перепета* подобное пирожное, особенной формы съ гранью похожею на ананасную.

**) *Романею*—называлось Бургонское вино.

шой, шапка — горлатная изъ черныхъ лисиць.

Нарядъ невѣсты также вовсе не походилъ на то платье, какое она надеваетъ у насъ теперь. Рускія дѣвицы старину не носили на головѣ никакого другаго убора, кромѣ широкой повязки, похожей на ту, въ какой вѣрно многія изъ маленькихъ чипательницъ моихъ пляшутъ по Руси. Въ такой повязкѣ верхъ головы оснавался опѣрышымъ, а волосы заплетались въ косу, копорая спускалась по спинѣ. Къ концу косы старинной Княжны, боярышни или проспой дѣвушки Руской привязывали *косникъ* или *треугольникъ* изъ картузной бумаги, копорый обвивался шелковою матеріею, а у богатыхъ украшался жемчугомъ и дорогими каменьями. Косу старались плестъ такъ широко, чшобъ она закрывала всю шею опъ самыхъ ушей, и постепенно суживалась до косника. У невѣсты — косы были распущены, и въ церкви, послѣ вѣнчанія, имъ заплетали двѣ косы,

надѣвали кокошникъ и покрывали фатою *) Плашье, которое называлось ферязью или *сарафаномъ*, спереди до подола, также рукава аршина въ три, и стоячій воротникъ пальца въ три унизывались крупнымъ жемчугомъ.

Вошъ какъ богато одѣта была не-вѣста Василія IV, Елена, молодая Княжна Глинская, племянница того Михаила Глинскаго, который прослылъ въ испоріи измѣнникомъ сперва своему природному Государю, потомъ—Русскому. Вы помните, милыя дѣти, что за эту послѣднюю измѣну, онъ посаженъ былъ въ темницу, и получилъ совершенное прощеніе, только тогда, какъ Великій Князь сдѣлался супругомъ его племянницы.

Имѣя теперь нѣкоторое понятіе о праздникахъ и одѣждѣ предковъ

*) *Фата* походила на то, что мы называемъ теперь *вуаль*.

нашихъ мы поговоримъ о другихъ обыкновеніяхъ ихъ. Всѣ они — и знатные бояре, и бѣдные дворяне, казалось, были спесивы. Къ боярамъ никто не смѣлъ въѣзжать на дворъ: надобно было оставлять лошадей у ворошъ. Дворяне стыдились ходить пѣшкомъ, и мало знакомились съ мѣщанами.

Госпъ, входя въ комнату, прежде всего молился образамъ, и потомъ уже подходилъ къ хозяину, цѣловался съ нимъ и говорилъ: „дай Богъ тебѣ здоровья!“ Тутъ начинались взаимные поклоны, послѣ которыхъ госпъ и хозяинъ садились и разговаривали. Когда госпъ уходилъ — хозяинъ провожалъ его до крыльца, а иногда и до самыхъ ворошъ.

Молодые женщины почти всегда сидѣли дома; даже въ церковь рѣдко ходили. Главное рукодѣлье ихъ было: прясль и шить; главная забава — качаться на качеляхъ. Рускіе вообще очень любили и любящъ до сихъ поръ

качели, мы видимъ это и теперь на Святой недѣлѣ.

Къ чужеземцамъ — предки наши были гораздо горделивѣе насъ: даже послы ихъ жаловались на эту важность, съ которою ихъ принимали въ Россіи. Когда иностранный Посоль объявлялъ о себѣ въ первомъ Рускомъ городѣ намѣстнику Государеву, то ему дѣлали множество вопросовъ: „Изъ какой земли? отъ кого онъ ѣдетъ? знаешь ли человѣкъ? бывалъ ли прежде въ Россіи? говоришь ли нашимъ языкомъ?“ Замышьте эмотъ послѣдній вопросъ, милья дѣши; онъ доказываетъ, что предки наши только по необходимости говорили чужимъ языкомъ, и всегда предпочитали свой собственный — всякому другому. Да и какъ не любить его? Онъ намъ родной! Имъ выражали мы и первыя молитвы наши къ Богу, и первыя ласки къ добрымъ родителямъ и первыя увѣренія дружбы милымъ товарищамъ и подругамъ! Самыя нѣжныя слова, дѣлающа еще нѣжныѣ

на родномъ языкѣ: когда Рускій мальчикъ или Руская дѣвочка, обвивъ бѣлыми ручками своими шею маменьки, скажетъ: „*Милая маменька!* мнѣ кажется, что и сердце малюпки добрее, и ласки искреннее, и даже самый голосъ гораздо пріятнее, нежели тогда, какъ онъ выговариваетъ: *Chère maman.*“ или „*Dear mamma!*“ Прислушайтесь сами къ этимъ премо различнымъ звукамъ, милые друзья мои, и вы вѣрно согласитесь со мною. Любите же родной языкъ вашъ и всегда защищайте его, когда кто нибудь вздумаетъ охуждать его при васъ. Если уже подданные Василія IV, почти не имѣя никакихъ писателей, находили его прекраснымъ, то какъ же намъ не отдавать ему справедливости, намъ, уже имѣющимъ возможность восхищаться Державинымъ, Карамзинымъ, Дмитриевымъ, Крыловымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ? Можетъ быть вы мало прочли еще изъ того, что написали эти прекрасные поэты, но ба-

*

сни Крылова? Кто изъ маленькихъ моихъ чинашелей не знаетъ ихъ? Кто не удивляется въ нихъ умнымъ разговорамъ Львовъ, Слоновъ, Орловъ, нѣжности Голубковъ, кипроспямъ Лисицъ, злымъ дѣламъ Волковъ, добродушію Барашковъ и Овецъ, просиотъ Медвѣдей и Журавлей? Всѣ эти басни писаны такимъ чистымъ, такимъ легкимъ Рускимъ языкомъ, что онѣ однѣ могутъ доставить ему названіе прекраснаго!

Не подумайте однакожь, чтобы предки наши, любя все опечественное, обходились дурно съ иностранцами. Нѣтъ! они всегда уважали добрыхъ и умныхъ изъ нихъ, старались перенимать у нихъ всѣ полезныя знанія, и Государи наши—особенно Іоаннъ III и Василій IV, даже приглашали многихъ чужеземныхъ художниковъ и ремесленниковъ переселяться къ намъ въ Москву. Такимъ образомъ у насъ были и тогда уже иностранные зодчіе или

архитекторы, денежники, *) слѣсаря и даже живописцы, которые списывали портреты. Всѣ они жили весело и богато въ нашей госпепріимной Москвѣ и обучали Рускихъ тому, что знали сами. Однакожь надобно признасться, что не всѣ иностранцы приносили пользу опечесшву нашему; иные изъ нихъ вредили ему и не всегда были благодарны Россіи, въ которой почти всегда обогащались.

Возвращаясь къ описанію нравовъ предковъ нашихъ, скажемъ, что главною чертою ихъ характера, была набожность, усердіе къ вѣрѣ и привязанность къ монашесшву. Почти всѣ они желали умереть въ Ангельскои образѣ. Такъ называли они *постриженіе и принятіе схимы*, и нѣ, которые не успѣвали постричься за нѣсколько лѣтъ до смерти, старались сдѣлать это по крайней мѣрѣ за нѣсколько часовъ

*) Люди, дѣлавшіе деньги.

Это случилось и при кончинѣ Великаго Князя Василя IV, котораго жизнь неожиданно прекратилась на 54 году. Онъ почти никогда не чувствовалъ никакихъ болѣзней, любилъ дѣятельность и движеніе, былъ всегда веселъ и счастливъ, — особенно со времени рожденія сына своего, будущаго грознаго Государя Россіи, Іоанна IV, тогда еще прехлѣшняго мальчика.

Въ 1533 году, Великій Князь праздновалъ день Св. Сергія, 25-е Сентября, въ Троицкой Лаврѣ, вмѣстѣ съ супругою и дѣтьми. Въ тоже время, онъ благодарилъ Бога за избавленіе отъ непріятелей, Крымскихъ Татаръ, сдѣлавшихъ опять набѣгъ на наши владѣнія. Въ тотъ же день, Великій Князь ѣздилъ на охоту и занемогъ такою болѣзнію, которая сначала со всѣмъ не казалась опасною: у него сдѣлался вередъ на лѣвой ногѣ; но эшотъ вередъ такъ разболѣлся, что чрезъ два мѣсяца причинилъ смерть его. 21 Ноября въ ѣхалъ онъ въ Москву шагомъ, въ са-

няхъ, на постелѣ и скрытно, чтобы не встревожить народъ, горячо любившій его. Какъ скоро внесли его во дворецъ Кремлевскій, онъ тотчасъ созвалъ бояръ и приказалъ имъ писать духовную, въ которой объявилъ прехлѣшняго сына своего Іоанна — наследникомъ Государства подъ опекою матери и бояръ, до пятнадцатилѣшняго возраста; назначилъ удѣлъ меньшому сыну Юрію; просилъ братьевъ своихъ, Юрія и Андрея не забыть обѣщанія ихъ служивъ вѣрно племяннику; устроилъ многія дѣла государственныя и церковныя, однимъ словомъ не забылъ ничего, что касалось спокойствія его подданныхъ и отечества. Исполнивъ эту обязанность Государя, онъ послалъ за супругою и дѣтьми. Малюшку Іоанна принесъ на рукахъ братъ матери его, Князь Иванъ Глинскій. Умирающій отецъ благословилъ его крестомъ Св Петра Митрополита. Дити не плакало: оно не понимало еще, кого лишалось! Но за то не лъзя было видѣть безъ

слезъ опчаянія Великой Княгини: ее вынесли на рукахъ изъ спальни Государя.

Разспавшись съ супругою, Василій Иоанновичъ уже ни о чемъ болѣе не думалъ, какъ о Богѣ и душѣ своей. Онъ поспѣхъ сказалъ духовнику своему, протоіерею Алексію: „не похороните меня въ бѣлой одеждѣ: я не останусь въ міръ, если и выздоровлю.“ Эшо значило: „поспригите меня въ монахи.“ Алексій, Мишрополилъ Даніиль, и все бывшее шупъ духовенспиво, радовалось такому желанію Государя, но Князья, брашья Василія и нѣкоторые изъ вельможъ, прошивились этому; они говорили, что ни Св. Владиміръ, ни Димитрій Донской не были монахами, но вѣрно заслужили вѣчное блаженспиво. Долго они спорили и шумѣли; между тѣмъ, взоры Великаго Князя темнѣли, языкъ едва произносилъ шопотомъ молитвы; рука не могла сдѣлать креспа. Замѣшивъ это, огорченные Князья забыли споръ свой, и Мишрополилъ, пользуясь ихъ безмол-

вною печалію, самъ постригъ Государя, названнаго въ монашество *Варлаамомъ*. Едва успѣлъ онъ кончить эшопъ обрядъ и положить Евангеліе на грудь умирающаго—Василій скончался. Всѣ зарыдали и эшопъ плачь семейства и первыхъ вельможъ Государевыхъ въ шуже минушю перешель на улицы дворцовыя, гдѣ шолпился огорченнй народъ и топчасъ распроспранился до Красной площади. Василія называли *добрымъ, ласковымъ* Государемъ, и потому неудивительно, что смерть его была шакъ гореспна для всѣхъ.

Во все двадцаши-семи-лѣтнее княженіе свое онъ *судилъ и радилъ* землю,—т. е. занимался дѣлами государспвенными всякое ушро до самаго обѣда; любилъ сельскую жизнь и почши всегда проводилъ лѣшо не въ Москвѣ, а въ окрестноспяхъ ея; часто ѣздилъ на охоту въ Можайскъ и Волоколамскъ; но и шамъ даже, не любя шерять время напрасно, или на одни веселоспи, занимался дѣлами и иногда принималъ пословъ чужеземныхъ. Онъ первый началъ

ѣздитъ на охоту съ собаками: прежде Рускіе считали эсихъ живонныхъ нечистыми и не любили ихъ.

Василій IV прибавилъ къ Двору своему новыхъ чиновниковъ: *Оружникаго*, у котораго хранились оружія; *Ловчихъ*, завѣдывавшихъ охотою, *Крайтаго*, подававшаго при столѣ пише Государю и *Рындѣ*. Крайчій значилъ поже, что шеперь *Оберѣ-Шенкѣ*; а *Рынды*—были оруженосцы или родъ Пажей. Въ эту должность выбирали молодыхъ людей, красивыхъ лицомъ и спройныхъ станомъ, изъ знатныхъ фамилій. Они носили бѣлое атласное платье, держали въ рукахъ маленькіе серебряные топорики и всегда шли впереди Великаго Князя, когда онъ выходилъ къ народу. Василій любилъ пышность, когда она была нужна, и особенно, показывалъ ее во время приема чужеспранныхъ пословъ, чтобы они видѣли богатство и славу Государства его. Въ тотъ день, когда они представлялись—приказано было запирашь всѣ лавки и ос-

панавливать всѣ дѣла и работы. Чиновники выходили на встрѣчу посламъ, купцы и мѣщане, ни чѣмъ не занятые, спѣшили шолпами къ Кремлевскому дворцу. Войско, которое уже со временъ Іоанна III не распускалось по домамъ, какъ прежде — спяло въ ружьѣ. Въ пріемной комнатѣ все было тихо. Государь сидѣлъ на тронѣ; подлѣ него, на стѣнѣ, висѣлъ образъ; бояре сидѣли на скамьяхъ, въ плащѣ, вышитомъ жемчугомъ, и въ высокихъ шапкахъ изъ дорогихъ мѣховъ. Однимъ словомъ, все было важно, величественно, пышно, все показывало знаменитость Государя, самодержавную власть его надъ народомъ, богатство этого народа и безпредѣльную преданность его въ своему повелію! Больше всего удивляла пословъ эта преданность. Пламенное усердіе Рускихъ къ доброму Государю, отцу ихъ, казался такъ непонятно, для хладнокровныхъ сердецъ чужеземныхъ госшей, что одинъ изъ посланниковъ, Баронъ-Герберштейнъ, раска-

зываетъ объ эпохѣ преданности какъ о чудѣ, своимъ соотечественникамъ. Послушайте какъ онъ говоритъ и порауйтесь: вѣдь онъ говоритъ о Рускихъ, о насъ: „Рускіе увѣрены, что Великій Князь есть исполнитель воли небесной. Обыкновенныя слова ихъ: „такъ угодно Богу и Государю; это знаеніе Богъ и Государь! „Усердіе этихъ людей невѣроятно. Я видѣлъ одного изъ знатныхъ Великокняжескихъ Чиновниковъ, бывшаго посломъ въ Испаніи, сѣдаго старика, который, встрѣпивъ насъ при въѣздѣ въ Москву, скакалъ верхомъ, суешился, бѣгалъ какъ молодой человѣкъ, потъ градомъ лилъ съ его лица. Когда я изъявилъ ему свое удивленіе, онъ громко сказалъ: „Ахъ господинъ Баронъ! мы служимъ Государю не по вашему!“,

Не правда ли, милые чипапели мои, что вамъ очень понравился эпизодъ прекрасный описанъ? Не правда ли, что Баронъ Герберштейнъ, побывавъ въ нашемъ Петербургѣ, могъ бы сказать по-

чно тоже и о насъ, Рускихъ ХІХ столѣтія и подданныхъ нашего великаго, несравненнаго Николая, что онъ сказалъ о Рускихъ ХVІ вѣка и подданныхъ Василія ІV? Въ этомъ священномъ случаѣ, мы будемъ вѣчно тѣже, и какое бы плащье ни носили, какія бы обыкновенія ни приняли, любовь къ Государю, это святое, сладостное чувство Рускаго, будетъ всегда чисто, цѣло, неизмѣнно въ сердцахъ нашихъ!

ТАБЛИЦА ХХХVIII.

Семейство Великаго Князя Василя IV
Іоанновича.

Супруги: 1. *Соломонія Юрьевна*, дочь
дворянина *Сабурова*.

2. *Княжна Елена Василье-*
вна Глинская.

Сыновья: а. *Іоаннъ*, наслѣдовалъ пре-
сполъ.

б. *Юрій*.

П Р А В И Т Е Л Ъ Н И Ц А Е Л Е Н А

и

К Н Я З Ъ Т Е Л Е П Н Е В Ъ .

Опъ 1533 до 1538 года.

(Пер. 5 лѣтъ.)

Никогда Россія не была въ такомъ ненадежномъ соспоянїи, какъ послѣ смерти Василія IV: Государемъ ея былъ прехлѣпнїй ребенокъ; опекуншею его и Правительницею Государства — молодая Княгиня, изъ народа Лишовскаго, всегда ненавидѣвшаго Россію, изъ семейства *Глинскихъ*, памятныхъ

измѣнами и непостоянствомъ! Правда, что въ духовной покойнаго Великаго Князя ей приказано было управлять государствомъ не одной, но съ Думою Боярскою, т. е. Государственнымъ Совѣтомъ, состоявшимъ изъ братьевъ Василія Іоанновича и двадцати знаменитыхъ бояръ. Но такъ приказано было, однакожь такъ не исполнялось: главнымъ бояриномъ въ Думѣ Государственной, не смотря на многихъ старыхъ и почтенныхъ Князей—быль молодой Князь, Иванъ Федоровичъ Теленевъ - Оболенскій; имѣвшій значный чинъ *Конюшаго - Боярина*. Его одного слушалась Правительница; ему одному позволяла дѣлать все, что онъ находилъ нужнымъ для государства. Такую милость и довѣренность — Теленевъ заслужилъ не отличными достоинствами, не любовію къ Отечеству, не преданностію къ Государю, но красивою наружностію, привлекательнымъ обращеніемъ и искусными ласкательствами и похвалами красотою, уму и

сердцу молодой Княгини. Онъ умѣлъ говорить такъ пріятно, такъ убѣдительно, что Елена, слушая его, вѣрила всѣмъ словамъ его, и въ самомъ дѣлѣ считала себя прекраснѣе, умнѣе и добрѣе всѣхъ Государынь въ свѣтѣ. Мы обыкновенно любимъ тѣхъ, кто насъ хвалятъ, и въ легкомысліи своемъ не разсуждаемъ, что истинные друзья никогда не будутъ хвалятъ насъ съ пристрастіемъ, и что это дѣлаютъ только тѣ люди, которые имѣютъ какую нибудь нужду въ насъ. Такъ было и съ Великою Княгинею; она не думала, что хитрый Телепневъ хвалилъ ее и угождалъ всѣмъ ея желаніямъ для собственныхъ выгодъ: ему надобно было нравиться ей, чтобы чрезъ нее имѣть власть надъ всѣми. Желаніе его исполнилось, и эта власть была такъ велика, что даже родной дядя Елены, Князь Михайлъ Глинскій, былъ посаженъ въ темницу и вскорѣ потомъ умерщвленъ въ ней за то только, что осмѣлился сказать племянницѣ, какъ

она дурно исполняла обязанности Правительницы и матери Государя!

Послѣ такой жеспокоспи Елены съ ближайшимъ родственникомъ своимъ, вы можете судить, милыя дѣти, что было съ другими совѣшниками Думы! Они не смѣли разсуждать сами ни о чемъ, но должны были только исполнять то, чего желала Правительница, а она не имѣла другихъ желаній кромѣ тѣхъ, какія приходили въ голову молодого Князя Теленева! Такъ съ самаго начала ихъ общаго правленія — ему показался опаснымъ старшій дядя маленькаго Государя Князь Юрій Иоанновичъ, и — по приказанію Елены, бѣдный Князь былъ посаженъ въ пемницу и чрезъ нѣсколько времени умеръ въ ней отъ голода! Такъ потомъ, избалованный любимецъ началъ бояться замысловъ меньшаго брата его, Князя Андрея Иоанновича — и успѣлъ погубить и послѣдняго дядю Государева! Къ супругѣ

и сыну этого несчастнаго Князя приставили стражу, а бояръ и всѣхъ вѣрныхъ слугъ его мучили и умерщвляли безъ всякой пощады; Дѣтей же Боярскихъ, числомъ около тридцати, которые вздумали было защищать Андрея, повѣсили какъ измѣнниковъ, на дорогѣ Новгородской! Богъ знаетъ до чего дошли бы ужасы правленія Елены, если бы оно была продолжительнѣе; но чрезъ четыре года, она вдругъ совсѣмъ неожиданно скончалась въ совершенномъ здоровьѣ и еще цвѣтущей молодости. Многие подозрѣвали, что она умерла не своею смертию. Такое подозрѣнiе было не удивительно, судя по жеспокоснямъ, обыкновеннымъ въ то время. Но не чувствуя никакой любви къ Еленѣ, ни бояре, ни народъ не опыскали злодѣевъ, сдѣлавшихъ это пресупленiе, и даже не показали никакой печали при погребенiи этой слабой и несчастной Государыни. Только маленькiй Великiй Князь и Телепневъ

неуспѣшно плакали: первый — лишился матери, послѣдній — предчувствовалъ, что все счастье его безвозвратно исчезнетъ съ жизнью Елены!

ДѢТСТВО и ПЕРВАЯ МОЛОДОСТЬ

ІОАННА ІV.

Отъ 1538 до 1546 года.

(Пер. 8 лѣтъ.)

Изъ всѣхъ людей, которыхъ вы знаете, милыя дѣти, никто не любитъ васъ такъ нѣжно, какъ ваши родители. Съ какою заботливостію стараются они сдѣлать васъ добрыми, умными, любезными! Какъ веселятъ ихъ малѣйшіе успѣхи ваши! Какъ огорчаютъ недоспашки! Ничѣмъ не лѣзя болѣе обрадовать вашу маменьку или вашего папеньку, какъ

сказавъ: „Какой умный мальчикъ сынонокъ вашъ! Какъ хвалятъ его всѣ учителя! А дочка? что за милая дѣвочка! какъ она добра и ласкова ко всѣмъ! Вы очень, очень счастливы!“ Слушая это, всѣ родители чувствуютъ себя точно счастливыми и вознагражденными за всѣ тѣ безчисленные попеченія и заботы какихъ споишь для нихъ воспитаніе дѣтей! Эти попеченія и заботы, въ самомъ дѣлѣ безчисленны! вспомните все то, что дѣлаюшь для васъ каждый день папенька и маменька,—и вы сами поймете, что чужой человекъ никогда не вѣдумаетъ, никогда не догадается и даже—никогда не захочетъ сдѣлать шакъ много! Стало быть, потерять родителей есть такое несчастіе для ребенка, которое не можетъ сравниться ни съ какимъ другимъ! Почти никогда, или очень, очень рѣдко встрѣтишь онъ людей, которые бы могли въ полной мѣрѣ замѣнить его потерю! Юаннь III даже и на тронѣ—не нашель

такихъ! О какъ вы пожалѣете объ этомъ маленькомъ Государѣ, милья дѣти, когда узнаете, что было съ нимъ послѣ смерти матери!

Правленіе осталось тогда въ рукахъ Думы Боярской, или лучше сказать, въ рукахъ тѣхъ бояръ, кошорые будучи смѣлѣе другихъ, присвоили себѣ власть надъ всѣми! То были Князья *Шуйскіе*, потомки Князей Суздальскихъ, всегда ненавидѣвшіе Великихъ Князей за уничтоженіе Удѣловъ. Главнымъ изъ нихъ былъ Князь Василій Васильевичъ. Преклонивъ къ себѣ разными средствами многихъ бояръ и чиновниковъ, онъ объявилъ себя, въ самый день кончины Елены, главнымъ въ правленіи и чрезъ недѣлю велѣлъ схватить Князя Телепнева и сестру его, боярыню Агриппину, которая была любимою надзирательницею при маленькомъ Іоаннѣ. Ни просьбы, ни слезы бѣднаго малютки - Государя не спасли любимцевъ его, и перваго Шуйскій уморилъ голодомъ въ темницѣ, вторую

сослалъ въ небольшой городъ Каргополь и велѣлъ постричь въ монахини. Чтobъ еще надежнѣе утвердиль власть свою, онъ постарался сдѣлаться родственникомъ Государя и женился на двоюродной сестрѣ его. Но не смотря на все это, Богъ не допустилъ его долго управлять Россіею, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ занемогъ и умеръ, оставивъ всю власть въ рукахъ роднаго брата своего, Князя Ивана Васильевича Шуйскаго. Бѣдное отечество наше терпѣло еще болѣе при этомъ новомъ правителѣ: онъ не имѣлъ никакихъ хорошихъ качествъ и былъ золь, гордъ и дерзокъ не только противъ бояръ, но даже противъ самаго Государя, который и въ дѣтскомъ возрастѣ долженъ быть предметомъ священнаго уваженія для подданныхъ. Обращеніе же Шуйскаго совсѣмъ не показывало того: во всѣхъ поступкахъ его примѣтно было, что онъ считалъ себя гораздо важнѣе маленькаго Іоанна. Кромѣ того, онъ былъ такъ

жадень, что бралъ изъ казны Велико-княжеской множество золота, приказывалъ дѣлать изъ него разную посуду для себя, и вырѣзывать на ней имена своихъ предковъ. Всѣ важныя должности и выгодныя мѣста онъ раздавалъ родспвенникамъ и друзьямъ своимъ, копорые безъ милосердія разоряли ввѣренныя имъ области. При такомъ нравѣ и при такихъ распоряженіяхъ главнаго вельможи и правителя государства, читатели мои могутъ представить себѣ каково было воспитаніе Іоанна! Ни онъ, ни помощники его— три другіе Князя Шуйскіе: Иванъ и Андрей Михайловичи и Федоръ Ивановичъ Скопинъ-Шуйскій, совсѣмъ не думали, что счастье всего народа зависитъ отъ качества сердца и ума его Государя. Напротивъ того, они разсуждали, что всего выгоднѣе для нихъ самихъ было бы, то, еслибъ Іоаннъ и въ совершенномъ возрастѣ не входилъ ни въ какія дѣла и предоставилъ бы имъ управлять государ-

Часть II.

ствомъ, и для того рѣшились воспитать его такъ, чѣобы онъ не любилъ никакихъ занятій и думалъ объ однихъ забавахъ и удовольствіяхъ. Къ тому же, исполняя всѣ дѣтскія желанія Великаго Князя, они надѣялись, чѣо онъ ни къ кому не будетъ такъ привязанъ, какъ къ Шуйскимъ. И такъ, эти гордые, самолюбивые, жестокіе бояре, думавшіе только о себѣ, а не о своемъ бѣдномъ отечествѣ, — каждый день забавляли маленькаго Государя шо новыми играми во дворцѣ, шо разнаго рода охотою въ полѣ. Охота, во время кошорой люди, съ такимъ веселіемъ убиваютъ невинныхъ животныхъ, располагаетъ сердце къ жестокости, и дѣши, такъ легко принимающія всѣ впечатлѣнія и не имѣющія еще разсудка взрослыхъ людей, чѣобы предохранить себя отъ дурныхъ, никогда не должны видѣть охоту, а не только сами участвовать въ ней. Бѣдный малюшка Іоаннъ, смотря почти каждый день на травлю дикихъ животныхъ, невольно

привыкъ къ такой жестокости, что уже для него сдѣлалось удовольствіемъ мучить и домашнихъ. Часто, сидя на высокомъ крыльцѣ Кремлевскаго дворца, бросалъ онъ опшуда на землю комнатныхъ собачекъ, кошекъ, кроликовъ, бѣлокъ, и когда несчастные визжали самымъ жалобнымъ голосомъ опъ ушибовъ, а другіе и совсѣмъ умирали, — жестокій ребенокъ весело смѣялся и радовался ихъ мученіямъ, а безразсудные бояре говорили: „пусть *Державный* веселится!“ Съ такимъ воспитаніемъ, вовсе не удивительно, что жестокость Иоанна постепенно увеличивалась, и чрезъ нѣсколько лѣтъ ему захотѣлось уже мучить и людей. Для этой забавы, онъ держалъ медвѣдей, и часто, когда добрый народъ сходился на площадь дворцовую, поглядѣть на свое *Красное Солнышко*, *Надежу-Государя*, — этошь Государь приказывалъ выпускать двухъ или трехъ медвѣдей, которые бросались на всѣхъ, кто не успѣвалъ убѣжать опъ нихъ. Такъ

Царственное Дитя, одаренное отъ природы рѣдкимъ умомъ и великими способностями—проводило драгоцѣнное время свое во все правленіе Шуйскихъ, которые старались опідалять отъ него всѣхъ умныхъ, добродѣтельныхъ и усердныхъ бояръ. Они употребляли къ тому всѣ возможныя средства и многіе были сосланы, заключены въ темницы, дажв лишены жизни! Въ числѣ такихъ жертвъ властолюбія Шуйскихъ, знаменитѣе, добрѣе и несчастнѣе всѣхъ, былъ Князь Иванъ Федоровичъ Бѣльскій, родственникъ Государя. По уму и добродѣтелямъ, онъ одинъ могъ быть достойнымъ воспитателемъ Іоанна и правителемъ государства. Шуйскіе замѣтили это—и несчастный Князь, не смотря на высокое мѣсто, занимаемое имъ въ Думѣ боярской, не смотря на пользу, какую принесли Россіи совѣты его во время бывшаго въ 1541 году нашесловія на наши области Хана Крымскаго и Царя Казанскаго, не смотря на близкое родство его съ Великимъ

Княземъ—быль посаженъ въ шемницу и вскорѣ попомъ умерщвленъ въ ней, безъ вѣдома Іоанна, по одному приказанію Шуйскихъ!

Такое ужасное состояніе Двора и всего народа продолжалось до принадесяти лѣтняго возраста Государя. Въ это время, два дяди его — Князья Глинскіе, Юрій и Михайль Васильевичи, ненавидѣвшіе Шуйскихъ, начали говорить племяннику, что уже пора ему опнять власть у жестокыхъ бояръ, управлявшихъ его именемъ, что пора ему объявить себя настоящимъ Государемъ и, избавивъ народъ отъ неслыханныхъ припѣсненій, наказати главныхъ тирановъ. Іоаннь, никогда не любившій Шуйскихъ, за ихъ дерзкое обращеніе съ нимъ, и за то, что они всегда нападали на любимцевъ его, охотно выслушалъ совѣтъ дядей, и, ничего никому не сказывая, вдругъ созвалъ къ себѣ бояръ 29 Декабря 1543 года, и объявилъ имъ, что видя какъ безсовѣстно многіе изъ нихъ, пользуясь

его молодостию, грабятъ и убиваютъ его подданныхъ, онъ рѣшился наказать виновныхъ, и прежде всѣхъ— Князей Шуйскихъ. Бояре были чрезвычайно удивлены смѣлостію маленькаго Князя, до сихъ поръ думавшаго объ однихъ забавахъ, и прежде нежели успѣли опомниться — главный изъ Шуйскихъ, уже былъ выведенъ на улицу и отданъ на волю *псарей*, которые въ свою очередь отдали его звѣрямъ на расперзаніе. Всѣ молчали, и никто изъ родственниковъ и друзей несчастнаго, не смѣлъ показать ни малѣйшаго неудовольствія: такъ грозенъ былъ видъ тринадцати-лѣтняго Государя и такъ искусно новые правители — Князья Глинскіе—устроили планъ свой!

Въ тотъ же день всѣхъ Шуйскихъ и приверженцевъ ихъ заключили въ темницы или сослали въ отдаленныя мѣста. Народъ радовался паденію притѣснителей своихъ, воображая, что теперь всѣ будутъ спокойны и счастливы. Но какъ жестоко обманул-

ся онъ! Враги его не исчезли, но только перемѣнили имя, и вмѣсто Шуйскихъ сдѣлались Глинскіе! а Государь, входя въ возрастъ, не любилъ ни въ чемъ противорѣчій, и съ малолѣтства пріученый къ жестокости, не имѣлъ ни какого понятія о состраданіи и не жалѣлъ ни кого. Безпрестанно говорили шо о гнѣвѣ Великаго Князя на того изъ бояръ, шо о новомъ наказаніи другаго, шо о ссылкѣ претьяго! Такъ одному придворному чиновнику — за нѣсколько дерзкихъ словъ отрѣзали языкъ; такъ у пятидесяти Новгородцевъ отрубилъ головы за шо только, что они осмѣлились пожаловаться Іоанну на прихѣсенія, какія дѣлали имъ бояре-любимцы его! Однимъ словомъ, нѣсколько лѣтъ первой молодости Іоанна IV предвѣщали столько жестокостей и столько бѣдствій для его подданныхъ, что только одна безпредѣльная привязанность Рускихъ къ Государю своему, помогла имъ перенести страданія ихъ! Не смѣя роп-

шамъ на того, кто назначень былъ Богомъ управлять ими, они усердно просили Господа умилоствити сердце его и послать ему умныхъ и добрыхъ совѣтниковъ, которые бы говорили ему о нуждахъ народа его, а не о забавахъ и веселостяхъ. Уже четыре года Рускіе молились о томъ, и Иоанну исполнилось семнадцать лѣтъ.

ЧУДЕСНАЯ ПЕРЕМѢНА.

1547 годъ.

Было утро 16 Января 1547 года. Яркіе лучи солнца, хотя мало грѣли, но за то осыпали алмазными искрами бѣлый снѣгъ, покрывавшій улицы Московскія. По этимъ улицамъ — не широкимъ и великолѣпнымъ какъ тѣ, копорыя окружаютъ теперь Кремль. — но узкимъ, заспироеннымъ бревенчатymi домами, полпился народъ въ праздничномъ нарядѣ, ѣхали бояре въ разукрашенныхъ саняхъ, шло войско — хотя не похожее видомъ и одеждою

на наше нынѣшнее — стройное и прекрасное, но столько же храброе, столько же усердное къ отечеству, столько же вѣрное къ Государю!

Всѣ эти люди были веселы, на всѣхъ лицахъ написано было какое-то пріятное ожиданіе. Какъ вы думаете, милыя дѣти, куда всѣ они шли и какой праздникъ былъ тогда въ Москвѣ? — О! былъ праздникъ большой, торжественный, драгоцѣнный для народа Рускаго во всѣ времена его исторіи: было коронованіе или вѣнчаніе на царство Государя!

Іоаннь, вскорѣ послѣ того, какъ ему исполнилось семнадцать лѣтъ, объявилъ Митрополипу и вельможамъ, что онъ намѣренъ короноваться. Извѣстіе о такомъ намѣреніи обрадовало весь народъ: всѣ надѣялись, что священная минуша, — въ которую Іоаннь, въ церквѣ и предъ Престоломъ Божиимъ приметъ на себя, вмѣстѣ съ Царскимъ вѣнцемъ, святыя обязанности Государя — будетъ имѣть счастливое

дѣйствіе на сердце его; что онъ почувствуетъ всѣ ужасы дурнаго правленія и сдѣлается другимъ человекомъ. Такъ думали добрые предки наши и усердныя молитвы ихъ, нѣсколько лѣтъ возносимыя къ Богу объ исправленіи Іоанна, давали имъ право надѣяться шакаго чуда отъ милосердія Того, Кому все возможно.

Вошъ отъ чего они шакъ весело спѣшили въ Кремль, къ Успенскому Собору, гдѣ уже все было готово, въ шакомъ же порядкѣ какъ при коронованіи несчастнаго Димитрія Іоанновича, котораго маленькіе чипаптели мои вѣрно не забыли. Іоаннь, также какъ и шотъ молодой Князь, торже спвенно шель изъ дворца въ Соборъ въ сопровожденіи брата, дядей и всего Двора, также сидѣль съ Митрополитомъ на возвышеніи, покрытомъ золотою парчею, также вѣнчался шою Царскою короною, присланною изъ Греціи, кошорую, какъ говорятъ намъ лѣтописи, Владимірь Мономахъ ошдалъ сыну своему

Георгію. Судьба, украсивъ ею на одну минуту Димитрія, не дала ему счастья носить ее; и такъ, первый Государь Рускій, удостоившійся вѣнчаться ею, былъ Іоаннъ IV. Съ той минуты, какъ этотъ драгоцѣнный знакъ достоинства Царей, возложенъ былъ на молодого Государя, онъ уже сдѣлался не только *Великиѣмъ Княземъ*, какъ все предки его—но и *Царемъ* Россіи. Мысль объ этомъ высокомъ званіи, о важности обязанностей его, о присутствіи Бога, принимающаго обѣщаніе Царей любить подданныхъ, какъ дѣтей своихъ—все это вмѣстѣ подѣйствовало такъ сильно на пылкую душу Іоанна, что выходя изъ церкви, онъ истинно желалъ сдѣлать счастливыми всѣхъ своихъ подданныхъ. Народъ, восхищенный величественнымъ видомъ перваго Царя своего, ласковыми взорами Его, надеждою на будущее счастье—съ восторгомъ бросился къ Царскому мѣсту, и оборвалъ съ него всю золотую парчу. Каждому хотѣлось имѣть хотя

маленькій лоскутокъ на память этого незабвеннаго дня.

Между тѣмъ, еще за нѣсколько недѣль до коронаванія, знатные чиновники придворные посланы были во всѣ области Рускія съ Указами Государя о томъ, что бы бояре и дворяне, имѣвшіе дочерей дѣвицъ, везли ко Двору всѣхъ, самыхъ прекрасныхъ изъ нихъ. Вы вѣрно удивляетесь, милыя дѣшнн, за чѣмъ нужно было при Дворѣ, такое собраніе красавицъ? А вотъ за чѣмъ, друзья мои: многіе изъ спаринныхъ Государей нашихъ не хотѣли жениться на Принцессахъ иностранныхъ и надѣясь прожить счастливѣе съ своею соотечественницею, выбирали невѣстъ изъ своихъ подданныхъ. Для этого привозили изъ всѣхъ мѣстъ Россіи молодыхъ дѣвицъ, прекрасныхъ собою, дочерей бояръ и дворянъ знатныхъ и не знатныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ; и Государь выбиралъ изъ нихъ ту, которая болѣе всѣхъ ему нравилась.

Но ни при одномъ изъ такихъ случаевъ не собиралось въ Москвѣ столько прекрасныхъ, милыхъ, добрыхъ дѣвушекъ, какъ въ Январѣ 1547 года, когда Іоаннъ вскорѣ, послѣ коронованія хошѣлъ праздновать и свадьбу свою. Съ каждою изъ нихъ, пріѣзжали родители, а часто и родственники, и по этому вы вѣрно воображаете, милыя дѣши, что въ Москвѣ было въ это время очень шумно и весело? О! какъ же вы ошибаетесь! Всѣ эти дѣвицы,—или какъ тогда называли ихъ—*болрышны*, не пользовались почти ни однимъ изъ тѣхъ невинныхъ удовольствій, какія имѣютъ теперь наши Рускія барышны. Всѣ онѣ проводили жизнь въ *теремахъ* *) родительскихъ, совсѣмъ отдѣльныхъ отъ той части дома, гдѣ отецъ или братья принимали гостей своихъ. Почши никогда не выходили

*) *Теремолъ* назывались у предковъ нашихъ отдѣльныя комнаты для дѣвицъ, обыкновенно помѣщаемыя въ верхней части зданія.

онъ за порогъ своихъ комнатъ, и къ тому же, ихъ не учили ни какимъ пріятнымъ искусствамъ, которыми онъ могли бы развлечь скуку своего уединенія. Онъ не умѣли не только рисовать или играть на какомъ нибудь инструментѣ, но даже не имѣли понятія и о прошомъ чтеніи и письмѣ, въ которыхъ у насъ теперь иныя пышлѣтнія дѣвочки бывающъ искусны! О! какъ я рада, что мы не родились въ то время, неправда ли, маленькія читательницы мои? Скучно было бы намъ сидѣть въ какомъ нибудь высокомъ перемѣ и ничего болѣе не дѣлать какъ прясль да шить, и иногда развѣ прогонять свою скуку какою нибудь заунывною пѣсенкою, въ которыхъ, говорятъ, были очень искусны наши пра-пра-прабабушки!

Красавицамъ, привезеннымъ ко Двору молодого Царя Іоанна Васильевича и въ Москвѣ не было веселѣе, шѣмъ болѣе, что слухи о строгомъ, сердитомъ и даже жестокомъ нравѣ

жениха, такъ пугали бѣдняжекъ, что и самыя честолюбивыя не очень желали быть избранными. Другія же, болѣе скромныя, даже боялись этого выбора и едва поднимали прекрасные глаза свои, когда молодой Государь смолрѣлъ на нихъ. Но какъ обыкновенно, скромность нравилась болѣе всего въ дѣвицѣ, то и Иоаннъ выбралъ изъ всѣхъ красавицъ самую скромную и отъ того, самую прелестную, Анастасію, дочь небогашой вдовы Захарьиной. Покойный отецъ невесты, Романъ Юрьевичъ, былъ Окольничимъ, а дѣдушка бояриномъ при Иоаннѣ III. Предки ихъ происходили отъ одного Прускаго Князя, выѣхавшаго въ Россію съ двумя сыновьями и крестившагося въ Греческую вѣру въ 1287 году. Не забудьте этого Романа Юрьевича, милыя дѣти, отъ него произойдетъ въ послѣдствіи драгоцѣнное для насъ поколѣніе Романовыхъ,—Романовыхъ, уже болѣе двухъ сотъ лѣтъ составляющихъ счастье Россіи!

И такъ, Анастасія была дочь знаменишаго родоначальника Царей нашихъ. Всѣ историки того времени, съ восторгомъ говорятъ о прекрасныхъ качествахъ души и сердца эпой первой *Царицы Руской!* Благочестіе, умъ, чувствительность, неизъяснимая кротость — все соединялось въ прелестной супругѣ Іоанна Васильевича. Смотря на ея милое, привлекательное лице, на ея небесные взоры, можно было подумать, что молитвы добраго народа услышаны и прекрасный Ангельская посланъ на землю превратить грубое, суровое сердце Іоанна — въ нѣжное и сострадательное. Жестокости Іоанна, въ самомъ дѣлѣ уменьшились послѣ женитьбы его, а чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ и совсѣмъ кончились. Эта счастливая переменна была такъ удивительна, что маленькіе чипатели мои вѣрно будутъ довольны, если я расскажу имъ какъ она сдѣлалась.

Іоаннъ, и послѣ коронаціи своего, мало думалъ о Царскихъ обязанно-

спяхъ и не любя заниматьсѣ дѣлами предоставлялъ все на волю Глинскихъ, родственниковъ и любимцевъ своихъ, которые, не заботясь о пользѣ народа, думали только о своей собственной и безсовѣстно приписывали всѣхъ, кто хоща въ бездѣлицѣ противорѣчилъ имъ, такъ что народъ возненавидѣлъ не только ихъ, но даже всѣхъ ихъ друзей и знакомыхъ.

Случай, показавъ эту ненависть вскорѣ представился. Въ Москвѣ, состоявшей почти изъ однихъ деревянныхъ домовъ, выстроенныхъ безъ всякаго порядка и очень близко одинъ къ другому—часто бывали пожары. Они были ужасны въ то время, когда еще не знали никакихъ пожарныхъ снарядовъ. 1547 годъ былъ особенно несчастливъ такими случаями. Въ два мѣсяца были тогда три страшные пожара. Все горѣло—и Царскіе дворцы, и боярскія палаты, и монастыри и церкви!—Люди, теряя не только имѣніе, но даже и родныхъ, или раздавленныхъ или сгорѣвшихъ—

выли какъ дикіе звѣри—сказано въ исторіи. И въ эпомъ горестномъ положеніи, никто не утѣшалъ ихъ: Іоаннъ и всѣ первые вельможи уѣхали въ село Воробьево, недалеко отъ Москвы, и будучи сами въ безопасности, не думали о бѣдныхъ жителяхъ столицы. Недовольные рѣшились воспользоваться этимъ случаемъ. Главные непріатели были Глинскіе, и такъ на нихъ—по обратилась вся ненависть народа. Хитрецы, подстрекавшіе простолудиновъ выдумали глупую сказку, будто бы мать Глинскихъ, Княгиня Анна, вынимала сердца изъ мертвыхъ, клала въ воду, кропила ею всѣ улицы, и отъ того сдѣлался пожаръ. Бояре и другіе умные люди не вѣрили такому вздору, но нарочно молчали, потому что и сами не любили Глинскихъ, и ожидали, что бы легкомысленный народъ повѣрилъ и избавилъ всѣхъ отъ общихъ припѣснителей. Такъ и случилось. Какъ скоро сказка разнеслась по городу, всѣ вспревожились и съ шумомъ

собрались на площади Кремлевской, пребуя опъ бояръ, чѣтобы имъ выдали всѣхъ Глинскихъ. Одинъ изъ нихъ, Князь Юрій, споя шуть же съ боярами, услышалъ эшопъ крикъ и хотѣлъ спряшаться въ Успенской церквѣ, но не успѣлъ: народъ ворвался въ церковь вслѣдъ за нимъ, и въ безумной ярости своей сдѣлалъ неслыханное злодѣйство: убилъ въ храмъ Божіемъ дядю Государева! Вы можете судить, друзья мои, чѣто послѣ эшого страшный бунтъ, грабительство и убійство распространились по всему городу!...

Въ эши ужасныя минуты, — когда и самъ грозный, беспрашный Иоаннъ вспревожился въ Воробьевомъ дворцѣ своемъ, и не зналъ, чѣто дѣлать — въ Царскую комнату его вошелъ какой-то простой священникъ. Лице его было сурово, взоры строги. Держа въ рукахъ Св. Писаніе, онъ подошелъ безъ всякаго страха къ Иоанну и пророческимъ голосомъ сказалъ, чѣто Богъ наказываетъ Москву за вины Государя, не исполняю-

щаго своихъ обязанностей. Святая книга была раскрыта на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ описывались эти обязанности. Онъ далъ прочесть ихъ молодому Царю и все перемѣнилось въ Иоаннѣ! Въ эту священную минуту исправленія своего, онъ почувствовалъ въ полной мѣрѣ всѣ проступки свои, всю несправедливость, всю безпечность свою о народѣ, котораго счастье зависѣло отъ одного его! Горькія слезы полились изъ глазъ его; съ жаромъ благодарилъ онъ добродѣтельнаго священника и не хотѣлъ растаться съ нимъ, что бы имѣть всегда съ собою совѣтника и наставника въ трудномъ дѣлѣ правленія государствомъ. Съ того же дня,—священникъ, котораго родина была—Новгородъ, а имя, Сильвестръ,—остался во дворцѣ, и все пошло иначе. У Иоанна былъ еще одинъ любимецъ, прекрасный молодой человекъ, Алексѣй Федоровичъ Адашевъ, котораго современники называли *земнымъ ангеломъ*: такъ онъ былъ добръ, уменъ, благоуро-

день. Вотъ эти два человека, со дня исправленія молодаго Государя сдѣлались почти единственными совѣшниками его. Прежде всего, онъ усмирилъ бунтовщиковъ и помогъ всѣмъ бѣднымъ, потерпѣвшимъ отъ пожара; потомъ, чтобъ еще болѣе утвердиться въ добрыхъ намѣреніяхъ своихъ, онъ нѣсколько дней постился, каялся въ грѣхахъ своихъ, и наконецъ причастился Св. Тайнъ. Примирясь такимъ образомъ съ Богомъ и совѣстію, эшотъ великій Государь хотѣлъ показать свое исправленіе не только передъ Москвою, но и передъ всею Россіею, и для шого велѣлъ созвать изъ всѣхъ городовъ, людей избранныхъ всѣхъ сослояній. Они всѣ съѣхались, не зная за какимъ дѣломъ призывалъ ихъ Государь въ столицу,—и вотъ, въ одно воскресенъе, послѣ обѣдни, Іоаннъ вышелъ изъ Кремля со всѣмъ духовенствомъ, боярами и войскомъ, на большую площадь, гдѣ находилось возвышеніе, называемое

Лобнымъ мѣстомъ. *) Вся площадь была покрыта народомъ, но все было тихо. Отслужили молебенъ. Тогда Юаннъ обратился къ Митрополиту и сказалъ: „Свяшый Владыко! знаю твою любовь къ опечесиву: помоги мнѣ въ моихъ добрыхъ намѣреніяхъ! Рано Богъ лишилъ меня опца и мащери, а вельможи не старались обо мнѣ; своевольствовали, опнимали моимъ именемъ у людей чины и богатство, пришѣсняли народъ — и ни кто не останавливалъ ихъ! Въ жалкомъ дѣпсшвѣ своемъ, я былъ какъ будто бы глухъ и нѣмъ: не слушалъ бѣдныхъ и не защищалъ ихъ! Судьи несправедливые! вы дѣлали, что хопѣли! Сколько слезъ, сколько крови опъ васъ пролилося! Я не виноватъ въ этой крови и слезахъ!“ — Здѣсь молодой Царь поклонился на всѣ стороны и продолжалъ такъ: „Люди Божіи и Богомъ намъ данные! умоляю вашу вѣру къ Нему и любовь къ намъ:

*) Оно существуетъ и теперь.

будьте великодушны! Нельзя исправить *прошедшаго* зла! Я могу только *впередо* спасать васъ отъ припѣсненій. Забудьте, чего ужъ нѣтъ и не будетъ! Соединимся всѣ любовію христіанскою. Съ этого дня я вашъ судія и защитникъ!»

Чего не лъзя было ожидать отъ такого Государя, который въ семнадцатъ лѣтъ, и при всемъ дурномъ воспитаніи своемъ, имѣлъ сполько величія и благородства? О! какъ сильно крошкія слова его восхитили всѣхъ Рускихъ! Они увидѣли счастливую перемѣну въ сердцѣ Царя, увидѣли исполненіе молитвъ своихъ и съ радостными слезами обнимали и поздравляли другъ друга съ новымъ правленіемъ. Оно — съ этого счастливаго дня — въ самомъ дѣлѣ сдѣлалось новое: власть бояръ кончилась, и Государь началъ управлять не по ихъ волѣ, но по своей собственной, всегда болѣе благодѣтельной для народа.

К А З А К И.

Отъ 1547 до 1552 года.

(Пер. 5 лѣтъ.)

Вмѣстѣ съ нравомъ Іоанна пере-
мѣнилось и все его окружавшее. На
Кремлевской площади уже не слышны
были крики людей, бѣжавшихъ отъ
злыхъ медвѣдей; въ комнатахъ дворца
уже не раздавался хохотъ шуповъ,
шупихъ и скомороховъ, *) которыхъ

*) Такъ называли людей веселыхъ и забавныхъ, кото-
рыхъ привозили изъ разныхъ областей: должность
ихъ была смѣшить Государя, во всякое время, когда
позволялось это.

было тамъ множешво въ то время, когда Іоаннъ занимался только забавами. Нѣтъ! теперь занятія его были совсѣмъ другаго рода: каждый часъ употреблялъ онъ на что нибудь полезное, каждую минуту думалъ о томъ, чтобы вознаградить недоспашокъ своего воспитанія. Во время же отдыха отъ трудовъ, наслажденіемъ его были, не прежнія, жестокія забавы — но пріятное общество добродѣтельной и прелестной супруги и умнаго друга его — Адашева. Благочеспивая, крошкая, прекрасная душа первой, утверждала молодого Царя во всѣхъ добрыхъ намѣреніяхъ его, и молилась о продолженіи ихъ; а проницательный, твердый, дѣятельный умъ впораго, помогалъ ему открывать несправедливости и защищать слабыхъ отъ прищесненій сильныхъ. Великія способности Іоанна Васильевича, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе удивляли счастливыхъ подданныхъ его. Какъ скоро образъ жизни его перемѣнился—

не смотря на множество различныхъ и прудныхъ занятій, не смотря на чрезвычайную молодость свою, онъ принялся за дѣло — самое важное для государсва: *законодательство*. Вмѣстѣ съ умнѣйшими боярами, онъ разсмотрѣлъ всѣ прежніе законы Великихъ Князей и послѣднее Уложеніе Іоанна III-го, и дополнивъ его новыми постановленіями издалъ въ 1550 году книгу законовъ: *Судебникъ*, или впрочемъ *Рускую Правду*.

Для лучшаго образованія юношества, приготавливавшагося къ духовному званію, — молодой, попечительный Государь приказалъ завести училища въ Москвѣ и въ другихъ городахъ.

Онъ хотѣлъ просвѣпить не одно духовенство, но и весь народъ свой, и для того поручилъ одному Саксонцу Шлишшу, который жилъ въ Москвѣ, вывезти изъ Нѣмецкой земли разныхъ ремесленниковъ, художниковъ, лекарей, аптекарей, типографщиковъ и другихъ искусныхъ людей. Это благотѣльное

намѣреніе молодаго Государя не исполнилось: Шлиштъ, хопя и отправился въ Германію и уже набралъ шамъ 120 человекъ; но Ливонскіе Рыцари, боясь, что вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ Россіи, могущество и сила ея еще болѣе увеличатся,—не допустили въ Москву умныхъ Нѣмцевъ, и самага Шлипта посадили въ темницу. Однакожь нѣкоторые изъ нихъ пробрались потомъ въ Россію и были полезны для предковъ нашихъ своими знаніями.

Ливонцы шѣмъ болѣе боялись Россіи, что въ это время Рыцари ихъ уже не были шѣми храбрыми, неустрашимыми воинами, которыми не разъ удавалось побѣждать предковъ нашихъ. Лишась помощи Нѣмецкаго Ордена въ Пруссіи, уничтоженнаго Польскимъ Королемъ Сигизмундомъ въ 1522 году, они сдѣлались гораздо слабѣе, и уже не смѣя нападать на владѣнія наши, заключили въ 1503 году перемиріе съ Россіей на пятьдесятъ лѣтъ.

Во время такого продолжительнаго спокойствія, Ливонцы болѣе занимались торговлею, опъ копорой шакъ разбогатѣли, шакъ привыкли къ пріятностямъ жизни, къ нѣгѣ, къ роскоши, что Рыцари и дворяне ихъ, ничего болѣе не дѣлали, какъ шолько строили себѣ великолѣпныя замки, и думали уже не о войнѣ и ея опасностяхъ, но о томъ, какъ бы имъ веселѣе пожить и попировать въ своихъ богатыхъ помѣстьяхъ. Они охотно откупались опъ всякой войны деньгами, чтобы шолько не разсваваться съ своими пріятными забавами, и по этому милые чипапелы мои могутъ судить, что Іоанну IV нечего было опасаться Ливоніи. Онъ досадовалъ на нее шолько за то, что она не пропустила къ намъ людей, для него нужныхъ, и собирался жестоко наказать ее за такую дерзость.

Но гораздо болѣе превозжили его Ханы Крымскіе. Изъ нихъ, Магметъ-Гирей, еще при Васиіи Іоанновичѣ имѣлъ намѣреніе соединить при Батыева Цар-

ства: Казань, Аспрахань и Крымъ или Тавриду въ одно государство, и тогда, бѣдные предки наши можетъ бытъ, опять подпали бы подъ власнь Тапаръ; но Богъ избавилъ Россію отъ этого новаго несчастія, и хотя Магмешъ-Гирею удалось сдѣлать Казанскимъ Царемъ, брата своего Саиль-Гирея, однакожь онъ самъ вскорѣ убитъ былъ Нагайскимъ Ханомъ Мамаемъ, а наследники его не имѣли столько ума и твердости, чшобы исполнишь его намѣреніе. Они вмѣстѣ съ Казанцами только превожили границы наши частыми набѣгами и разоряли жителей, но Іоаннъ Васильевичъ, имѣя храбрыхъ воеводъ, умѣлъ усмирять ихъ, и даже могъ уже думать о совершенномъ покореніи этихъ непокойныхъ враговъ. Опаснѣе всѣхъ—казались ему Казанцы, какъ самые близкіе и самые хитрые сосѣди владѣній нашихъ. Нѣсколько разъ уже молодой Царь посылалъ войско для покоренія этой области, но напрасно: крѣпость Казанская, хотя и

деревянная — выдерживала всѣ нападенія, и не сдавалась! Однакожь, Іоаннъ Васильевичъ, — какъ всѣ умные и твердые люди — не боялся неудачь: напрошивъ того, при каждой изъ нихъ, онъ увеличивалъ свои усилія, и всегда думалъ, что рано или поздно, онъ будетъ успешны. Такъ, возвращаясь въ одномъ изъ такихъ походовъ — опшѣнъ Казанскихъ — онъ оспановился въ 30 верснахъ опшѣ нихъ, у высокой горы, называвшейся *Круглою*. Подлѣ нее текла рѣка *Свіяга*. Съ вершины этой горы открывался неизмѣримый видъ во всѣ стороны. Іоаннъ, любуясь красотою мѣсна, съ восхищеніемъ вскричалъ: „Здѣсь будетъ городъ Христіанской! Стѣснимъ Казань: Богъ отдастъ ее намъ въ руки!“, Молодой, но великій Государь сказалъ это — и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ — прекрасный городъ *Свіяжскѣ* уже красовался на Круглой горѣ, и возвышаясь почти надъ самою Казанью, какъ будпо бы уже гордился своею будущею надъ нею побѣдою!

Поспсройвъ эту новую крѣпость для защиты подданныхъ своихъ отъ нападеній Казанцевъ, Іоаннъ IV черезъ годъ построилъ еще двѣ другія оны набѣговъ Крымскихъ Татаръ: городъ *Михайловѣ* на рѣкѣ Пронѣ въ Рязанской области и *Шатскѣ*, на рѣкѣ Цнѣ, въ нынѣшней Тамбовской Губерніи. Но главною защитою той части отечества нашего, которая лежала между Азовскимъ и Каспійскимъ морями, сдѣлался въ то время новый, храбрый и неустрашимый народъ, о которомъ давно уже пора рассказать моимъ читателямъ.

Это были Казаки, млыя дѣти, Казаки, копорые такъ смѣлы на войнѣ, такъ искусны въ сраженіяхъ, такъ ловки и проворны верхомъ на маленькихъ быстрыхъ лошадахъ своихъ; Казаки, копорыхъ всѣ вы такъ любите, копорыхъ *Атаманолѣ* или главнымъ Начальникомъ теперь — нашъ прекрасный Ангелъ, нашъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ! Мы видимъ Его

въ казачьемъ мундирѣ чаще нежели въ другихъ: спало бытъ Онъ любитъ Казаковъ, а эта любовь доказываетъ, что они добрые, честные, благородные люди. Какъ же должно быть пріятно узнать о томъ, гдѣ и какъ они жили въ старину, отъ кого произошли, всегда ли были такими, каковы они теперь. О! исторія ихъ любопытна! Послушайте, друзья мои.

Каждый народъ улучшается со временемъ; такъ и Казаки, въ началѣ своего существованія при Царѣ Иоаннѣ Васильевичѣ, далеки были отъ славныхъ потомковъ своихъ, отъ того неуспрашимаго, отъ того всегда—неизмѣннаго Государю и Опечеству-Войска Донскаго, которымъ мы гордимся теперь предъ всею Европою! Повѣрите ли вы даже, что первые Казаки были бѣглецы, оставившіе свою родину, Россію, и жившіе всякими несправедливостями? Защищая своихъ любимцевъ, чинашели мои, уже знающіе Римскую Исторію, вѣрно скажутъ, что и Ри-

мляне были такого же происхожденія, и сдѣлались потомъ первымъ народомъ въ свѣтѣ. Точно, вы правы, милыя дѣти, происхожденіе никогда не можетъ уменьшитъ цѣну хорошихъ качествъ человека, и тѣмъ менѣе можетъ вредитъ нашимъ добрымъ Донскимъ соплеменникамъ, что они не сами начали такой родъ жизни, но только подражали тому народу, къ которому удались, оставивъ опечесство.

Этотъ народъ были *Черные Клобуки*, которыхъ Князья Рускіе, во время прежнихъ ссоръ своихъ, часто нанимали, чтобы вести войну другъ съ другомъ. Они были славные наѣзники, охотники драпья и грабятъ, и за деньги, съ радостію рѣшались на всякія опасности. Ихъ называли также *Казаками*. *) Они жили на низовыхъ

*) Имя *Казаковъ* происходитъ отъ *Касоговъ*, народа жившаго около Чернаго моря. Я говорила вамъ, милыя дѣти, что еще Святославъ I-й побѣдилъ ихъ. — Слово *Казакъ* значитъ: *легко-вооруженнаго коннаго воина*.

берегахъ Днѣпра и Днѣстра. Вопль, въ то время, когда Таттары, безъ всякой жалости разоряли Россію,—многіе изъ предковъ нашихъ, жившихъ въ южныхъ областяхъ, и особенно Малороссіяне, лишенные жестокими варварами своихъ родственниковъ, а часто и всего имѣнія, оставляли бѣдное опечесиво и уходили плакать о своихъ несчастіяхъ къ Каакамъ, которые ласково принимали ихъ въ свою службу, давали имъ лошадей, оружіе, учили ихъ своему удальству и наѣздничеству, называли своими братьями — Казаками. Несчастные, потерявъ все, что было для нихъ мило, ненавидя Татаръ, радовались случаю мстить имъ, охотно исполняли всѣ приказанія Казаковъ, гордились ихъ именемъ, и съ того времени не называли себя иначе. Пріятный климатъ, прекрасныя мѣста, изобиліе и свобода во всемъ, увеличивали съ каждымъ годомъ число бѣглецовъ, шакъ чпо чрезъ двѣсти лѣтъ, они совсѣмъ смѣшались съ Черными Клобуками и

сославились одинъ народъ, уже называвшійся только *Казаками*. Владѣнія ихъ дошли до Азовскаго моря, и Казаки, жившіе на берегахъ его, назывались *Азовскими*; а первые, жившіе около Днѣпра и Днѣстра—*Запорожскими*, а потомъ *Украинскими*. Были также Казаки *Ординскіе*: ихъ называли такъ, потому что они состояли по большей части изъ Татаръ или бѣглецовъ изъ Орды. Всѣ эти различные Казаки управлялись Ашаманами, которыхъ сами выбирали. Главныя качества ихъ, которыми они любили хвалиться, были удалство и удивительная храбрость. Они такъ безстрашно нападали на своихъ непріятелей, такъ ловко защищались, такъ проворно скрывались отъ нихъ, что предки наши не могли надивиться ихъ искусству, и часто нанимали ихъ въ свою службу, а потомъ, насмотрѣвшись на нихъ, заводили и у себя въ пограничныхъ городахъ, такіе же полки, и называли ихъ *Казаками*.

Въ 1480 году, Азовскіе Казаки оказали важную услугу нашему опечеству: 16,000 ихъ была съ Тюменскимъ Княземъ Ивакомъ въ то время, когда онъ побѣдилъ послѣдняго Хана Золошой Орды, Ахмата, послѣ котораго Россія уже не была болѣе данницею Татаръ. Но Азовскіе и Ординскіе Казаки существовали только до 1500 года: состоя болѣе изъ бѣглецовъ Татарскихъ, они вѣроятно разошлись по домамъ или пристали къ скипающимъ Калмыкамъ. Какъ бы то ни было, только Исторія съ тѣхъ поръ уже ничего не говоритъ о нихъ, но за то очень много о Казакахъ, поселившихся около 1500 года, на берегахъ рѣки Дона, и опъ того названныхъ *Донскими*. Эти всѣ уже были наши Рускіе выходцы и бѣглецы, исповѣдывали одну съ нами вѣру, говорили однимъ съ нами языкомъ, имѣли одни съ нами обычай. И шакъ, о нихъ какъ о самыхъ близкихъ къ намъ по происхожденію, мы поговоримъ вѣсколь-ко подробнѣе.

Они жили по правому берегу Дона, отъ устья рѣки Аксая до границъ нынѣшней Воронежской Губерніи. Маленькіе городки ихъ были разбросаны въ глуши лѣсовъ и между болотъ, и состояли изъ шалашей и землянокъ, во все не красивыхъ, попому что Казаки не заботились объ этой красотѣ для того—какъ говорили ихъ прадѣды *чтобы глазъ непріятельскій не любовался ими*, и чтобы можно было безъ сожалѣнія оставить ихъ, во время сильнаго нападенія враговъ.

Главный городъ ихъ былъ *Раздоры*, а попомъ *Черкасскъ*. Сюда собирались они изъ всѣхъ городковъ своихъ на совѣщаніе, котораго назывался у нихъ не *Вѣче*, какъ у Новгородцевъ но *Кругъ*. На этомъ *Кругу* рѣшались всѣ дѣла общественныя, и шутъ, каждый годъ, народъ выбиралъ *Ашамановъ* и старшинъ своихъ. Надобно сказать вамъ, милыя дѣшнн, что своеволие Казаковъ было гораздо хуже Новгородскаго: они не признавали надъ собой никакого

Государя, и только тогда уже, когда Короли Польскіе начали припѣснять всѣхъ Запорожскихъ и Литовскихъ Казаковъ, — Донскіе назвались подданными Іоанна IV. Но они желали только покровительства его, не думая повиноваться ему въ полной мѣрѣ. Только одно приказаніе Іоанна Васильевича исполняли они всегда въ точности: приказаніе защищать границы его государства отъ Татаръ Крымскихъ, Нагайскихъ и другихъ варваровъ, еще бродившихъ около Южныхъ областей нашихъ.

Видя какъ усердно Казаки подстерегали непріятелей, какъ искусно и храбро били и прогоняли ихъ, Іоаннъ IV былъ доволенъ ими, ничего болѣе не требовалъ и даже не наказывалъ ихъ за безпрестанныя своевольства.

Таковы еще были Донскіе Казаки въ началѣ царствованія Іоанна Васильевича. Такъ мы ихъ оставимъ теперь сторожить границы наши, а сами по-

спѣшимъ въ Москву: тамъ молодой Государь собирается на какое-то важное дѣло!

ПОКОРЕНІЕ ЦАРСТВА
КАЗАНСКАГО.

1552 годъ.

Положась на храбрость Казаковъ, Иоаннъ не безпокоился о южныхъ областяхъ своихъ. Швеція и Ливонія также не были страшны: онъ ничего болѣе не желалъ какъ свободной торговли съ Россіею. Польскимъ Королемъ былъ уже не безпокойный Сигизмундъ, умершій въ 1548 году, но сынъ его *Августъ*, кошорый занимался болѣе забавами, нежели государственнымъ дѣла-

ми. И такъ, почти со всѣхъ сторонъ Иоаннъ Васильевичъ могъ бышь спокоенъ: одни Казанцы безпрестанно нападали на наши области. Всегдашняя ненависть ихъ къ Рускимъ, сдѣлалась еще сильнѣе съ тѣхъ поръ, какъ Казанью владѣли Крымскіе Ханы. Саишъ-Гирей, послѣ смерти брата своего Магмета, уѣхалъ управляшь Крымомъ, а въ Казани оставилъ племянника своего Сафа-Гирей; законный же Царь Казанцевъ, Шигъ-Алей, изгнанный народомъ своимъ, жилъ въ Москвѣ, подъ покровительствомъ Государя Рускаго. Нѣсколько разъ Иоаннъ возвращалъ ему пошерянный престолъ, но вскорѣ онъ опять лишался его. Казанцы не любили Шигъ-Алея за то, что онъ признавалъ власть Россіи надъ Казанью и былъ всегда вѣренъ Иоанну.

Въ 1549 году умеръ Сафа-Гирей. Наслѣдникомъ его остался, двухлѣтній сынъ, Утемишъ - Гирей; правительницею Казани, во время его малолѣтства мать его, прекрасная Царица Сююнбека

или *Сулбека*. *) Смотри на эту молодую женщину, совсем не привыкшую къ дѣламъ государственнымъ, и на маленькаго Утемишь-Гирея, еще не умѣвшаго говорить, многіе изъ вельможъ Казанскихъ боялись за опечесство свое, и послали къ Крымскому Хану просить защиты прошивъ Царя Рускаго. Другіе, приверженные къ законному Государю своему, Шигъ-Алею, звали его на престолъ Казанскій и клялись въ вѣчной вѣрности къ нему и Россіи. Вы можете предсказать себѣ, млыя дѣти, какая суматоха была тогда въ Казани! Каждый дѣлалъ что хотѣлъ, и огорченная Сулбека часто плакала, не зная какъ справиться съ своими непокорными подданными.

Между тѣмъ Іоаннъ Васильевичъ

*) Когда нибудь вы прочтете Россіяду, поэму Херакова, въ которой представлено паденіе Казани и много говорится о Сулбекѣ. Эта Поэма дала мысль къ сочиненію прекраснаго балета *Сулбека*. Вѣрно многіе изъ васъ восхищались имъ на нашемъ театрѣ.

слѣшилъ воспользоваться такимъ состояніемъ враговъ, болѣе спа лѣшь разорявшихъ подданныхъ его своими набѣгами и съ лучшимъ воинствомъ и Царемъ Шигъ-Алеемъ пошелъ самъ къ Казани. Это былъ пошъ самый походъ, во время котораго построень былъ городъ Свіяжскъ. Полудикіе народы— Чуваши, Мордвы, Черемисы — жившіе въ окрестностяхъ его, и бывшіе данниками Казанцевъ, такъ удивились неожиданному появленію этого прекраснаго города на высокой горѣ своей, такъ поражены были волшебною — по мнѣнію ихъ — силою того, кто могъ сдѣлать это, что сами послали своихъ знапныхъ людей къ Іоанну, и просили его, взявъ ихъ въ подданство къ себѣ.

Умный Государь предвидѣлъ большую пользу отъ новыхъ подданныхъ: опдѣляясь отъ Казани, они уменьшили силы ея, и увеличили его собственныя, и пошому Іоаннъ принялъ ихъ благосклонно, осыпалъ милостями и подарками и не обманулся въ своихъ

ожиданіяхъ: Казанцы, потерявъ помощь споль многихъ данниковъ, сдѣлались гораздо створчивѣе и скоро согласились на всѣ требованія Государя Рускаго: признали Царемъ своимъ Шигъ-Алея, и отправили въ Москву прекрасную Сумбеку и сына ея. Хошя попомки Хановъ Крымскихъ беззаконно владѣли престоломъ Казанскимъ, но жалко было сморѣть какъ эша бѣдная Государыня, еще такъ недавно гордившаяся своею славою и красоною, — теперь слабая и печальная — отправлялась плѣнницею въ столицу Рускую. Тихо ѣхала она въ колесницѣ до рѣки Казанки, гдѣ стояла богатая лодка. За нею — пѣсшуны несли на рукахъ маленькаго Ушемишь - Гирея, который, ничего не понимая, радовался новой прогулкѣ и весело улыбался. Бывшая Царица, садясь въ лодку, печально поклонилась народу, провожавшему ее и навсегда простилась съ нимъ.

Между пѣмъ безпокойные Казанцы не долго были довольны новымъ Ца-

ремь, хотя правду сказать и самъ Шигъ-Алей виноватъ былъ: онъ обходился съ ними слишкомъ жестоко и шѣмъ заставилъ всѣхъ возненавидѣть себя до того, что чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ пріѣхали въ Москву послы Казанскіе и объявили Іоанну Васильевичу, что Казань умоляетъ его избавить ее отъ Шигъ-Алея и дать только *намістника Московскаго*, копорому она будетъ повиноваться охотнѣе, нежели жестокому Царю своему.

Іоаннъ еще разъ милостиво выслушалъ Казанцевъ, еще разъ исполнилъ просьбу ихъ: убѣдилъ Шигъ-Алея выѣхать изъ Казани и сдѣлалъ *намістникомъ* ея, Князя Микулинскаго. Покореніе безпокойнаго Царства казалось уже несомнительнымъ, но прежде нежели Князь Микулинскій успѣлъ доѣхать туда, — Казань еще разъ измѣнила!

На эту—уже послѣднюю измѣну—преклонилъ ее опять Крымскій Ханъ, но уже не Саипъ-Гирей, недавно умершій, а племянникъ его Девлетъ-Гирей.

Онъ обѣщаль Турецкому Султану—начинавшему бояться могущества Россіи, спасши Казань и поддержавъ прежнюю славу Татарскаго Царства. Сдѣлавъ Казанскимъ Царемъ, Аспраханскаго Царевича Эдигера — Девлетъ-Гирей отправилъ его туда, а самъ зная, что Іоаннъ занялъ теперь одною Казанью и что даже большая часть казаковъ находится шамъ въ службѣ его—вздумалъ сдѣлать сильное нападеніе на Рускія области.

Но благоразуміе, храбрость и болѣе всего вѣра Іоанна, спасли Россію! Надѣясь на Бога, помогающаго справедливости, онъ принялъ самъ начальство надъ войскомъ, не смотря на слезы Царицы Анастасіи и всего народа, которые умоляли его беречь драгоценную жизнь свою и останься въ Москвѣ. Утѣшая плачущихъ и обнимая нѣжную супругу свою, онъ показавъ такую твердость, какой нельзя было ожидать отъ его молодости. Смотря на его веселое, мужественное лице,

всѣ , самые слабые люди, ободрились и съ какою-то надеждою простились съ нимъ 16 Іюня 1552 года.

Эта надежда была не напрасна: не прошло мѣсяца , и Крымскій Ханъ уже бѣжалъ изъ Россіи, скорѣе нежели пришелъ туда, а побѣдитель его уже отправился въ походъ на Казанцевъ. Однакожъ покореніе этого мятежнаго народа дорого стоило Рускимъ, не смотря на то, что они имѣли гораздо болѣе познаній въ военномъ искусствѣ , нежели Казаңцы : здѣсь , въ первый разъ говорится въ исторіи нашей о подкопахъ , которыми Рускіе взрывали стѣны и башни Казанскія , и которыя помогли имъ наконецъ ворваться въ городъ и одержать совершенную побѣду. Предки наши очень гордились этою побѣдою, и имѣли на то полное право, потому что Казаңцы , рѣшившись скорѣе умереть , нежели покориться , сражались шакъ отчаянно, что осада Казани, не смотря на всѣ убѣжденія Іоанна Васильевича , не смотря на всѣ

мирныя предложенія его, продолжалась съ Августа мѣсяца до 1-го Октябрю. Въ этотъ день сдѣланъ былъ рѣшительный приступъ, взорвано нѣсколько новыхъ подкоповъ, и послѣ геройства почти невѣроятнаго съ обѣихъ сторонъ, гордая Казань наконецъ сдалась Рускому войску, котораго начальникомъ былъ знаменитый Князь Воротынской, первый виновникъ побѣды, и назвала Государемъ своимъ Іоанна Васильевича. Но жилиши ея, прежде нежели рѣшились на это, сдѣлали все, что только подавало имъ малѣйшую надежду къ спасенію своего царства: они зажигали свои дома, сражались даже посреди города, въ улицахъ, и наконецъ Царь ихъ, Эдигеръ, съ остальными Казанцами, еще около часа защищался въ укрѣпленномъ дворцѣ Царскомъ. Но храбрость Рускихъ побѣдила все! Не гордясь своею побѣдою, они приписывали ее свяшой помощи Бога и благочестивый Государь, войдя въ пылавшій городъ, прежде всего принесъ

благодарность небесному Помощнику своему и отслуживъ молебень у главныхъ городскихъ воротъ, называвшихся *Царскими*, поставилъ на этомъ мѣстѣ крестъ и назначилъ быть тамъ первой церкви Христіанской. Тутъ же послѣ молебна предсказали ему бывшаго Царя Казанскаго, Эдигера. Іоаннъ принялъ его съ кротоснію, и видя, что онъ раскаевается въ своемъ упрямствѣ, и даже желаетъ креститься въ вѣру Христіанскую, не упрекалъ его ни въ чемъ. Впрочемъ молодой Государь былъ такъ счастливъ славною побѣдою своею, такъ радовался покоренію знаменишаго царства, такъ утѣшался мыслию, что подданные его навсегда избавились отъ нападеній жестокихъ Казанцевъ, что ему не хопѣлось ни на кого сердиться: онъ былъ ласковъ ко всѣмъ, благодарилъ за храбрость и знатныхъ воеводъ и простыхъ воиновъ, утѣшалъ раненыхъ, плакалъ объ убитыхъ, забоился даже о врагахъ, хвалилъ ихъ мужество, и

такъ обходился съ побѣжденными, что разбѣжавшіеся жишели Казани, на другой же день возвратились въ дома свои и сдѣлались вѣрными подданными его.

Устроивъ новый порядокъ въ Казани, сдѣлавъ Намѣстникомъ ея, Князя Александра Горбашаго-Шуйскаго, а товарищемъ его Князя Серебрянаго, и оставивъ у нихъ около 5000 войска, Иоаннъ Васильевичъ отправился 11 Октября въ Москву. Не лзя описать съ какою радостію встрѣчали его по всей дорогѣ! Молодой двадцати-двухлѣтній побѣдитель народа жестокаго и опчаянно-храбраго, народа, 115 лѣтъ разорявшаго Россію — казался всѣмъ человекомъ неземнымъ, казался ангеломъ, посланнымъ отъ Бога вознести опечесиво наше выше всѣхъ другихъ государствъ! Мы — привыкшіе видѣть Рускихъ побѣдителями во всѣхъ войнахъ, какія случались въ наше время; мы уже соединившіе съ именемъ Рускаго — мысль о военной славѣ, — мы никакъ не можемъ

поняшь всей радости, какую чувствовали предки наши, услышавъ о побѣдѣ Иоанна! Это былъ какой-то неизъяснимый восторгъ, о которомъ всѣ испорки ихъ говорили какъ поэмы.

Въ то самое время какъ Москва готовилась встрѣтить любимаго Государя своего, судьба — казалось, хотѣла дать ему почувствовать все счастье возможное для человѣка: у него родился первый сынъ и наследникъ — Царевичъ Димитрій. Эта новая радость восхищала сердце Иоанна: онъ не зналъ какъ благодарить Бога за всѣ милости, ему посылаемыя! Чувствуя всю великость ихъ, онъ съ слезами на глазахъ подъѣзжалъ къ столицѣ и еще за шесть верстъ отъ нее встрѣченъ былъ народомъ, который пѣснился около его лошади, цѣловалъ его ноги, руки, и безпрестанно кричалъ: „Многая лѣта Царю благочестивому, побѣдителю варваровъ, избавителю Христіанъ!“ Ласково кланяясь на всѣ стороны, Государь едва могъ проѣхать сквозь пѣ-

сные ряды народа! Ослушавъ молебенъ въ Успенскомъ Соборѣ, Иоаннъ спѣшилъ во дворецъ. Здѣсь-то, обнимая супругу и сына, слушая поздравленія окружавшихъ его вельможъ, видя искреннюю любовь народа, полпившагося съ радостными криками на площади дворцовой, молодой герой почувствовалъ всю цѣну счастья, какимъ Богъ наградилъ пѣрвое намѣреніе его исправиться, и благословилъ минушу своей чудесной переменны. Ахъ! еслибы онъ навсегда остался тѣмъ, чѣмъ былъ въ это незабвенное время! Тогда Россія назвала бы его не *Грозныиъ* - но *Великииъ* Иоанномъ!

СЛАВА ІОАННА ІV

И

КОНЧИНА АНАСТАСІИ.

Отъ 1552 до 1560 года.

(Пер. 8 лѣтъ.)

Послѣ побѣды Казанской много было праздниковъ при дворѣ, но самымъ лучшимъ и пріятнымъ—было крещеніе Царевича-наслѣдника и двухъ бывшихъ Царей Казанскихъ: Эдигера и маленькаго Утемишь-Гирея. Первый, названный *Симеономъ*, жилъ потомъ въ Кремлѣ, имѣлъ много бояръ, служившихъ

при немъ и женился на дочери одного знатнаго чиновника, Кушурова. Сохранивъ до смерти имя Царя Казанскаго, онъ совершенно забылъ прежнее свое царство и во всю жизнь свою былъ вѣрнымъ подданнымъ Россіи. Чтожъ касается до маленькаго Утемишь-Гирея, котораго въ крещеніи назвали *Александромъ*, то Государь взялъ его къ себѣ, во дворець, и заботился о немъ, какъ о сынѣ.

Еще жилиши Московскіе не успѣли наговориться о покореніи Казани, еще не успѣли нарадоваться славъ молодаго Царя своего, какъ вдругъ разнеслась ужасная вѣспь объ его опасной болѣзни: Іоаннъ занемогъ сильною горячкою. Всѣ встревожились, всѣ съ отчаяніемъ говорили: „видно грѣхи наши страшны — велики, когда Богъ опнииаеть у насъ такога Государя!“, Это отчаяніе было общее, начиная отъ дворца до самыхъ бѣдныхъ жилищъ: всѣ равно любили Іоанна добраго, вели-

каго, обѣщавшаго такъ много славы народу своему!

Между тѣмъ, какъ это новое несчастье заспавляетъ плакать всю Москву, мы съ маленькими читателями посмотримъ что дѣлается во дворцѣ Кремлевскомъ, и особенно въ почивальной Государя! О! шамъ была еще сильнѣйшая горестъ: шамъ плакала Царица о супругѣ, нѣжно любимомъ, шамъ плакали болре о славѣ и величїи Россїи, копорыя должны были погаснуть вмѣстѣ съ жизнью Іоанна! Но не всѣ изъ нихъ были заняты этою мыслію, и когда умирающій Іоаннъ объявилъ наследникомъ сына своего, малюшку Дмитрїя и приказалъ знатнѣйшимъ чиновникамъ, присягнуть ему, — не всѣ согласились на это. Многіе изъ бояръ начали шумѣть, спорить, говорили, что они не намѣрены опять подвергнуться тѣмъ несчастьямъ, какія уже испытали во время малолѣтства Іоанна, и хотѣли по смерти его сдѣлать Государемъ своимъ, не роднаго брата

его Юрія, слабаго умомъ и памятью, но двоюроднаго, Владиміра Андреевича, имѣвшаго много блестящихъ достоинствъ. Вообразите себѣ, милья дѣти, ужасное положеніе Іоанна Васильевича, какъ Царя и опца! Не смотря на всю жестокость болѣзни, онъ былъ въ полной памяти, и слышалъ весь этотъ споръ! И безъ того, невыразимо-грустно было для него распаваться съ жизнью; оставялъ столько радостей, столько счастья, столько славы! Оставлялъ прекрасную, добродѣтельную супругу, шестимѣсячнаго сына, добрый народъ, такъ искренно проспившій прежніе пороки его, и такъ нѣжно любившій его! . . . Все это, живо представляясь Іоанну, мучило его жестокою тоскою, и въ это самое время онъ услышалъ споръ бояръ, опвергавшихъ сына его! Онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы остановить ихъ, а нечувствительные, забывъ о Государѣ умирающемъ, шумѣли въ самой спальнѣ его! Въ числѣ ихъ, Іоаннъ, съ новою горестію

увидѣлъ и Окольниковъ Федора Адашева, опца любимца его Алексія, и духовника своего, Сильвестра.

Но Богъ вѣроятно хотѣлъ только испытать эпою болѣзнію и вердость молодого Государя: къ радости всѣхъ, онъ выздоровѣлъ, и хотя въ немъ осталась непринтное воспоминаніе о томъ, что люди, самые приближенные къ нему, не хотѣли назвать Царемъ сына его, но великая опъ природы душа Іоанна проспала вину ихъ. Можетъ быть, и самое воспоминаніе объ эпою жестокомъ оскорбленіи, со временемъ, совершенно изгладилось бы изъ его сердца, если бы не слѣдующій случай:

Государь, желалъ показати пламенную благодарность свою къ Богу, ѣздилъ послѣ выздоровленія вмѣстѣ съ супругою и даже маленькимъ Царевичемъ въ Бѣлозерскій Кирилловъ монастырь, *) и тамъ видѣлся съ бывшимъ

*) Этотъ монастырь и нынѣ существуетъ, и находится въ Новгородской Губерніи при озерѣ Одольскомъ въ 36 верстахъ отъ Бѣлаго Озера.

Епископомъ Вассіаномъ, который пользовался нѣкогда большею милостію Великаго Князя Василія IV, но потомъ, въ правленіе Бояръ, былъ сосланъ за хитрости и жестокость. Съ того времени, онъ ненавидѣлъ бояръ и не смотря на старость свою, искалъ всѣхъ случаевъ вредить имъ. Какъ же онъ обрадовался, когда Государь пріѣхалъ въ топь монастырь, гдѣ онъ жилъ; а еще болѣе, когда пришелъ къ нему въ келлію, началъ милостиво разговаривать съ нимъ о томъ времени, когда Вассіанъ былъ еще при Дворѣ, и уважая въ немъ любимца отца своего, просилъ у него совѣща, какъ лучше управлять государствомъ. Хитрый старикъ воспользовался этою минутою и этимъ вопросомъ, и съ злою радостію сказалъ молодому, доброму Царю: „Если хочешь быть настоящимъ Государемъ, то не имѣй совѣтниковъ умнѣе себя: ты долженъ учиться, а не учишься—повелѣвать, а не слушаться: Тогда будешь твердъ

на царствѣ, и вельможи будутъ бояться тебя!,,

Такой совѣтъ былъ согласенъ съ тогдашнимъ расположеніемъ духа Іоаннова, которому еще живо представлялась дерзость бояръ во время его болѣзни. Съ чувствомъ благодарности поцѣловалъ онъ руку бывшего Епископа и вскричалъ: ., Самъ отецъ мой не далъ бы мнѣ лучшаго совѣта!,,

Съ эпою минуты искра неудовольствія, шайвшаяся въ сердцѣ Государя начала разгораться и произвела въ послѣдствіи всѣ пороки его и всѣ несчастія Россіи! Да, милья дѣти. много значить одно слово злаго чловѣка; часто его довольно бываетъ, чпобы испортишь десянь добрыхъ сердець! Берегитесь же злыхъ людей, никогда не слушайте совѣтовъ ихъ, и помните несчастный примѣръ Іоанна. Но я не буду заранѣе печалить васъ, друзья мои! Еще Іоаннъ добръ, благородень, великъ, еще слова Вассіана не успѣли укорениться въ его сердцѣ и памяти,

но только слегка представляюся ему. Со временемъ они сдѣлаюшъ то, чего хотѣлъ злой Вассіанъ, но теперь мы еще можемъ насладиться добродѣтелями молодого Царя, еще можемъ порадоваться громкой славѣ его!

Возвратясь изъ путешествія своего. Іоаннъ съ прежнимъ усердіемъ занялся дѣлами Государственными, и хотя въ душѣ его скрывалось теперь болѣе неудовольствія на бояръ, обидѣвшихъ его, но онъ ни однимъ словомъ, ни однимъ взглядомъ не показалъ его. Впрочемъ, ему и времени не было много думать о нихъ: неугомонные жители Царства Казанскаго, несмотря на то, что были уже подданными Россіи, часто затѣвали новыя безпокойства, такъ что Рускіе еще обоюдопяти лѣтъ не могли быть совершенно увѣрены въ ихъ покорности. Послѣ этого времени многіе изъ нихъ начали креститься въ вѣру Христіанскую, которая смягчила нравы ихъ; другіе же усмирены были

Казаками и *Стрѣльцами*, *) жившими по приказанію Іоанна въ крѣпостяхъ и городахъ Казанскихъ.

Въ 1557 году слава Іоанна увеличилась покореніемъ новаго Царства: *Астрахани*. Городъ *Аспрахань*, построенный при устьѣ Волги и называвшійся прежде *Астороканью*, существовалъ еще при началѣ государства Рускаго. Въ немъ жили прежде Казары, потомъ Алане, наконецъ послѣ разоренія Золотой Орды, Асторокань была столицею *Татарскихъ Хановъ*, одноплеменныхъ съ *Нагайскими Князьями*. Эти Ханы никогда не были сильными владѣтелями и спасаясь отъ припѣсеній *Черкесовъ* и *Крымцевъ*, часно прибѣ-

*) Іоаннъ IV, улучшая войско наше, завелъ *Стрѣльцовъ*: это были пѣхотные полки, которыхъ выбирали изъ сельскихъ людей и вооружали пищалями. *Пищаль* значитъ старинное ружье, славившееся для прицѣливанія на сошкѣ. Стрѣльцы составляли безсмынное войско, жили обыкновенно въ городахъ и употреблялись болѣе всего для осады крѣпостей.

гали къ покровительству Россіи, и послѣдній изъ нихъ *Дербышъ*, обязанный сохраненіемъ престола своего Иоанну IV-му, въ минушю искренней благодарности своей къ благодѣяніямъ его, поклялся вмѣстѣ со всѣмъ народомъ повиноваться Рускому Царю, какъ своему верховному Государю. Но прежде нежели опборное войско, посланное къ нему на помощь отъ Иоанна и состоявшее изъ Царскихъ дворянъ, Жильцовъ, Дѣтей боярскихъ, Спрѣльцовъ и Казаковъ, успѣло удалиться, Дербышъ измѣнилъ своей клятвѣ и передался къ Крымскому Хану, Девлетъ-Гирею. Подданные его, уже испытавшіе разницу между благодѣшнымъ покровительствомъ Россіи и дерзкими поспушками Крымцевъ, очень недовольны были измѣною своего Государя, и обрадовались когда храбрые Спрѣльцы и Казаки совершенно разбили его и заснавили бѣжашъ въ Азовъ. Тогда они всѣ дали новую присягу Россіи и навсегда уже остались ея вѣрными подданными.

Наша нынѣшняя *Астрахань* построена въ нѣсколькихъ верстахъ отъ старинной *Асторокани*. Даже камни на построение нѣкоторыхъ домовъ новаго города, брали изъ развалинъ стараго. *Аспрахань* славится теперь большими плодоносными садами и богатѣйшими рыбными ловлями. Во время же *Іоанна IV* пріѣзжали туда торговать купцы изъ *Шамахи*, *Дербенша*, *Шавкала*, *Тюмени*. *Хивы*; жители многихъ изъ этихъ земель хотѣли также какъ и *Астраханцы*, быть въ подданствѣ *Россіи*. *Іоаннъ* ласково принималъ ихъ и своими умными, благодѣтельными распоряженіями доставлялъ столько счастья новымъ подданнымъ своимъ, что слухъ о славѣ его достигъ до отдаленныхъ странъ *Сибири*!

Сибирь не была еще въ то время тою обширною землею, которой пространству и непроходимымъ лѣсамъ, вѣрно вы удивляешься теперь, милыя дѣти, смотря во время Географическаго урока, на карту *Азіи*! Нѣтъ, тогда из-

вѣсна была подъ именемъ Сибири, только средняя часть нынѣшней Тобольской губерніи. Ею управляли Князья Монгольскіе, потомки Батыева брата, *Шибана*. Рускіе ничего болѣе не знали объ этой Сибири, но послѣ покоренія царствъ Казанскаго и Аспраханскаго, пріѣхали въ Москву два посла отъ Князя Сибирскаго Эдигера, съ поздравленіемъ къ Царю, по случаю побѣды его, и съ просьбою защитить его отъ другихъ Князей Таттарскихъ, разорявшихъ его землю. Эдигерь обѣщаль платить за это богатую дань Царю: по соболу и по бѣлкѣ съ каждаго человека въ годъ. По его словамъ, въ Сибири было тогда 30,700 человекъ жителей.

Вотъ какъ возвысилась Россія въ царствованіе Іоанна IV-го! Кипо бы изъ предковъ нашихъ, съ такимъ страхомъ опирающихся на судъ въ Золотую Орду, повѣрилъ, что наступитъ время, когда потомки жестокихъ и гордыхъ прицѣпителей ихъ, будутъ искать

чести были подданными Царей Русских! Но не думайте, друзья мои, чтобы только одни необразованные Татары показывали такое уважение къ Иоанну; нѣтъ, слава о немъ долегла даже до Англіи, не имѣвшей прежде никакого понятія объ опечестивѣ нашемъ: въ Августъ 1553 года вошелъ Англійскій корабль въ Двинской заливъ Бѣлаго моря и присталъ къ берегу, гдѣ былъ монастырь Св. Николая и гдѣ попомъ построень городъ *Архангельскъ*. Рускіе рыбаки, увидѣвшіе въ первый разъ большой корабль, испугались и хопѣли уплыть въ лодкѣ своей подалше отъ невиданнаго чуда, но Капишанъ корабля, *Ченселеръ*, оспановилъ ихъ, и сказалъ, что онъ пріѣхалъ изъ Англіи съ письмами къ Государю ихъ отъ своего Короля, который желаетъ завести съ Рускими торговлю. Начальники Двинской земли пошчасъ дали знать объ этомъ Иоанну, — который, понимая какъ выгодна можетъ быть для народа его торговля съ Англичанами, уже и тогда

славившимися своими морскими путешествіями и богатымъ купечесствомъ— приказалъ послу Англійскому пріѣхать въ Москву и принять его и всѣхъ бывшихъ съ нимъ Англичанъ, такъ милоштиво и такъ ласково, что они не могли безъ особеннаго чувства благодарности писать о томъ въ Лондонъ, и съ того времени и торговья сношенія Рускихъ съ Англичанами и дружество Государей ихъ, продолжались во все время царствованія Іоанна.

Но высоко уважаемый и самыми опідаленными Владѣтелями, онъ не находилъ такого расположенія въ близкихъ сосѣдяхъ своихъ, и безиреспанно долженъ былъ бояться нападеній по Шведскаго Короля Густава Вазы, по Польскаго — Августа, по Крымскаго Хана, Девлетъ Гирея. Всѣ они боялись возраспающаго могущества Россіи и старались всѣми силами вредить ей. Густава Вазу — который былъ тогда уже очень старъ,—скоро усмиряли храбрые полки Рускіе; Крымскаго Хана про-

гоняли отъ границъ нашихъ Стрѣльцы, а въ особенності Днѣпровскіе или Литовскіе казаки, перешедшіе тогда въ подданство Россіи съ Ашаманомъ своимъ, Княземъ Вишневецкимъ. Чтожъ касается Польскаго и Литовскаго Короля Августа, то главною причиною несогласій его съ Рускимъ Царемъ—была Ливонія. Иоаннъ жестоко мстилъ ей за то, что она, стараясь помѣшать просвѣщенію Россіи, не пропускала въ нее выписанныхъ имъ ученыхъ и художниковъ. Къ тому же, онъ почиталъ Ливонію землею, давно принадлежавшею Россіи, пошому что еще Великій Князь Георгій или Юрій Владиміровичъ Долгорукій завоевалъ ее, и въ 1030 году основалъ въ ней городъ, названный по его имени, *Юрьевымъ*, а потомъ *Дерптомъ*, построилъ тамъ церкви Греческія, и наложилъ дань на всю землю, которая съ того времени считалась Рускою, и только въ 1210 году опята была у насъ Ливонскими рыцарями. Иоаннъ IV, помня все это и

еще болѣе помня послѣднюю дерзость Ливонцевъ, непременно рѣшился возвратишь Россіи прежнія владѣнія ея, и уже взялъ Нарву, Нейшлосъ, Адежъ, Нейгаузъ, Дерпшъ и много другихъ городовъ, а Король Польскій, желая не менѣе Ливонцевъ вредишь Рускимъ, уготавливалъ рыцарей, не теряшь бодрости и съ радостию обѣщаль имъ свою помощь и покровишельство, когда Магистръ Ливонскаго ордена, со всѣми рыцарями и дворянствомъ, присягнулъ ему въ вѣрности и просилъ защиты противъ Іоанна. Ливонцы хотѣли лучше зависѣшь опъ Польши, нежели опъ Россіи. Послѣ этого надобно было ожидать наступящей войны съ Липвою и Польшею; Ливонская же—продолжалась уже два года, и во все это время войско Русское не переставало побѣждать. Изъ Воеводъ Іоанновыхъ, всѣхъ болѣе отличались въ этой войнѣ, Князья: Андрей Курбскій, Иванъ Мстиславскій, Петръ Шуйскій, Василій Серебряный и Даніиль Адашевъ, братъ Алексія.

Несчастливая Ливонія почти вся была разорена и выжжена, слабые рыцари, не смотря на всю храбрость Магистра своего, молодаго Кеплера, вездѣ уступали; между тѣмъ, Рускіе, гордясь необыкновенными достоинствами Царя своего, его славою, его неизмѣннымъ счастьемъ и своими побѣдами, уже надѣялись скоро поздравить другъ друга съ совершеннымъ усмирениемъ Ливоніи и Польши, какъ вдругъ разнеслась горестная вѣсть о неожиданномъ несчастіи, и остановила надежду и побѣды ихъ, остановила всѣ радости народа, всѣ мечны о счастьи самаго Іоанна! Эта ужасная вѣсть была: кончина крошкаго Ангела, прекрасной Царицы Анастасіи. Въ Полѣ 1560 года, она вдругъ занемогла, и больная — испугалась сильнаго пожара, случившагося въ Москвѣ. Испугъ усилилъ болѣзнь и не смотря на все искусство врачей, Анастасія скончалась 7 Августа. Какъ описать вамъ, милья дѣти, по что

происходило тогда въ Москвѣ? Государь былъ въ совершенномъ отчаяніи: эшошь твердый, мужественный, великій Іоаннь, плакалъ и рвался какъ слабая женщина! Бояре, окружавшіе его, и даже самъ братъ его, Князь Юрій Васильевичъ, боялись утѣшать его; одинъ Митрополитъ иногда осмѣливался подойти къ нему и напоминать о томъ, что христіанинъ долженъ быть покоренъ Богу. Народъ неутѣшно рыдалъ; бѣдные, идучи за гробомъ доброй благодѣтельницы своей, называли ее всѣми нѣжнѣйшими именами, и въ глубокой, неліцемерной горести, даже отказывались принимать милостыню! Однимъ словомъ, — всѣ какъ будто бы предчувствовали, что вмѣстѣ съ прекрасною душою Анаспасіи отлетятъ на небо и добродѣтели Царя и счастье народа его! Они угадали: слава Іоанна добродѣтельнаго, кончилась съ жизнью супруги его и онакавъ первую, незабвенную Царицу свою, предки наши при

ГОШОВЛЯЛИСЬ КЪ ПѢМЪ ГОРЬКИМЪ СЛЕ-
ЗАМЪ, КОТОРЫЯ ПРОЛИВАЛИ ОНИ ПОПОМЪ
ОПЬ ЖЕСПОКОСШЕЙ УЖЕ НЕ ВЕЛИКАГО, НО
ГРОЗНАГО, НО СТРАШНАГО СВОИМИ ПОРО-
КАМИ ІОАННА!

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

В Т О Р О Й Ч А С Т И :

	стр.
Кончина Св. Мученика и В. К. Михаила I-го.....	1.
Мщение.....	11.
Іоаннъ Калита и Москва, столица Россіи.....	23.
Святый Митрополитъ Алексій.....	37.
Рускія дѣти.....	49.
Донское сраженіе или битва Куликовская.....	56.
Новое несчастіе Москвы и разбой Новгородцевъ.....	77.
Великодушіе Кн. Владиміра Храбраго.....	87.
Вѣра и набожность Рускихъ.....	98.
Два хитрые врага.....	106.
Ссора на свадьбѣ В. К. Василія III-го.....	119.
Димитрій Шемяка.....	133.
Послѣдніе годы княженія Василія Темнаго.....	143.
Великій Князь Іоаннъ III и Греческая Царевна Софія.....	151.
Совершенное покореніе Новгорода.....	162.
Россія освобожденная.....	169.
Новое состояніе Россіи.....	178.
Два наследника престола.....	187.

	стр.
Покореніе Пскова и совершенное уничтоженіе удѣловъ.....	200.
Нравы и обычаи Рускихъ при Василии IV.....	212.
Правительница Елена и Князь Телешневъ.....	231.
Дѣтство и первая молодость Іоанна IV.....	237.
Чудесная перемѣна.....	249.
Казаки.....	265.
Покореніе царства Казанскаго.....	281.
Слава Іоанна IV и кончина Анастасіи.....	294.

Въ 1-й части сей *Исторіи* на стр. 14, строк. 9. ошибкою напечатано: *Игоря Святославица* вмѣсто: *Рюриковича*.

Во II-й части, на стр. 216 внизу: *уваль*, вмѣсто *оуаль*.